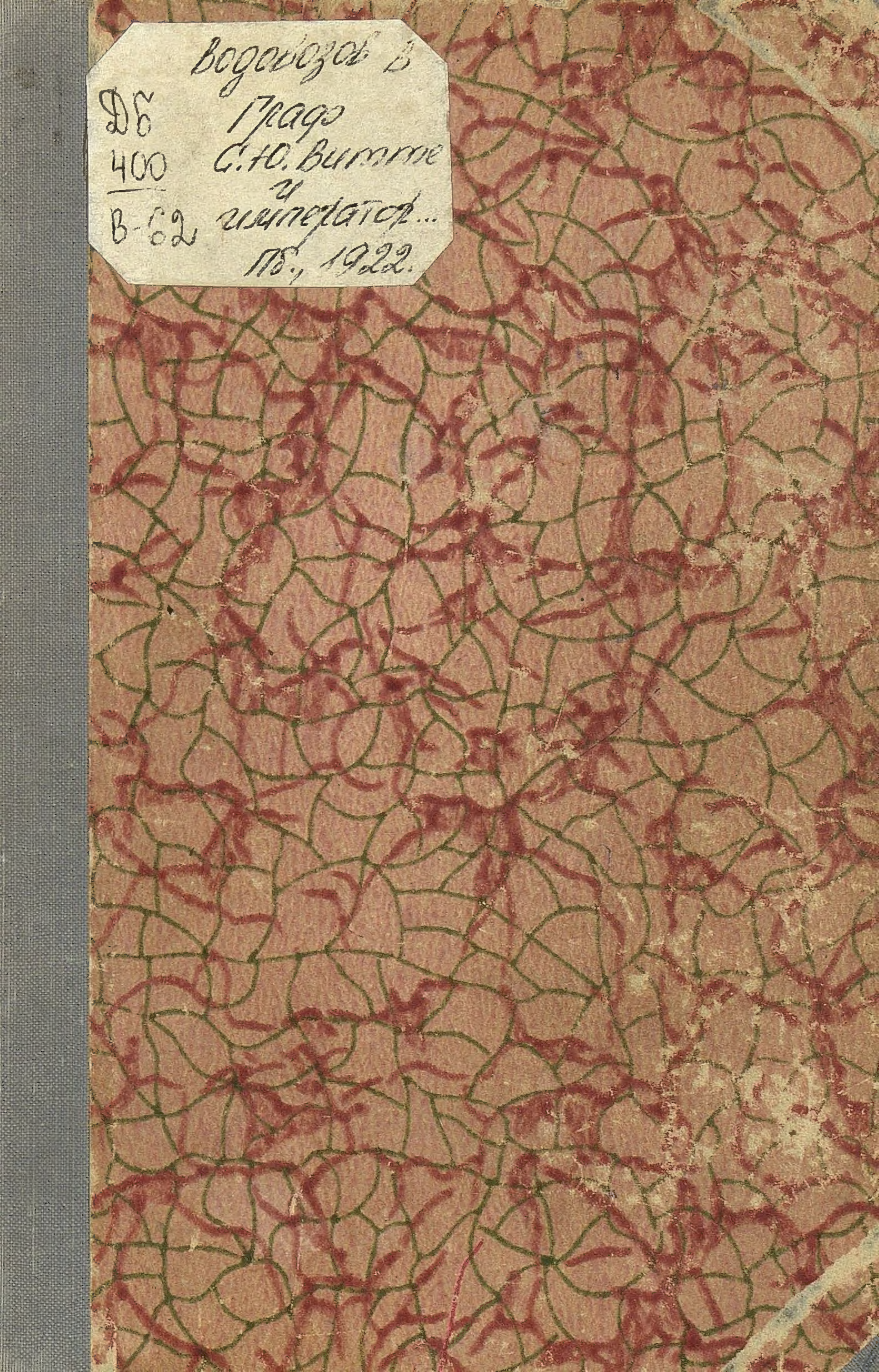
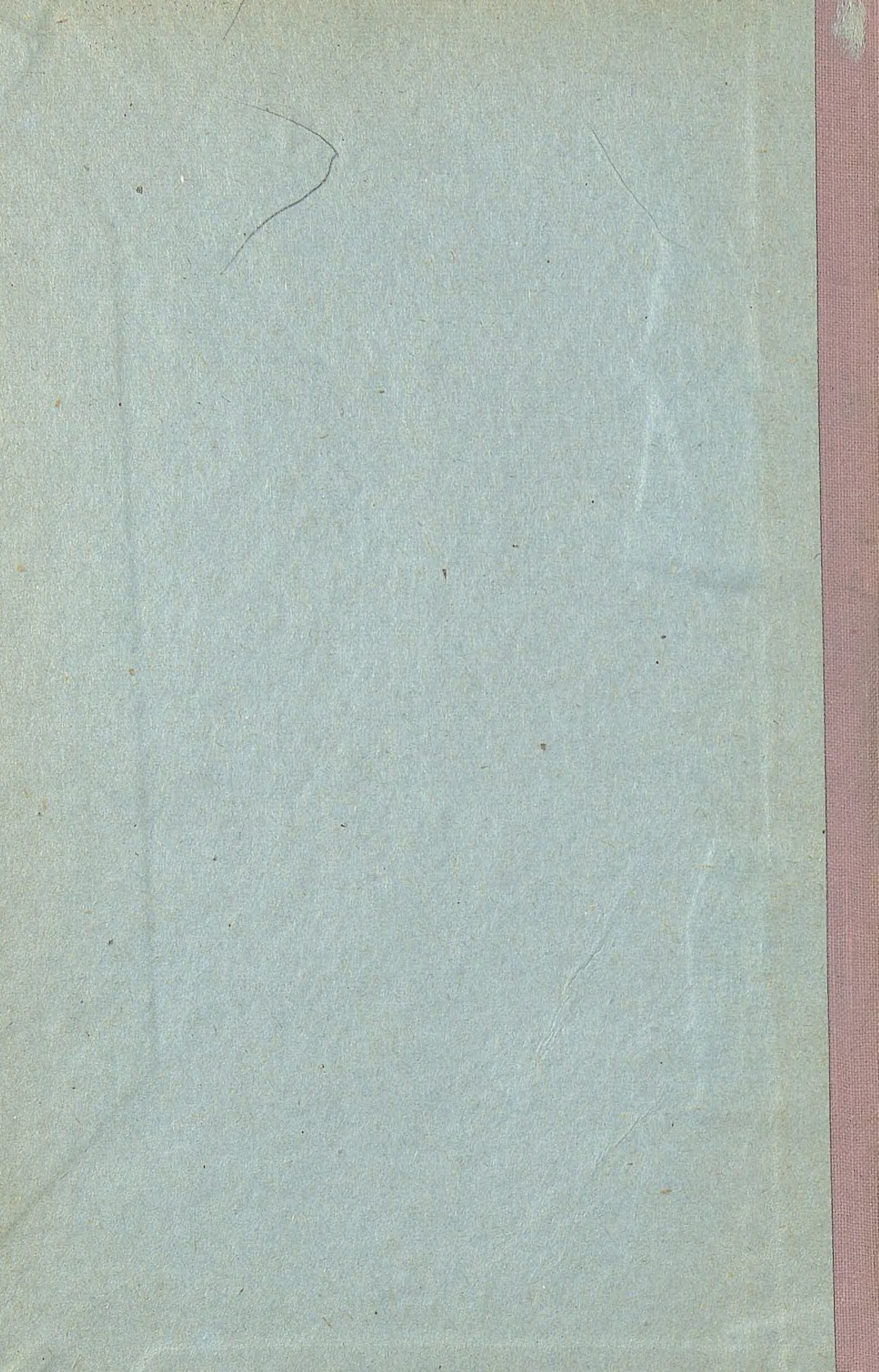

Водовозов В.
ДБ
400
В-62
Граф
С.Ю. Витте
и
император...
Пб., 1922.

ГРАФ С. Ю. ВИТТЕ
и
ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II.

В. В. ВОДОВОЗОВ.

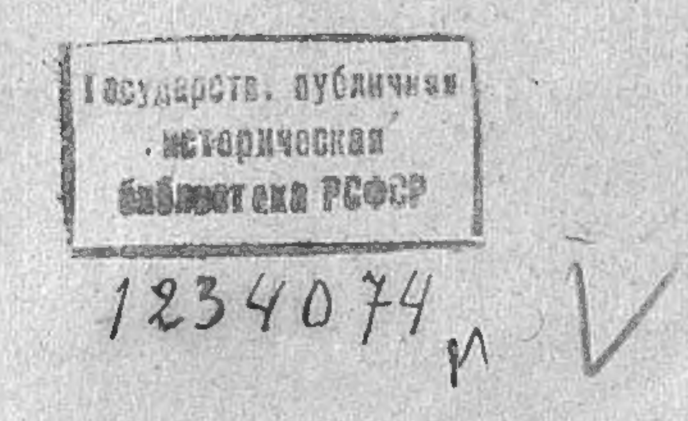
ЦЕНТРАЛЬНОЕ КООПЕРАТИВНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЫСЛЬ“
ПЕТЕРБУРГ — 1922

ГРАФ С. Ю. ВИТТЕ
И
ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II

В. В. Водовозов.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КООПЕРАТИВНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЫСЛЬ"
ПЕТЕРБУРГ — 1922

Р. Ц. № 1378. Тираж 2000.

14 Государств. типография. Пет. Социалистическая, 14.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление.

Две различных рукописи мемуаров Витте и два их издания.

«Крупный человек, в великие минуты все же оказавшийся не на высоте задачи. Крупный ум, мелкая душа»—такова характеристика С. Ю. Витте, ставшая почти шаблонной. Многократно повторялась она как при жизни Витте, так и тотчас после его смерти [1]).

---

[1]) «Смелостью и решительностью действий, грандиозностью своих планов он создавал новую обстановку государственной жизни. Единственный раз, когда условия момента—в октябре 1905 года—могли бы возвести его на историческую высоту, на перевал русской государственности, условия эти оказались ему не по плечу. Для этих исключительных условий граф Витте оказался недостаточно крупным, как, наоборот, был слишком крупным для того, чтобы ориентироваться в господствующих течениях и отдаться сильнейшему». Из воспоминаний о гр. Витте И. Гессена «Речь», 1915 г., № 58. «Недостаток темперамента, несмотря на наличность у него большой предприимчивости и смелости, сказался потом гораздо заметнее, когда... крупнейшие исторические задачи, выпавшие ему на долю, оказались ему решительно не по плечу, и когда он производил на людей, имевших с ним дело, впечатление старой слезливой бабы, по выражению Пергамента». А. Корнилов «Был ли Витте великим государственным человеком?» «Речь». 1915 г. № 97. — «Витте был несомненно, гениальным государственным деятелем... Нравственная личность Витте не стояла на уровне его государственной одаренности... Отсутствие морально-идейного стержня у Витте особенно поразительно именно в связи с его политической гениальностью. Оно налагало на всю его фигуру какой-то почти зловещий отпечаток. Витте понял необходимость коренного преобразования нашего государственного строя... но в новых условиях (1905 г.), рожденных в буре и грозе, не мог разом и победоносно разобраться. Состояние, в котором находился Витте после 17 октября 1905 г., было состоянием недоумения, растерянности и пассивности. В этой обстановке Витте положительно не нашелся». П. Струве. «Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики». «Русская Мысль», 1915, № 3, стр. 130—132. — «Ирония истории зашла так далеко, что ему самому (графу Витте) пришлось осуществлять переход (к конституционным порядкам). Тут то и обнаружилось, что новая роль Витте, тогда уже графу, не по плечу». А. Изгоев. «На перевале. С. Ю. Витте». «Русская Мысль». 1915 г. № 3 стр. 157—П. Б. Струве не одинок в признании «гениальности» Витте: ту же самую оценку, и даже без оговорок о нравственном ничтожестве Витте, можно иногда встретить совсем в другом лагере, так напр.,

Государственная деятельность Витте у всех на виду, но в настоящее время появились в свет его «Воспоминания». В них выясняются условия и обстановка, в которых протекала эта деятельность, те препятствия, которые приходилось ему преодолевать, а главное—вскрываются личные мотивы и соображения, руководившие графом Витте, вообще раскрывается он сам во всей своей духовной сущности, и таким образом дается возможность для проверки составившихся о нем прежде мнений.

Но не только автопортретом и автобиографией являются мемуары Витте, они представляют очень ценный вклад в историю России последнего времени. Они дают ряд ярких портретов наиболее выдающихся лиц—и прежде всего самого императора Николая II-го, некоторых великих князей, П. Н. Дурново, Горемыкина, Сипягина, Плеве, Столыпина, Н. В. Муравьева и очень многих других; они дают живую картину нравов, господствовавших при дворе и в правительстве, богатую новыми фактами закулисную историю подготовления японской войны и многое, очень многое другое. Кто хочет понять, почему и как вековая монархия Романовых была обречена историей на слом, и почему и как ускорил ее падение последний самодержец, который вряд ли мог действовать успешнее, если бы сознательно и намеренно поставил себе задачею ее гибель, тот не найдет лучшего чтения, чем «Воспоминания» Витте.

«Воспоминания» появились почти одновременно по-русски и на нескольких иностранных языках. У пишущего эти строки в руках было два их издания, а именно:

ГРАФ С. Ю. ВИТТЕ. Воспоминания царствования Николая II.

Том I. 1922 г. Книгоиздательство «Слово» Берлин. Стр. XXXV+511. (Воспоминаниям предпослано два предисловия—одно редактора издания И. В. Гессена, другое, очень краткое, графини Матильды Витте). Том II 1922 г. Книгоиздательство «Слово». Берлин. Стр. 570.

The Memoirs of COUNT WITTE. Translated from the original Russian Manuscript and edited by Abraham **Yarmolinsky**. London W. Heinemann. Anno domini 1921. Стр. X+445. (Воспоми-

---

социал-демократ проф. В. В. Святловский, возложил на гроб Витте венок с красноречивой надписью: «Великому государственному человеку, которого оценит история». («День», 1915, 2 марта, № 59, статья «У гроба гр. С.Ю. Витте»).

Следует, однако, оговориться, что, как при жизни, так и тотчас после смерти Витте, изредка встречаются и иные оценки, авторы которых, и в их числе люди, близко знакомые с деятельностью Витте, как, напр., М. М. Ковалевский—не признают его гениальности, но за то не согласны на чрезмерно низкую оценку его моральной личности и считают основанием его деятельности искреннюю любовь его к России и к народу.

наниям предпослано краткое предисловие Матильды Витте, почти тождественное с ее же предисловием к русскому изданию, и совсем краткая, всего в несколько строк, заметка от издателя) [1]).

Витте писал свои «Воспоминания» по-русски, следовательно английское издание есть перевод, и к нему можно было бы и не обращаться, если бы оба издания были тождественны по содержанию. Но этого как раз и нет: в английском издании есть много такого, чего в русском нет, напр., все начало воспоминаний: детство, молодость, первоначальная служба, даже начало министерской карьеры, вообще весь период до вступления на престол императора Николая II. В дальнейшем английский текст тоже значительно расходится с русским. За то изложение в русском издании значительно полнее.

Где источник расхождения двух текстов?

До некоторой степени это поясняет предисловие И. В. Гессена, имеющееся в русском издании (другое, более краткое предисловие—графини Матильды Витте, вдовы покойного министра).

Оказывается, что Витте оставил две параллельных записи своих «Воспоминаний».

Одну из них он начал за границей летом 1907 года и писал вплоть до 1912 г., но урывками, многократно прерывая свою работу на целые месяцы и даже годы, работая преимущественно за границей (изредка, впрочем, и в Петербурге). Так образовалась одна собственноручная рукопись Воспоминаний графа, составляющая 9 тетрадей in quarto [2]).

Другие «Воспоминания» Витте диктовал стенографистке в Петербурге в зимы 1910—1911 и 1911—1912 г.. Диктовка переписана на пишущей машине и составила рукопись в целых 17 томов in folio, причем она просмотрена и исправлена рукою Витте.

В русское издание входят «полностью собственноручные заметки и около 2/3 стенографических записей».

---

[1]) Предисловие Матильды Витте в английском издании пополнено двумя абзацами, которых нет в ее же предисловии к русскому изданию; в одном говорится о чувстве благодарности, которую покойный питал к американскому народу, в другом о том, что обвинение его в германофильстве совершенно неосновательно. В остальном предисловия Матильды Витте в обоих изданиях одинаковы.

[2]) «Собственноручные заметки» графа Витте, — так называет Гессен (стр. XXVIII) эту рукопись, и однако на той же самой странице он же говорит о них, как о «заграничных заметках», переписанных от руки, с «собственноручными исправлениями» графа С. Ю. Витте, следовательно как будто переписанных посторонней рукой. Однако, судя по всему описанию работы Витте, это только случайное неточное выражение.

Из двух параллельных текстов «Воспоминаний» заграничный (собственноручный) отличается большей откровенностью и смелостью суждений, что отмечает и сам Витте (см. русское изд., стр. XXVII). В Петербурге Витте постоянно опасался обыска и секвестра своих рукописей и потому сдерживал себя; напротив, находясь за границей, он давал волю накопившемуся в нем раздражению [1]). Но за то хронологические рамки стенографических диктовок шире: в то время, когда собственноручные записки начинаются только со времени его поездки в Париж в 1904 г. (т.-е. с XIX главы русского издания), в то время стенографические диктовки отводят довольно много места детству и юности Витте, началу его служебной карьеры и всему тому периоду, когда он стоял во главе министерства финансов.

Внешняя обработка заграничных записок Витте весьма неудовлетворительна, что признает и сам автор. Он говорит: «Я вообще не люблю писать, а потому пишу, себя принуждая, не имея под руками документов за границей. Если буду продолжать писать дома, то часть документов буду иметь под руками; теперь же пишу все по памяти, а потому, вероятно, делаю ошибки в датах и названиях. У меня память ослабела на даты и в особенности имена, но что касается фактов и сути дела — то все изложено с полной правдивостью и точностью. Пишу эти воспоминания крайне отрывочно и неусидчиво, по пяти; по десяти ми-

---

[1]) Что для опасений Витте имелись достаточно серьезные основания, подтверждается следующим рассказом графини Матильды Витте в ее предисловии к мемуарам мужа:

«Мемуары свои мой муж хранил за границей. Он не питал уверенности в том, что его кабинет на Каменноостровском проспекте в Петрограде достаточно защищен и от ока и от длани тайной полиции. Обыск в любой момент мог легко лишить автора его рукописей. Он знал, что этой его работой интересуется слишком много могущественных людей. Рукописи хранились все время в одном заграничном банке, на мое имя. Мой муж опасался, что в случае смерти его двор и правительство пожелают завладеть его архивом и просил меня заблаговременнно обеспечить сохранность мемуаров. Я это сделала, переведши рукописи из Парижа в Байон, где они хранились в банке на чужое имя. Предосторожности оказались не лишними. Как только в феврале 1915 года мой муж скончался, кабинет его в Петрограде был опечатан, и все найденное рассмотрено и забрано властями. Через некоторое время ко мне от имени государя явился генерал-ад'ютант, начальник главной квартиры, и сказал, что государь, ознакомившись с оглавлением мемуаров мужа, очень ими интересуется и хотел бы их прочитать. Я ответила, что, к сожалению, лишена возможности предоставить их для чтения государю, так как они хранятся заграницей. Посланец государя не настаивал, но через некоторое время чиновник русского посольства в Париже появился в нашей вилле в Биаррице и в отсутствии хозяев произвел очень тщательный обыск. Он искал мемуары, которые в то время, как я сказала выше, спокойно лежали в сейфе банка в Байонс» (рус. изд., стр. XXXIV—XXXV).

нут в присест, а потому изложение не только не литературно, но часто совсем нескладно». (Стр. XXIII—XXIV).

— «Мое дальнейшее, как и предыдущее, изложение,—говорит он в другом месте (стр. XXV)—это спешные черновые наброски».

«Долгое время я не писал своих заметок, так как в Петербурге по различным условиям писать нельзя, и главнейше потому, что даже в моем положении нельзя быть уверенным, что в один прекрасный день, под тем или другим предлогом, не придут и не заберут все. Тогда наживешь большие неприятности—и совершенно бесцельно, так как в таком случае, конечно, никто никогда не прочтет то, что я писал. Я не имею теперь под руками то, что я ранее писал. Кажется, я кончил на изменениях в личном составе высших лиц во время моего премьерства. Теперь буду писать о главнейших событиях во время моего министерства по существу».

Поэтому сам Витте, прося своих наследников напечатать после его смерти его мемуары, предоставлял им, «где окажется нужным, исправлять слог, не касаясь сути изложения». (Стр. XXIV).

Стенографические диктовки обработаны несколько (хотя и немного) тщательнее.

Из этого видно, что каждый из двух текстов должен представлять самостоятельный интерес. Это понимали, конечно, и русские издатели «Воспоминаний», но из этого совершенно верного положения они сделали выводы, вряд ли верные.

Вот что говорит И. В. Гессен о своей работе над текстом:

«Задача редакции состояла в необходимом упорядочении оставленного графом Витте материала. Упорядочение это состояло в перестановке, в разделении на главы и в устранении повторений. Были исправлены лишь незначительные грамматические погрешности, ибо редакция руководилась желанием по возможности сохранить своеобразный, несколько небрежный и не всегда подчиняющийся грамматическим правилам стиль графа Витте. Перестановка вызывалась тем характерным для графа Витте обстоятельством, что как в стенограмме, так и в записях он часто делает значительные отступления. Он сам пишет: «Я не имею никакой возможности писать хронологически». Случайное лицо или событие, о котором ему приходится упоминать, часто заставляет его надолго забыть об основной цели рассказа. Этим вызываются чрезвычайно многочисленные и почти дословные повторения.

«Однако, как при перестановке, так и при разделении на главы, были приложены старания, чтобы не нарушить естественной связи рассказа. Таким образом, некоторая беспорядочность, свойственная подлиннику, сохранена. Она особенно ярко проявляется в начальных главах второго тома, посвященных описанию первых месяцев

премьерства графа. Сохранены и некоторые повторения, также чрезвычайно характерные для Витте.

«В случаях параллельности изложения обычно устанавливалась сводная редакция, причем за основу брался более «откровенный» рассказ рукописных заметок.

«Наиболее существенные отклонения повторяющихся рассказов приведены в подстрочных примечаниях, в виде вариантов.

«Для критического подхода к воспоминаниям графа Витте чрезвычайно существенны отличия стенографических записей от собственноручных заметок. Поэтому последние выделены в тексте звездочками (*). Из приводимых вариантов читатель может убедиться, сколь значительно изменялись оценки лиц и событий в более откровенных записях».

Таким образом, русское издание дает нам не Витте в подлинном его виде, а работу, исполненную посторонним лицом, на основании мемуаров Витте. Получился рассказ, лишенный единства, притом одинаково единства хронологического и единства настроения или манеры письма [1]).

Но этого мало. Мы имеем перед собой книгу, относительно которой мы решительно не в состоянии сказать: кому принадлежит ее общий план, порядок размещения материала,—автору, графу Витте, или редактору, И. В. Гессену? А если он принадлежит Витте, то какому Витте: более откровенному или менее откровенному, заграничному; или петербургскому? Этот вопрос, вполне законный вопрос, особенно запутывается при сличении русского издания с английским.

---

[1]) Отсутствие хронологического единства сказывается в том, что слова: «теперь», «ныне» в разных местах книги имеют разный смысл: на стр. 2, 10, 22, 111, Витте говорит в настоящем времени о событиях, имевших место в 1910—1911 г., на страницах 245, 275, 287, 311 о событиях 1907 и 1908 г., на странице 323 читатель вновь имеет дело с событиями 1910 г., на стр. 371— «теперь» вновь обозначает 1907 г., и читателю, при полном отсутствии редакционных примечаний, иногда не легко бывает разобраться в этой хронологической путанице. Напр., к какому времени относится фраза на стр. 477: «ужасное время, которое мы переживаем»? Об этом читатель может только догадываться, и то без уверенности в правильности догадки: судя по тому, что это фраза из стенографических записей, надо отнести ее к 1910—12 г., а между тем это время, с точки зрения Витте, должно считаться значительно менее ужасным, чем пережитый перед тем период 1904—07.

Отсутствие единства настроения или манеры писать сказывается и в различных отзывах об императоре Николае II. «Телеграмма императора проходимцу Дубровину, председателю союза русского народа», в связи с манифестом о роспуске Второй Думы, показывает все убожество политической мысли и болезненность души Самодержавного Императора» (стр. 245)—такие отзывы встречаются нередко в заграничной записи. В книге они идут в перемежку с заявлениями такого рода: «В то время Государь Император носил в себе прекрасные семена всего лучшего, что может быть в человеке, как в смысле духа человеческого, так и в смысле сердца» (стр. 67), которыми Витте время от времени уснащал свои стенографические записи, не всегда, правда, выдерживая тон: иногда раздражение, видимо, и в них брало верх над осторожностью. Ниже мы увидим тому не мало примеров.

С первого же взгляда это последнее производит еще менее благоприятное впечатление, чем русское.

В русском все же имеется предисловие, об'ясняющее, хотя и недостаточно, происхождение мемуаров Витте, в английском такого предисловия нет вовсе [1]). Поэтому остается совершенно неизвестным, какою рукописью пользовался и какими принципами при выборе материала и его размещении руководствовался переводчик.

Сравнивая первые главы английского издания с русским текстом, мы находим следующее:

Первые две главы английского издания (стр. 1—47), озаглавленные: I. «Молодость и начало карьеры», II. «Воспоминания об Александре III», а также начало главы III «Моя деятельность в качестве министра финансов» (стр. 48—59), для читателя, уже знакомого с русским изданием, оказываются совершенно новыми: в нем их нет. Они, очевидно, составляют ту треть стенографических диктовок, которую по каким-то непонятным соображениям редактор русского издания решил выкинуть. А между тем они представляют значительный интерес.

Продолжение той же III главы, стр. 59—62, в русском издании составляет особую (V) главу: «Золотая валюта», занимающую стр. 77—87 I-го т., изложенную в нем несколько полнее и заимствованную (судя по отсутствию звездочек) из петербургской стенографической диктовки.

Страницы 62—71 английского издания (продолжение той же главы III), посвящены первому (1894) торговому договору с Германией; в русском издании это составляет как бы вступление к главе XXI («заключение второго торгового договора с Германией в 1904 г.»), занимает стр. 269—273, заимствовано из заграничной собственноручной записи и значительно короче, чем английский перевод.

Стр. 71—81 английского издания (окончание той же III главы) посвящены общей характеристике деятельности Витте в качестве министра финансов. В русском издании ее почему-то нет вовсе.

Далее в английском издании идет глава IV. «Переговоры с Ли-Хун-Чаном» (стр. 82—104). Первые ее страницы, 82—95, соответствуют стр. 37—57 русского издания, составляющим целиком особую (II-ую) главу под близким заглавием [2]) «Переговоры с Ли-Хун-Чаном и заключение договора с Китаем», причем эта последняя, целиком заимствованная из стенографической записи, значительно полнее, чем по-английски.

Однако и здесь, в этой главе, в английском издании встречаются некоторые места, которые отсутствуют в русском. Так, напр., рас-

---

[1]) Есть только коротенькая, всего в несколько строчек, заметка издателя, в которой издатель или, правильнее, переводчик об'ясняет, как он переводил русские имена собственные, и чем отличается русский (старый) стиль от нового. Кроме того имеется предисловие графини М. Витте, в котором о характере рукописей и издания не говорится ничего.

[2]) Не следует забывать, что в рукописи разделения на главы нет, в русском издании оно принадлежит ее редактору, т.-е. И. В. Гессену, в английском—очевидно, переводчику Ярмолинскому.

сказ об эпизоде с Ли-Хун-Чаном по-английски заканчивается следующим абзацем:

«В это время в западной Европе ходили слухи, что Ли-Хун-Чан подкуплен русским правительством. Я могу сказать, что в этом слухе нет и крупицы истины [1]). Условия железнодорожной концессии, полученной от Китая, были для нас чрезвычайно выгодны. Концессия предусматривала права Китая выкупить железную дорогу через 36 лет, но условия выкупа были настолько тяжелы, что представлялось крайне невероятным, чтобы Китай смог когда-либо его произвести. Китай должен был бы уплатить не менее 700 милл. руб.».

Этого абзаца в русском издании нет.

Стр. 96—97 английского издания соответствуют главе XI-й русского (стр. 143—147) о Гаагской конференции, заимствованной из петербургской стенографической записи, причем рассказ по-русски полнее.

Стр. 97—98 посвящены соглашению с Японией о Корее; в русском тексте они соответствуют стр. 65—66, причем русский текст (из стенографической записи) опять-таки полнее, но представляет совершенно другую редакцию.

Стр. 98—104 соответствуют главе IV (стр. 119—133) русского издания («Захват Ляодунского полуострова»), заимствованной из стенографической записи, причем текст русского издания опять-таки полнее.

Итак, если мы, следя за повествованием Витте по английскому изданию, будем отыскивать соответствующие места в русском, то мы будем принуждены рыться по всей книге, с 87 страницы перескакивать на 269, потом возвращаться на 37, затем опять переворачивать целую сотню страниц, опять возвращаться назад и т. д. И это на протяжении всей книги.

Попробуем теперь произвести ту же работу наоборот, т.-е. возьмем за основу русский текст.

І-я глава русского издания («Начало царствования») начинается с описания похорон Александра III; в ней после нескольких вступительных слов сообщается инцидент на похоронах с генералом (тогда еще ротмистром) Треповым; в английском издании об этом инциденте, характерном для Трепова, как для «дурака», Витте вспоминает мимоходом, давая общую характеристику Трепова в главе о своем премьерстве (стр. 328).

На 3 странице Витте передает свой разговор с тогдашним министром внутренних дел, П. Н. Дурново, о личности и характере молодого императора. При этом начало разговора, как и две предыдущие страницы, заимствованы из петербургской стенографической записи, а конец, в котором Дурново, сравнивает Николая II с Павлом I,—из более откровенной заграничной. Весь этот разговор целиком имеется и в английском тексте, на стр. 179, причем там за ним следуют слова:

«Я подозреваю, что Дурново так хорошо понимал характер императора не столько благодаря своей проницательности, сколько благодаря тому, что перлюстрация писем есть одна из задач, кото-

---

[1]) Ли-Хун-Чан, как Витте рассказывает в другом месте, был действительно подкуплен русским правительством, но это произошло позднее.

рые возлагаются на министра внутренних дел. Дурново занимался ею с большим усердием».

Этих слов в русском издании нет (хотя о перлюстрации писем вообще говорится в другом месте), и т. д.

Итак, в обоих изданиях порядок размещения материала совсем различный. Мы видим, что оба издания дают нам не подлинного Витте, а свою собственную обработку обоих рукописей.

Чем же об'ясняется совершенно различное распределение материала?

Без самостоятельного знакомства с рукописями на этот вопрос ответить нельзя: предисловие Гессена не дает для этого достаточно данных. При первом беглом просмотре и сличении двух книг я, на основании приведенных выше слов Гессена, сделал предположение, что Ярмолинский в основу своего издания положил стенографическую диктовку, пополняя ее, где находил это нужным, выписками из собственноручной записи, Гессен наоборот. Однако, более внимательное изучение убедило меня в неверности этого предположения:

Ведь собственноручная запись начинается с поездки Витте в 1904 г. в Париж, т.-е. с 19 главы русского издания; предыдущие 18 глав, занимающие 232 страницы, Гессен все-таки должен был взять из стенографической диктовки.

Поэтому здесь, в этих 18 главах, не должно бы быть такого расхождения между английским и русским текстом. А между тем оно есть.

В конце концов это расхождение остается совершенно необ'яснимым, и вопрос: кому принадлежит общий план книги, Витте или Гессену—остается без ответа.

Бесспорным и ясным остается только следующее:

1. В обоих изданиях перед нами произвольная обработка двух рукописей.

2. В общем русский текст значительно полнее английского (в двух томах русского издания 1081 стр., тогда как в английском, соответствующем двум русским томам и заключающем в себе сверх того описание молодости Витте и начало его службы до смерти Александра III,—445 стр., причем страницы русского издания несколько более убористы). Однако, нередко в английском встречаются целые страницы, которых нет в русском, и на этих страницах встречаются иногда очень интересные эпизоды, характеристики или мнения. Между прочим, имеются некоторые заметки о Николае II, пополняющие очень ценными штрихами его характеристику. Поэтому кто хочет действительно ознакомиться с мемуарами графа Витте, тот обязательно должен прочесть оба издания.

3. В русском издании совершенно произвольно выкинуто все начало мемуаров Витте, хотя его интерес нисколько не уступает последующим частям.

Приходится признать, что ни русский, ни английский издатель мемуаров Витте не оказались на высоте своей задачи.

А это жаль, потому что мемуары Витте представляют громадную ценность, и, прочтя с захватывающим интересом одно издание, читатель с таким же интересом тотчас же хватается за другое.

Совершенно естественно пожелать, чтобы исторический памятник такой громадной важности был вновь издан, но издан научным образом. Для этого первое и главное условие, чтобы были изданы обе рукописи одна за другой, без их сводки, а второе—чтобы они были снабжены серьезными комментариями, для которых редактор проверил бы показания Витте по печатным и, главное, архивным материалам.

В таких комментариях мемуары Витте очень и очень нуждаются.

Прежде всего необходимо, чтобы было выяснено, насколько это возможно, когда именно написана каждая отдельная часть мемуаров Витте. Это интересно тем более, что наброски Витте в различных частях очень различны; по общему правилу тон его по мере хода рассказа делается все более и более озлобленным и раздраженным, отзывы об императоре Николае и некоторых других лицах все более и более злыми; второй том в этом отношении идет гораздо дальше первого; в первом Николай все-таки воспитанный человек, добрый и не глупый; во втором—«честность и благородство существуют только напоказ, для царских выходов и приемов, а внутри души лежит мелкое коварство, ребяческая хитрость, пугливая лживость, а в верхнем этаже—сквозные ветерочки из дверей, которые в хороших домах плотно припираются» (стр. 40); «его даже нельзя считать виновным за что бы то ни было, и притом одинаково как с точки зрения религии—ибо он помазанник божий, так и с точки зрения уголовного права,—ибо он человек невменяемый» (стр. 39). Заметно обостряются во втором томе отзывы об императрице, о Николае Николаевиче и т. д., между прочим также о газете «Новое Время», которая из органа общественного мнения во втором томе окончательно обращается в газету «Чего изволите», руководимую исключительно корыстными соображениями корыстного Суворина.

Отчасти это об'ясняется тем, что значительная часть I тома взята из более осторожной и сдержанной стенографической записи, ведшейся в Петербурге, тогда как II том

почти целиком представляет воспроизведение более резкой заграничной записи. Но внимательный анализ обоих томов доказывает, что это об'яснение по меньшей степени не достаточно, и что разница тона в значительной мере должна об'ясняться различием времени написания. Было бы поэтому очень интересно выяснить, в какой мере, напр., изменение тона «Нового Времени» по отношению к Витте влияло на самого Витте; в какой связи озлобленность его настроения и резкость его отзывов о царе стоит с различными политическими событиями. Но сделать это по настоящему изданию совершенно невозможно.

Этого, конечно, мало.

Сам Витте признает, что у него ослабела память, а в то же время необходимых документов он во время работы не имел, и, следовательно, у него могут часто встречаться фактические ошибки; он настаивает только на верности «сути дела». Но Гессен в своем предисловии исправляет одну, довольно грубую, ошибку Витте, которая едва ли может быть отнесена к «датам и названиям». По словам Витте, когда был выработан проект основных законов, то Муромцев, Гессен и М. Ковалевский составили резкую критическую записку, которая через Трепова была представлена императору и оказала на него некоторое влияние, замедлив распубликование законов. Витте даже приводит несколько цитат из этой записки. Между тем, как утверждает Гессен, ничего подобного не было, никакая записка названными лицами императору не подавалась; был только ряд статей в газете «Речь», резко критиковавших проект основных законов, и, кажется, именно эти статьи в воспоминаниях Витте обратились в записку, поданную через Трепова императору.

Нет ни малейшего сомнения, что Гессен совершенно прав в своей поправке, как нет сомнения и в том, что извращать истину в данном случае Витте не имел оснований, следовательно, здесь мы имеем дело с ошибкой памяти. Но ошибка довольно грубая, и уже ее одной было бы достаточно, чтобы заставить читателя относиться ко всем фактическим сообщениям Витте с большою осторожностью.

Но Витте не бесстрастный летописец, который «спокойно зрит на правых и виновных, добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева». Он был в жизни борцом, самолюбие было сильным его двигателем, и он очень дорожил своей посмертной славой. «Конечно, говорит он, я уверен в том, что, когда я буду в земле, все выяснится, и мне будет отдано должное. Моих врагов забудут, а меня Россия не забудет».

Из этого ясно, что цель, ради которой он принялся за неприятную для него работу («Я вообще не люблю писать, а потому пишу, себя принуждая») — это реабилитация себя за гробом, а может быть и сведение счетов с многочисленными врагами: раздражение, даже злоба, которая водит пером Витте и нередко внушает ему очень тонкие, меткие и злые замечания и целые характеристики, заставляют думать, что эта последняя цель тоже была близка сердцу покойного государственного человека.

А эта цель еще более усиливает необходимость строгой критической проверки.

Витте и прежде не раз писал для печати. Он выпускал в свет и общие курсы политической экономии и финансов, и специальные исследования в той же области, и политические брошюры pro domo sua, и официальные записки по важнейшим вопросам государственного строительства,—и все его печатные произведения, по крайней мере, со стороны изложения, были тусклы и бледны; нужно усилие воли, чтобы дочитать любое из них до конца, хотя некоторые из них представляют значительную ценность по содержащимся в них фактам или идеям. И в «Воспоминаниях» язык Витте далеко не всегда грамматически правилен; систематическое употребление местоимений «сей» вместо «этот» и другие нарочитые архаизмы придают ему тяжеловатость. Несмотря на это, «Воспоминания» Витте, не в пример его прежним произведениям, захватывают читателя, и от них трудно ему оторваться; в них Витте, крупный государственный ум и ловкий делец, оказывается, сверх того, недюжинным писателем, умеющим давать яркие и живые картины окружающей его среды, и самый язык его, несмотря на всю его тяжеловатость и грамматическую неправильность, оказывается точным, ярким и сильным, в особенности там, где он порицает или издевается. Слабее там, где он кого-либо хвалит; дальше шаблонных фраз «благороднейший и честнейший человек» (обыкновенно с прибавкой фразы «но не орел» или чего-нибудь подобного) он не идет. Поэтому даже образ Александра III, к памяти которого Витте относится с глубоким уважением, у него бледен и тускл, тогда как портрет Николая II—прямо мастерской, художественный портрет, вполне заслуживающий того, чтобы поставить его в один ряд с историческими портретами Маколея или Ключевского.

Всего более, конечно, Витте говорит о себе, и почти всегда говорит о себе, как об единственно умном и крупном человеке среди дворцовой камарильи (для чего, он без всякого сомнения, имеет достаточно оснований).

Однако, Гессен не прав, когда говорит: «Витте и до конца дней сохранил глубокое убеждение в безусловной правоте своей. На всем протяжении его обстоятельных воспоминаний, охватывающих столь кипучую деятельность, нет ни одного случая, когда бы он говорил о какой-нибудь своей ошибке,—везде и всегда вина лежит на других. Доказательство этого, как уже замечено было, и составляет главную задачу воспоминаний» (стр. XXII).

Это не совсем верно: действительно не особенно часто, но тем более определенно и решительно сознается Витте в своих ошибках, когда они ему ясны.

Так, например, рассказывая об образовании своего кабинета после 17 октября 1905 г., он сознается:

Назначение П. Н. Дурново министром внутренних дел «было одною из существенных моих ошибок, которая значительно способствовала ухудшению и без того трудного моего положения, как председателя совета министров» (т. II, стр. 66, из собственноручной записи).

И назначение Тимирязева министром торговли Витте признает не особенно счастливым выбором и «весьма кается, что взял этого карьериста-чиновника в свое министерство».

Это не говорит о чувстве собственной непогрешимости. Но совершенно верно то, что в общем и целом Витте держался о себе очень высокого мнения и старался внушить его читателю,—и что в этом и состояла его задача.

В моем дальнейшем изложении я пользуюсь как русским, так и английским изданием, конечно, преимущественно обращаясь к русскому изданию, как подлиннику.

Тем не менее, нередко мне приходилось давать обратный перевод произведения Витте с английского. Вообще задача обратного перевода на язык подлинника не та, что обычного перевода: в последнем случае переводчик обязан подыскать на своем языке те выражения, которые всего лучше передают мысль иностранного автора. При обратном переводе он вовсе не должен искать выражений, наилучше соответствующих иностранному, в данном случае английскому тексту, а усвоить себе стиль и манеру переводимого автора и стараться угадать, как именно в данном случае выразился он, и в чем английский переводчик уклонился от него. Задача крайне трудная, и я не льщу себя надеждой, что мне удалось ее разрешить, тем более, что английский перевод вообще бледен и не блещет всею яркостью подлинника. Витте, напр., говорит: «Лобанов-Ростовский по летам мне годится в отцы и по своему положению, в смысле старшинства чинов, он гораздо старше меня» (рус. изд., т. I, стр. 50), а переводчик пишет: «я был гораздо

моложе его и ниже его по рангу». Кто мог бы догадаться о построении этой фразы в русском подлиннике, если бы он имел только английский перевод?

На первых главах английского издания я в моем изложении воспоминаний Витте останавливаюсь несколько подробнее, чем на последующих, именно потому, что их нет в русском издании, и, следовательно, русскому читателю будет труднее ознакомиться с ними. Сравнительно подробно я останавливаюсь также на главе о премьерстве Витте, но уже по другим соображениям: эта глава говорит едва ли не о важнейшем и, во всяком случае, наиболее характерном и интересном моменте в деятельности Витте, когда особенно ярко проявилась его личность, и притом о моменте, и с точки зрения истории России представляющем совершенно исключительный интерес. К тому же, именно здесь рассказ Витте наиболее нуждается в критике.

1 мая 1922. В. Водовозов.

P. S. Моя книжка была составлена первоначально на основании только первого тома русского издания и английского перевода: второго русского тома в моих руках тогда еще не было. В таком виде моя рукопись была сдана в типографию и набрана. А между тем в Петербурге появился второй том, и в настоящее время он тоже находится в моих руках. Таким образом, им я воспользовался только при исправлении корректуры моей книжки. Я восстановил по подлиннику бо́льшую часть цитат, которые я первоначально переводил с английского перевода, если только они нашлись в русском втором томе (это не относится к I главе моей книжки, содержание которой взято из тех глав английского издания, которых вовсе нет ни в первом, ни во втором томе русского издания, и отчасти к III, причины чего выяснены в ней самой), и сделал соответственные дополнения и изменения. Тем не менее читатель моей книжки, знакомый с «Воспоминаниями» Витте как в оригинале, так и в английском переводе, может быть, заметит несколько бо́льшую мою зависимость от английского издания, чем это имело бы место при пользовании во время моей работы обоими томами русского издания.

В заключение считаю долгом принести свою благодарность заведующей библиотекой Морской Академии А. Н. Кладо, заботливость и внимание которой значительно облегчили мне работу в этой библиотеке, в которой я пользовался английским изданием «Воспоминаний».

25 мая 1922.

ГЛАВА I.

Начало служебной карьеры Витте и Александр III [1]).

Родился Витте в Тифлисе в 1849 году и детство провел на Кавказе. Предки его были голландцы, которые переселились в прибалтийские провинции еще в шведскую эпоху; отец его был родом из остзейских губерний, хотя и принадлежал к дворянству Псковской губ. Мать его, напротив, была русской; ее отцом был А. М. Фадеев, который одно время был саратовским вице-губернатором, а затем перешел на службу на Кавказ при наместнике кавказском кн. Воронцове; ее мать была из рода князей Долгоруких.

Известный военный писатель-славянофил ген. Ростислав Фадеев был дядей Витте. Отец Витте познакомился с семьей Фадеевых в Саратове, где он служил агрономом; он женился на одной из девиц Фадеевых, для чего должен был перейти из лютеранства в православие, так как строго православная семья Фадеевых поставила это условием своего согласия на брак, и с тех пор совершенно вошел в семью своего тестя. Вместе с нею он переехал в Тифлис, где служил по ведомству госуд. имуществ под начальством своего тестя. Первой учительницей Витте была его бабушка, очень образованная женщина, в особенности в области естественных наук, не мало сделавшая для изучения флоры Кавказа.

К той же семье принадлежала известная основательница теософии Елена Петр. Блаватская, урожд. Ган, двоюродная сестра Витте. Ее бурной и авантюристской жизни Витте посвящает несколько интересных страниц, из которых сам

---

[1]) Эта часть воспоминаний Витте, имеющаяся в его стенографических диктовках, почему-то совершенно выкинута русским издателем; е можно найти только в иностранных изданиях. Между тем она представляет значительный интерес, поэтому я считаю нужным изложить ее сравнительно подробно, держась английского текста.

он извлекает следующее, едва ли не более характерное для него самого, чем для нее, заключение:

«Пусть те, кто сомневается в бессмертии души, об'ясняют личность Блаватской. Во время ее земного существования в ней уже жил дух, бесспорно независимый от ее физического или физиологического бытия, хотя и позволительно сомневаться в том, ад, чистилище или рай было тем царством, из которого происходил ее дух; во всяком случае, я не могу отделаться от чувства, что было что-то демоническое в этой исключительной женщине».

Витте вырос под семейными влияниями семьи Фадеевых. «С раннего детства, говорит он, я жил в атмосфере преданности государю и монархическому принципу. Одно из моих ранних детских воспоминаний говорит о том, как горько плакали все члены нашей семьи при известии о смерти Николая I. Только потеря действительно близкого человека может вызвать такие горькие слезы. Моя преданность государям, которым я служил, и монархическому принципу вообще—была мною унаследована от родных».

В детстве Витте получил обычное воспитание дворянских семей; свободно говорил по-французски, лучше даже, чем по-русски, хотя недостаточно хорошо по-немецки (английского языка Витте до конца жизни не знал вовсе). В тифлисской гимназии, куда он был отдан, он учился посредственно, увлекаясь вместе со своим братом Борисом[1] музыкой и спортом, но все-таки 17 лет от роду получил аттестат зрелости, хотя и с посредственными отметками, как по наукам, так и по поведению.

Вместе с братом Борисом Витте поехал в Одессу с намерением поступить в университет и только там узнал, что дурная отметка за поведение преграждает ему доступ в него. Тогда он вновь поступил в Одессе в гимназию, но первые месяцы лодырничал, предаваясь различным развлечениям. Скоро он понял, что на этом пути ему грозит полная гибель, а так как, говорит он, «я уже тогда отличался независимостью суждений и твердостью воли», то он решил бросить Одессу с ее соблазнами и развлечениями, уехать в Кишинев, где он никого не знал, и его никто не знал, и там усиленно заняться. Ему удалось и брата своего убедить сделать то же самое. Вдвоем они переселились в Кишинев, и после усиленных занятий он сдал там экзамен и получил новый аттестат зрелости.

---

[1]) У Витте было два брата, оба старше его. Александр избрал военную карьеру, был, по утверждению своего брата, выдающимся человеком, но рано погиб во время турецкой войны; другой брат, Борис, ничем не выделялся.

С ним в 1867 г. Витте поступил на физико-математический факультет Одесского университета. Первый год прошел в усиленных занятиях. Весной братья поехали на каникулы домой; в дороге, в Поти, их застала весть о неожиданной смерти отца, причем эта смерть вела за собой полное разорение всей семьи: отец вложил весь свой и своей жены капитал в какое-то промышленное предприятие, оно лопнуло, и молодые Витте остались ни с чем или даже хуже: с отцовскими долгами на шее.

Пришлось перебиваться и жить вдвоем с братом на полученную им 15-рублевую стипендию. Но Витте энергично работал, мужественно переносил нужду, представил кандидатскую работу о бесконечно-малых величинах, которая, по не совсем скромному его утверждению, отличалась широтой философского взгляда, положенного в ее основу, и получил кандидатский диплом.

Студентом Витте мало интересовался политическими вопросами, но оставался верен началам монархизма и христианства и в этом отношении стоял в стороне от большинства студентов, охваченных, по его утверждению, крайним политическим радикализмом и исповедывавших философию атеистического материализма. Тем не менее, «моя серьезность и прилежание,—говорит он,—внушали моим товарищам уважение ко мне».

К этому времени относится история, до сих пор остававшаяся, кажется, совершенно неизвестной биографам Витте,—история для царской России, впрочем, весьма обычная.

Несмотря на свои монархические убеждения, Витте был выбран студентами в комитет, заведывавший студенческой кассой. Эта невинная касса взаимопомощи была закрыта, как опасное учреждение, а члены комитета—и Витте в их числе—замешаны в дело. Им грозила ссылка в Сибирь, но благодаря случайному скандалу с ведшим дело прокурором Орловым дело приняло другой, более счастливый оборот: участники кассы были преданы только мировому суду и оштрафованы на 25 руб. каждый.

Кончая университет, Витте мечтал о кафедре, и именно о кафедре математики. Но родные, а именно, мать и дядя, ген. Ростислав Фадеев, убедили его, что университетская кафедра—карьера не дворянская, и он, уступая давлению, поступил в канцелярию одесского генерал-губернатора, откуда через несколько месяцев перешел на железнодорожную службу, на Одесской жел. дороге (позднее вошедшей в Юго-Западные жел. дороги), на которой быстро сделал свою карьеру. Карьера была несколько если не замедлена, то затруднена несчастным случаем: в конце 1875 г. поезд в

186 верстах от Одессы скатился в Тилигульский овраг и обратился в обломки, принеся гибель множеству людей. Общественное мнение было возбуждено и требовало возмездия; жертвы были найдены в лице начальника Одесской жел. дороги Чихачева и Витте, которые и были преданы суду. Дело разбиралось в Каменец-Подольской палате уголовного и гражданского суда, и это дореформенное судилище,—Витте подчеркивает это, предоставляя читателю сделать свое заключение о правильности приговора,—приговорило его к 4 месяцам тюрьмы. Тюрьмы он, однако, не отбыл, так как, пока суд да дело, Витте оставался на службе; в войну 1877—78 г. он успел, несмотря на недостаточность подвижного состава, отличиться особенно успешной перевозкой войск на театр военных действий и обратил на себя особенно милостивое внимание вел. кн. Николая Николаевича старшего [1]). Приговор кишиневской палаты застал его в 1879 г. в Петербурге, где он принимал участие в железнодорожной комиссии Баранова; по высочайшей милости, тюрьма ему была заменена двухнедельной гауптвахтой, причем даже днем его выпускали на службу, и только ночи он проводил под арестом.

Таким образом, Витте пришлось в своей жизни подвергнуться как политическому преследованию, так и уголовному суду, причем обе истории кончились для него благополучно. Из этих двух историй вторая, конечно, была в свое время опубликована в газетах и вспомянута незадолго до смерти Витте [2]), но первая, как кажется, впервые раскрыта самим Витте в его «Воспоминаниях».

Во время турецкой войны 1877—78 Витте, как этого и можно было ожидать от него, был одушевлен славянской идеей и мечтал о захвате Россией Константинополя. Он принимал деятельное участие в одесском славянском обществе и был в нем товарищем председателя.

Убийство Александра II в 1881 г. застало Витте в Киеве. Охваченный горем, он писал своему дяде, ген. Фадееву, что правительство борется с террором неподходящими средствами: за мухой оно гоняется с обухом, орех оно пытается разбивать паровым молотом. Между тем, на каждое революционное убийство нужно было бы отвечать таким же убийством виновного революционера, и это произвело бы совершенно другое впечатление.

---

[1]) Витте для усиления эксплоатации подвижного состава ввел, по его словам, американскую систему смены машинистов на одном и том же локомотиве и некоторые другие технические усовершенствования. Первое из них, насколько мне известно, не привилось.

[2]) См. «День», 7 августа 1913 г., перепечатка из «Русского Слова».

Les beaux esprits se rencontrent.

В то самое время, когда Витте обменивался с дядюшкой в порядке дружеской, ни к чему не обязывающей болтовни проектами благонамеренных убийств в ответ на убийства неблагонамеренные, в то самое время граф Воронцов-Дашков организовал в Петербурге Священную Дружину—тайное общество с задачами, весьма близкими к виттевским. Фадеев показал письмо племянника, в котором, по собственному его признанию «чувство преобладало над разумом», Александру III, Александр III—Воронцову-Дашкову, и Витте получил приглашение явиться к этому последнему. В конце беседы Витте на Евангелии принес присягу на верность Священной Дружине и получил поручение организовать ее отделение в Киеве. Предполагалось, что каждый член должен организовать новую пятерку с тем, чтобы по возможности каждый член пятерки организовывал другие пятерки, чтобы Россия покрылась сетью таких пятерок, из которых одна ничего не знала бы о другой, но каждая была бы связана с остальными. Не успел еще Витте, вернувшись в Киев, исполнить этого поручения, как получил от дружины строгий приказ немедленно ехать в Париж; зачем?—там он получит соответственные инструкции. В Париже Витте получил предписание познакомиться с некиим Полянским,—и пока больше ничего. Но он случайно уже был знаком с этим Полянским по Одессе, где он «встречал его в обществе актрис». Когда он встретился с ним, то Полянский огорошил его заявлением:

«Вы присланы сюда, чтобы убить меня, если я не убью Гартмана (известного народовольца, перед тем взорвавшего царский поезд), что возложено на меня Священной Дружиной».

Но оказалось, что Полянский получил уже новые инструкции от Священной Дружины, и убийство Гартмана пришлось отложить, хотя Полянский выследил Гартмана и подготовил двух наемных убийц. Витте в течение нескольких дней занимался выслеживанием в Париже Гартмана. Когда, однако, в Париж с тою же целью и с новыми поручениями от Священной Дружины прибыло еще одно лицо, то Витте понял, что потайное убийство в действительной жизни выглядит несколько иначе, чем оно рисуется в воображении, и вернулся в Киев. Оттуда он написал Воронцову-Дашкову, что, по его мнению, Священная Дружина должна вести себя иначе: опубликуйте ее устав и список членов в Правительственном Вестнике и сделайте из нас всех мишень для террористов,—тогда Священная Дружина в самом деле явится противовесом тайному революционному сообществу.

На этот оригинальный проект образования открытого общества с явно преступными целями систематических убийств (хотя бы и преступников) Витте не получил ответа, и счел себя свободным от своей присяги. Так рассказывает он эту, скорее комическую, чем трагическую, историю, в которой он сам сыграл не особенно умную и не особенно красивую роль, а возлюбленный его монарх, Александр III, оказался участником в организации несомненно преступного общества. К сожалению, проверить этот любопытный рассказ Витте в подробностях вряд ли возможно, и он останется на ответственности автора.

В киевской период своей жизни Витте довольно много писал в Московских Ведомостях, аксаковской «Руси», в журнале «Инженер», а также в киевской прессе, по железнодорожным и другим вопросам, отстаивая частное железнодорожное хозяйство против стремлений к передаче железных дорог в казну [1]. Тогда же он написал книгу, обратившую на себя широкое внимание специалистов: «Принципы железнодорожных тарифов» (Киев, 1883; 3-е издание, Спб, 1910).

В 1888 г. Витте, тогда начальник Юго-Западных (в то время частных) железных дорог, имел случай особенно отличиться

---

[1]) Витте сообщает это, не делая никаких оговорок и не давая об'яснений, сам как бы наталкивая читателя на мысль: а ведь в качестве министра финансов он переменил свои убеждения. Перемена убеждений, действительно, имеется на лицо, хотя она и не так резка и груба, как это может показаться с первого взгляда. В своих произведениях киевского периода Витте отстаивал частное железнодорожное хозяйство, как наиболее выгодное для страны, но только для определенного момента развития государства и железных дорог; уже в статьях этого времени он допускал и многократно подчеркивал, что изменение условий может потребовать ускорения выкупа железных дорог. «Казенная эксплоатация русских жел. дорог, писал он, принципиально желательна... железные дороги в руках правительства бессословного Царя не могут и никогда окончательно не будут служить орудием сословных или имущественных привилегий, сознательного поддержания или водворения имущественного неравенства,—одним словом, они могут служить лишь интересам русского народа». Но при настоящих условиях,—т.-е. при условиях, господствовавших в 80 годах XIX века,—казенное хозяйство дает в России самые плачевные результаты (см. С. Витте, «Принципы железнодорожных тарифов», 3-ье издание, СПБ. 1910, стр. 226. Приведенное мною место имеется и в 1-м изд., вышедшем в свет в 1883 г.). Следовательно, ход событий мог дать Витте право приступить к выкупу в широких размерах железных дорог, и не изменяя своих прежних убеждений.—Но изменение все-таки имело место. В лекции, прочитанной им в 1910 г. в Институте Инженеров Путей Сообщения, Витте говорил о «безотрадном положении железнодорожного дела, в котором оно находилось, когда принцип частного ж.-д. хозяйства главенствовал». (Та же книга, стр. 263). Таким образом, прежде он считал, что в 80-ые годы казенное хозяйство давало плачевные результаты, частное же было значительно лучше, а позднее он находил, что частное хозяйство уже тогда находилось в безотрадном положении.

в глазах самого императора Александра III. По его линии должен был проезжать, и притом два раза, император, и Витте получил из Петербурга расписание движения царских поездов. Согласно этому расписанию, быстрота движения была чрезмерная, рискованная. В первый раз Витте все же провел поезд по петербургскому расписанию, но во второй раз отказался сделать это, представив свои соображения. Это вызвало сильное недовольство наверху, и у самого Александра в том числе, но Витте твердо его перенес. Он встретил царский поезд на киевской станции. Вышедший из него министр двора Воронцов-Дашков, знавший Витте с детства, сделал вид, что не узнает его, а генерал-ад'ютант Черевин [1]) подошел к нему и сказал:

«Его Величество повелел мне выразить вам его недовольство постановкой дела на юго-западных дорогах».

Только что начал Витте оправдываться, как к нему подошел сам царь и сказал:

«Что вы там говорите! Везде меня возят с такой быстротой, только вы один не можете. Это потому, что ваша железная дорога жидовская».

И, конечно, не пожелал выслушать об'яснения. Витте, однако, успел громко сказать министру путей сообщения, пока император мог его слышать:

«Пусть другие поступают, как знают, а я не согласен подвергать опасности жизнь государя. В конце концов вы сломаете ему шею».

Прошло всего два месяца после этого события, и в Борках, близ Харькова, произошла катастрофа с царским поездом. Это событие сразу изменило отношение царя к описанному эпизоду. Звезда Витте засияла ярким блеском, ему была обеспечена дальнейшая карьера [2]), а Посьет слетел. Его

---

[1]) Витте называет здесь Черевина министром путей сообщения, — это ошибка, может быть, даже описка, так как всего через несколько страниц он правильно называет министра Посьета.

[2]) Этот рассказ,—известный, впрочем, и прежде,—как кажется, окончательно устанавливает истинный характер катастрофы в Борках. В обществе ходили слухи, будто катастрофа была результатом взрыва, произведенного революционерами. Ни одного факта в защиту этого утверждения приведено никогда не было; совершенно ничего не было известно об арестах в связи с этим событием,—а они непременно имели бы место, если бы здесь было покушение. Тем не менее в России многие верили в покушение, а на западе Европы об'яснение катастрофы покушением стало общепринятым и вошло даже в энциклопедические словари, как не подлежащий сомнению факт (см., напр., Meyers Conversationslexicon, слова Alexandre III и Attentat). Цензура по какой-то совершенно непонятной причине тщательно вымарывала все указания на катастрофу в Борках, как на результат покушения (в экземплярах Мейеровского словаря, поступавших в русские магазины, всегда бывали зачернены соответственные места в названных сейчас статьях)

Витте характеризует, как человека честного, но замечательно мало-интеллигентного; его невежество в железнодорожном деле было прямо изумительно. Ревизуя железные дороги, он главное свое внимание обращал на уборные, выходил из себя, если находил их неудовлетворительными в санитарном отношении, и был доволен, когда находил их в порядке.

Вышнеградский (министр финансов) предложил Витте место директора новосозданного департамента железнодорожных дел. Витте сначала не хотел переменить своего более независимого и лучше оплачиваемого положения на частной железной дороге на чиновничье место, но Вышнеградский сообщил ему, что этого желает сам император, что при этом прочит его на еще более высокое место, и что император сказал про него Вышнеградскому:

«Это тот смелый молодец, который при мне сказал министру путей сообщения, что они когда-нибудь сломают мне шею. Все случилось, как он говорил».

После этого Витте больше не колебался, однако просил передать императору, что на Юго-Западных дорогах он получал 50.000 руб. в год, и что ему трудно будет жить на директорское жалованье—8.000. Тогда Александр III прибавил ему еще 8.000 в год из своей личной шкатулки.

Как на главную свою заслугу в новой должности, Витте указывает на то, что он положил конец хаосу в тарифном деле, подчинив его правительственному контролю; первоначально это вызвало сильное недовольство частных железнодорожных компаний, увидевших в этом вторжение в их права. Но скоро они переменили свое отношение к делу, убедившись, что это мера, устранившая конкуренцию между отдельными линиями, заставлявшую их слишком понижать тарифы, оказалась для них выгодной.

В феврале 1892 г. Витте назначен министром путей сообщения. О времени этого своего министерства он говорит очень мало. Во время пребывания на посту министра путей сообщения он женился вторым браком (через год после смерти первой жены) на госпоже Матильде Лизаневич. Так как эта дама была разведенная жена, то бракосочетание с нею, по нравам, господствовавшим в правительственных и придворных кругах, считалось своего рода неприличием, но Витте ради него готов был даже оставить свой министер-

---

этим она только поддерживала веру в неверный слух. Факт, сообщаемый Витте, делает несомненным, что катастрофа в Борках была несчастным случаем, вызванным чрезмерной быстротой движения,—иначе не было бы повода выдвигать Витте.

ский пост, но Александр III, вникнувший в подробности дела, удержал его, сказав, что этот брак только увеличивает его уважение к Витте. Тем не менее жена Витте только в 1905 г. была принята при дворе и в высшем обществе.

Во время холеры 1892 г. Витте об'ездил Волгу и убедился, что за недостатком врачей их обязанности исполняли студенты, и исполняли с рвением и самоотвержением. Доклад Витте об этом сломил, по его словам, предубеждение Александра III против студентов, на которых раньше он смотрел, как на скопище революционеров и изменников [1]).

Пробыв всего шесть месяцев на посту министра путей сообщения, в августе 1892 г. Витте получил пост министра финансов, освободившийся вследствие серьезной болезни Вышнеградского, и пробыл на нем целых 11 лет, из которых только первые полтора приходятся на царствование Александра III.

Александр III, в глазах Витте,—идеал государя. Однако, как признает Витте, «русские современники Александра не особенно высоко ценили его, и многие смотрели на него с пренебрежением, совершенно несправедливым, в особенности, если принять во внимание несчастные обстоятельства его молодости и печальные условия, при которых он вступил на престол».

Воспитание Александра, по словам Витте, было неудовлетворительно. В молодости Александру пришлось быть свидетелем вторичной женитьбы его отца, когда у последнего были не только дети, но и внуки. Молодой наследник страдал душой при виде торговли местами и концессиями, которая развилась в последние годы царствования Александра II, и которой сильно покровительствовала княгиня Юрьевская. Мы вели войну, в которой мы победили только благодаря численному перевесу, не благодаря стратегии и тактике; после войны заключили «авантюристский» мир, чтобы в Берлине быть лишенными плодов наших побед. Унижение, пережитое нами, действовало на Александра III.

Война на двадцать лет задержала наше финансовое раз-

---

[1]) В другом месте «Воспоминаний» Витте об отношениях Александра к студентам говорится несколько иначе, а именно, след. образом. Когда после катастрофы в Борках Александр вернулся в Петербург и поехал в Казанский Собор, то «учащаяся молодежь со свойственным молодым сердцам энтузиазмом сделала ему шумную овацию на Казанской площади, никем и ни от кого не охраняемой. С тех пор он душевно примирился с этой молодежью и всегда относился к заблужденьям ее снисходительно». (Русское издание, т. I, стр. 278). Последнее утверждение Витте—о снисходительности Александра к заблуждениям молодежи, так же, как и об овации, устроенной студентами Александру III,—конечно, не имеет за себя решительно никаких оснований.

витие; «только при мне,—говорит Витте,—наша валюта могла быть поставлена на прочное основание».

В конце царствования правительственная политика обратила либералов в революционеров; возникло террористическое движение, и Александр III должен был вступить на престол, обагренный кровью его отца.

«Без всякого сомнения, образованпе Александра III было недостаточно. Но ошибаются те, кто считает его неинтеллигентным человеком. Иногда у него не хватало остроты ума, но зато он был одарен широким сердцем, способным понимать многое, а эта способность для монарха ценнее, чем блестящий ум. Никто в окружающей его знати не понимал ценности рубля и копейки лучше, чем Александр III. Он был идеальным казначеем русского народа, и его экономия оказывалась неоценимой при разрешении финансовых вопросов. Если бы он не стоял с таким упорством на страже русского казначейства, охраняя его против посягательств с разных сторон на его богатства, накопленные потом и кровью русского народа, то Вышнеградскому и мне не удалось бы оздоровить наши финансы». Витте рассказывает о той экономии, которую проводил Александр III в своем личном обиходе,—в столе, одежде, обуви, которую он донашивал до последней крайности. Он был патриархом, великие князья его боялись, и их обычно распущенное поведение в России и за границей при нем стало невозможно.

Его семья подавала пример своим поведением. Его спасительное влияние продолжалось даже после его смерти, и «только благодаря ему я мог сохранять свой пост целых 9 лет: Николай был неспособен оценить мою работу и просто перенес на меня отцовское благорасположение ко мне».

«При этих условиях понятно, что он стал на путь реакции. Многие из его мер... дали неблагоприятные результаты. Тем не менее, после 13-летнего царствования он оставил Россию сильною, спокойною, верующею в себя, с весьма благоустроенными финансами».

«Александр III имел стальную волю и характер. Он был человек своего слова, царски благородный и с царскими возвышенными помыслами. У Него не было ни личного самолюбия, ни личного тщеславия. Его «Я» было неразрывно связано с благом России так, как Он его понимал. Он был обыкновенного ума и образования, Он был мужествен не на словах и театрально, а попросту. Он не давал телеграмм «мне смерть не страшна», как это делает Николай II, но своим поведением, своею жизнию сие обнаруживал, так что никому и в голову не могло придти, что Ему смерть страшна. Александра III могли не любить, критиковать, находить

Его меры вредными, но никто не мог Его не уважать. И Его уважал весь мир и вся Россия. Он был по натуре Самодержец, и Он мог поддержать и сохранить исторически сложившееся в России неограниченное Самодержавие. Если бы Его Сын обладал хотя частью Его качеств Самодержца, то, конечно, ничего подобного тому, что произошло, произойти не могло бы» [1]).

Из мероприятий Александра III есть два, заслуживших общее осуждение: это 1) университетский устав 1884 г., проведенный гр. Толстым при поддержке ультраконсерваторов. Тем не менее, при Александре III университеты были спокойны, если не считать самого начала его царствования, когда такие профессора, как Мечников, были уволены за либерализм. 2) Земские начальники, эта патриархальная полиция, долженствовавшая опекать крестьян, исходя из взгляда на них, как на несовершеннолетних, «взгляда ошибочного и вредного», говорит Витте.

Но сам Александр смотрел на крестьян с глубокой симпатией. По мере того, как он убеждался, что Россия далека от революции, он делался более либеральным. «Я твердо убежден, говорит Витте, что если бы судьба послала Александру более долгую жизнь, то он начал бы эру либерализма. Но Бог судил иначе».

Великая его заслуга—непрерывный мир; он ненавидел войну и сам приписывал это впечатлениям, вынесенным им из войны 1877—78 г.

Его называли царем-миротворцем. Это не народное название, его дал сын, причем сам сын сознавал, что это слово не вполне подходит для его отца, но, говорил он впоследствии, «граф Воронцов-Дашков подсунул мне бумажку, и я подписал ее, не подумав». Не в том дело, что он был миротворцем, а в том, что он был тверд, как скала, и честен в высшем смысле слова.

Он, конечно, не сочувствовал сепаратистским стремлениям Польши и др. окраин, но, тем не менее, его отношение к нерусским народностям было отношением широкой симпатии, и потому он избегал мер в области религии и национальных отношений, способных обострить ненависть.

Когда он заболел, то внимание всего мира было обращено на Ялту, где шла борьба между жизнью и смертью; и когда он умер, то все почувствовали, что исчезла великая

---

[1]) Русское изд. т. I, стр. 276--277, из собственноручн. заметок.--Витте слова: Царь, Самодержец, и даже местоимения Он, Тот и такие слова, как Сын и т. под. везде пишет с прописных букв, когда они относятся к русскому монарху. В цитатах, приводимых в ковычках, я считаю нужным сохранять в неприкосновенном виде эту особенность, столь характерную для Витте.

сила для блага. Даже крайние радикалы об'единились в похвалах ему. И в самом деле: Александр III был великий император, и он вполне заслуживал своего высокого положения, ибо он был самым благородным человеком во всем русском государстве.

Так Витте характеризует Александра III. Небольшая доля истины о личной порядочности Александра, об его экономии, здесь явственно перемешана с большим количеством преувеличений и прямой неправды. Странно звучит утверждение Витте о либерализме Александра, когда все его царствование было сплошной реакцией; все оно было наполнено гонениями на мысль и слово; сам он страстно ненавидел и боялся всякой общественной инициативы, всякого проявления общественности. Странно утверждение, будто Александр терпимо относился к инородцам, когда при нем украинская литература была запрещена огульно, не в зависимости от содержания, а только за то, что она украинская. так что даже Евангелие подходило под общее запрещение; когда певица в Вильно могла быть оштрафована за пропетый ею польский романс; когда каждый мог быть наказан за произнесенную им в публичном месте польскую фразу; странно утверждение, что только в начале его царствования были гонения на профессоров, когда они были во все его царствование, и гонениям подвергались даже профессора таких крайне умеренных, в сущности консервативно-славянофильских (очень близких к виттевским) взглядов, как Орест Миллер.

Несомненным преувеличением звучит даже утверждение о каком-то высшем благородстве Александра, когда его злобная месть Цебриковой, старой женщине, вся вина которой состояла в том, что она осмелилась обратиться к нему с открытым письмом с просьбой о прекращении гонений и о реформах, свидетельствует о чем угодно, но только не о благородстве.

Неверно, наконец, будто даже радикалы после его смерти об'единились в похвалах Александру: похвалы раздавались только в органах рептильной печати, а органы самостоятельные довольствовались оффициальными сухими некрологами и ничего не значащими фразами, так как не могли, по цензурным условиям, говорить то, что думали. Хвалебное в честь Александра слово, произнесенное Ключевским, вызвало взрыв негодования против профессора со стороны студенчества и всего общества. Неверно даже, что смерть Александра вызвала взрыв общего горя: она была встречена спокойно, холодно, безразлично.

Сам Витте мимоходом сообщает факты, которые не вяжутся с его характеристикой.

Покровительство Александра III Священной Дружине, сказавшееся хотя бы в том, что неумное письмо Витте к Фадееву он не только прочитал, но дал ему ход, не говорит об особенном его благородстве.

А случай в Борках не говорит об его рассудительности. Цифры и факты, соображения и авторитет специалиста, указывашего на необходимость сократить головоломную быстроту царских поездов, ничего не говорили уму Александра, и нужен был такой наглядный урок, как Борки, чтобы царь оказался способным оценить логические аргументы. Эта черта —способность усваивать простые истины только после получения наглядных уроков—не особенно удобна для монархов, так как наглядные уроки обходятся иногда очень дорого для подвластных им народов, да и для них самих.

Не вяжутся с характеристикой Александра III и коекакие рассказы о том. как делались при нем карьеры, и указания на то, кто их мог делать. Вот, напр., А. К. Кривошеин; он был «умный, деловой человек, но железнодорожного дела не знал», и все-таки занял при Александре III место министра путей сообщения (в 1892 г., после Витте); сделавшись министром, он «министерством не занимался», предоставив это своим сотрудникам, знавшим железнодорожное дело, а сам «начал расходовать казенные деньги на устройство роскоши в своем помещении», и без того «почти царском», устроил себе домашнюю церковь, держал причт,— и все это за счет казны; а кроме того поставлял по хорошим ценам гнилые шпалы из собственного имения и провел одну железную дорогу так, что она прорезала его имение [1]). И все это делалось при Александре III и обо всем этом повествует Витте.

И таких карьер при Александре III было не мало.

Но особенный интерес приобретает портрет Александра III, когда мы сопоставим его с портретом Николая II.

---

[1]) Русск. изд., т. I, стр. 15—16, из стеногр. записи.

ГЛАВА II.

Николай II.

Когда из Ялты получилось известие о смерти императора Александра III, то Витте поехал к Ив. Н. Дурново (тогдашнему министру внутр. дел) уговориться по некоторым вопросам. «Мы оба, говорит Витте, были в тяжелом и грустном расположении духа».

— «Что-же вы, Сергей Юльевич, думаете относительно нашего нового императора?», спросил Дурново.

«Я ответил, что о делах говорил с Ним мало, знаю, что Он совсем неопытный, но и не глупый, и Он на меня производил впечатление весьма хорошего и весьма воспитанного молодого человека. Действительно, я редко встречал так хорошо воспитанного человека, как Николай II, таким он и остался. Воспитание это скрывает все его недостатки. На это И. Н. Дурново мне заметил: «Ошибаетесь Вы, Сергей Юльевич, вспомяните меня—это будет нечто в роде копии Павла Петровича, но в настоящей современности». Я затем часто вспоминал этот разговор. Конечно, император Николай не Павел Петрович, но в его характере не мало черт последнего и даже Александра I (мистицизм, хитрость и даже коварство), но, конечно, нет образования Александра I. Александр I, по своему времени, был одним из образованнейших русских людей, а император Николай II, по нашему времени, обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства» [1]).

Копия Павла Петровича в настоящей современности обнаружила себя в первые же дни.

На первом докладе, который имел у него Витте, Николай сам заговорил с ним о проекте устройства нашего морского опорного пункта на Мурмане, в Екатерининской гавани, за который Витте уже несколько времени горячо ратовал, вы-

[1]) т. I стр. 3 русского издания, из заграничной записи.

разил с ним свое полное согласие и хотел даже немедленно об'явить об этом указом. Витте торжествовал.

Прошло два-три месяца, и вдруг Витте прочитал в «Правительственном Вестнике» указ императора Николая II о том, «что Он считает нужным сделать главным нашим морским опорным пунктом Либаву и осуществить все эти планы, которые на этот предмет существуют, и назвать этот порт—портом Императора Александра III, во внимание к тому, что будто бы это есть завет Императора Александра III».

Последнее было прямою неправдою: сам Николай сообщил С. Ю. Витте, что на его докладе Александру III, найденном Николаем в бумагах отца, имелась собственноручная пометка, которою покойный император выражал согласие с проектом Витте.

Чем же об'яснялась перемена и грубая неправда? Она об'яснялась тем, что вел. кн. Алексей Александрович, сторонник Либавского, а следовательно, противник Мурманского порта, переубедил Николая. В свою очередь, вел. кн. находился под влиянием морского министра Чихачева и некоторых других лиц, заинтересованных в сооружении порта именно в Либаве. После этого указа, Николай II, как слышал Витте, приезжал к вел. кн. Константину Константиновичу и «со слезами на глазах сетовал великому князю о том, что вот генерал-адмирал вел. кн. Алексей Александрович заставил его подписать такой указ, который совершенно противоречит его взглядам и взглядам его покойного отца. Отказать же ему в этом Император Николай II не мог, так как вел. кн. поставил этот вопрос таким образом, что если этого не будет сделано, то он почтет себя крайне обиженным и должен будет отказаться от поста генерала-адмирала».

И Либавскому порту, устроенному вопреки желанию Александра III, было дано имя Александра III. В конце концов, Либавский порт оказался, по мнению Витте, совершенно ненужным, и на него только зря выброшены деньги.

Поступая таким образом вопреки еще недавнему своему убеждению, Николай затаил злобу если не на Алексея, то на морского министра Чихачева. И этот последний скоро пал жертвой мстительности Николая. Увольняя Чихачева, Николай в то же время сделался особенно милостив к Алексею Александровичу, так как «в характере Государя: если он причинял своим близким огорчение, то старался загладить это ласками».

Решение устроить порт в Либаве вместо Мурмана имело, по мнению Витте, роковые последствия: оно заставило нас искать открытого моря на Дальнем Востоке и «привело к злополучному шагу—захвату Порт-Артура; затем мы спу-

скались со ступеньки на ступеньку и наконец дошли до Цусимы» [1]).

«Вступив неожиданно на престол, Император Николай II был совершенно к этому не подготовлен, а потому и находился под всевозможными влияниями, преимущественно под влиянием великих князей.

«В первые годы его царствования доминирующее влияние на него имела императрица, но влияние это было непродолжительно; затем на Николая II постоянно влияли, влияют и теперь—великие князья. Но в настоящее время Государь Император,—и не без основания,—имеет убеждение в том, что Он гораздо опытнее и гораздо больше знает, нежели все окружающие его многочисленные члены царской семьи, так как Он процарствовал уже 15 лет, многое в своей жизни испытал, много видел и потому приобрел такую, по крайней мере, механическую опытность в управлении, какой, конечно, ни один из членов его семьи не имеет.

«В начале же царствования Императора Николая II... был жив и вел. кн. Владимир Александрович, и великие князья Алексей Александрович и Сергей Александрович (его дяди), лица, которые, несомненно, в его глазах имели гораздо большую опытность и значение и занимали более или менее важные государственные посты, тогда как император был еще младенцем.

«Ныне эти великие князья все поумирали. Надо при этом заметить, что вел. кн. Владимир Александрович был человеком замечательного образования, замечательной культуры; вообще все они были люди превосходные и, как великие князья, вполне достойные. Только можно пожалеть, что вообще великие князья играют часто такую роль потому, что они в е л и к и е к н я з ь я, между тем как эта роль совсем не соответствует ни их знанию, ни их талантам, ни образованию.

«Когда же они начинают влиять на государя, то из этого большею частью всегда выходят одни только различные несчастья.

---

[1]) Т. I, 3—10 и 69 русского издания, из стенографической диктовки. То же самое, но короче, имеется и в собственноручной записи; там (стр. 207) прибавлено еще: «Государь всякий раз, когда подпишет какой-либо документ, который затем Ему не нравится, говорит Сам или сие возглашает придворная его камарилья, что документ этот у Него вырван. Ведь придворная камарилья и Сама Императрица не стесняются говорить, что будто бы я вырвал у Государя манифест 17 окт.», а между тем это утверждение совершенно ложно. Вслед за тем в собственноручной записи идет рассказ о том, какая сеть интриг сплелась вокруг этой либаво-мурманской истории и, в частности, как интриговали друг против друга великие князья Алексей Александрович и Александр Михайлович.

«Нужно сказать, что при Императоре Александре III великие князья ходили по струнке. Покойный император держал их в респекте и не давал им возможности вмешиваться в дела, их не касающиеся. Император Александр III и в области их управления имел сдерживающее влияние на великих князей и пользовался среди них полным авторитетом. Все великие князья любили Александра III, но в то же время и боялись его. С воцарением молодого императора все это было перевернуто, что вполне естественно об'ясняется разностью лет и разностью жизненного авторитета между молодым Императором и некоторыми великими князьями, родственным уважением молодого Императора к старшим и, наконец, мягкостью характера и темпераментом нового Императора. Это обстоятельство и было одною из причин многих неблагоприятных явлений, скажу даже больше—бедствий царствования императора Николая II».

Первоначально от Николая «исходил, можно сказать, дух благожелательности», он всем желал счастья, ибо у него «сердце, несомненно, весьма хорошее, доброе», но в последующие годы проявились иные черты характера; однако, он всегда был убежден, что поступает хорошо [1]). Во всяком случае, он человек очень добрый и чрезвычайно воспитанный,—эту оценку Витте любит повторять, не замечая, что хотя бы месть Чихачеву за свою собственную слабость и податливость и многие другие факты того же рода не говорят ни о доброте, ни о воспитанности.

Доброта и благожелательность Николая имели, во всяком случае, некоторые странные свойства и часто обходились России не дешево. Вот любопытный пример.

В 1897 году Россию посетил император Вильгельм. Однажды «Государь Император возвращался вдвоем с германским императором в экипаже. Когда Государь вернулся из этой поездки», то он сказал вел. кн. Алексею Александровичу, от которого это узнал Витте, «что Ему крайне неприятно, что германский император спросил его: нужен ли России китайский порт Киао-Чао, что в этот порт русские суда никогда не заходят, и что в своих целях, в интересах Германии, он желал бы занять этот порт, чтобы он был стоянкой германских судов, но не хочет этого сделать, не имея на то согласия русского императора.

«Государь прибавил, что германский император, заговорив с ним об этом, поставил его в самое неловкое положение, так как он гость, и категорически отказать ему в

---

[1]) Т. I, стр. 9—11; из стенографической записи.

этом было бы неловко, что вообще ему это крайне неприятно».

Захват Киао-Чао Германией, как признает Витте, был началом расхищения Китая, которое привело нас к несчастной войне с Японией. Эта война и была тою платою, которою Россия оплатила доброту и столь замечательную деликатность своего царя [1]).

При этой сомнительного достоинства доброте Николай отличался крайнею слабостью воли, податливостью чужим влияниям, переменчивостью решений—и вместе с тем крайним упрямством.

«Говорят, что характер императора чисто женский, что природа по недоразумению создала его мужчиной. Его величество переходит все границы в знаках внимания к лицу, которое пользуется Его благорасположением, в особенности если это лицо назначено лично Им, а не его Отцом. По прошествии некоторого времени, однако, Его Величество делается равнодушным к своему фавориту, а в конце концов убеждается, что тот не заслуживает Его любви, и тогда уже начинает испытывать к нему антипатию; я замечал не раз, что Его Величество с трудом терпит около себя людей, которых Он в душе почитает выше себя в моральном и умственном отношении, или таких, мнения которых отличаются от мнений дворцовой камарильи». [2]).

«Он чувствует себя в своей тарелке тогда, когда имеет дело с людьми, которые менее даровиты, нежели Он, или которых Он считает менее даровитыми и знающими, нежели Он, или наконец, которые, зная эту Его слабость, представляются таковыми». [3]).

«Он не долюбливал и даже не переносил лиц, твердых в своих мнениях, своих словах и своих действиях». [4]).

«Коварство, молчаливая неправда, неумение сказать да или нет и затем сказанное исполнить, болезненный оптимизм, т.-е. оптимизм, как средство подымать искусственно нервы—все это черты», свойственные Николаю. [5]).

«Сипягин—совершенный дворянин, ультра-консерватор, откровенно и с большою горечью мне говорил, что на Государя полагаться нельзя, что Государь не правдив и коварен». [6]).

---

[1]) Русское издание, т. I, стр. 8—12, из стенографич. записи.

[2]) Английское издание, стр. 182.

[3]) Т. I, 14, стенографич. запись. Как видим, и в стенографических диктовках встречаются довольно резкие отзывы о Николае.

[4]) Т. I, стр. 280—281, из собственноручной записи.

[5]) Т. I, стр. 252, из собственноручной записи.

[6]) Т. I. стр. 184, из собственноручной записи.

«Даже после дарования конституции, Николай смотрел на самого себя, как на автократа, и его убеждение может быть выражено такими словами: я делаю то, что я хочу, а то, чего я хочу, есть благо; если люди этого не понимают, то это потому, что они простые смертные, а я божий помазанник». [1]).

«Бедный и несчастный Государь! Что он получил и что оставит? И ведь хороший и не глупый человек, но безвольный, и на этой черте его характера развились Его государственные пороки, т.-е. пороки, как правителя, да еще такого самодержавного и неограниченного. Бог и Я». [2]).

Николай II был настолько невежествен, что он, по утверждению Витте, никогда «не открыл ни одной страницы русских законов» и не сумел бы раз'яснить, «какая разница между кассационным департаментом сената и другими его департаментами». Между тем иногда его высочайшие отметки на разных бумагах вдруг начинают пестреть ссылками на такой-то закон, и на такое-то решение кассационного департамента. Откуда это? Очень просто: даже высочайшие собственноручные отметки им только переписываются, а проекты их подсовываются ему приближенными, в 1905 году подсовывались Треповым, который тоже писал их не сам, а поручал состоявшему при нем сенатору Гарину; перо Гарина как раз имело особенное тяготение к ссылкам на законы и кассационные решения.

Точно так же все свои речи царь не умел говорить иначе, как по «шпаргалке», которую изготовлял для него либо Трепов, либо другой временщик [3]). Вообще у него «в верхнем этаже—сквозные ветерочки из дверей, которые в хороших домах обыкновенно плотно припираются», а в его душе лежало «мелкое коварство, ребяческая хитрость, пугливая лживость» [4]).

Хитрость и коварство сказывались постоянно, во всем. В самые трагические минуты для России и даже для него лично, царь не оставлял своих византийских манер и ходил окольными путями, а так как при этом не только он не обладал талантами Меттерниха или Талейрана, но в его верхнем этаже ходил сквозной ветер, то, естественно, что своими «обходными путями он всегда доходил до одной

---

[1]) Английское издание, стр. 183.

[2]) Т. I, стр. 262, из собственноручной записи. Как видим, и в собственноручных, следовательно, более откровенных записях встречаются утверждения, что Николай—хороший и не глупый человек.

[3]) Т. II, стр. 69 и 70; из собственноручной записи.

[4]) Т. II, стр. 40; из собственноручной записи.

цели—лужи, в лучшем случае — помоев, а в худшем—крови» [1].

Примеров этого—сколько угодно. Вот один.

В октябре 1905 г. в России шла революция, первая русская революция. Царь дрожал за свою власть и чувствовал необходимость обратиться за спасением к ненавистному Витте. И вот по утрам в Петергофском дворце, где жил тогда царь, под председательством царя шли заседания с Витте и другими лицами, толкавшими царя на конституционную дорогу, а днем другие заседания—с Горемыкиным и группой реакционеров, толкавших царя как раз на противоположную дорогу; один и тот же пароход отвозил участников тех и других заседаний в Петергоф из Петербурга и обратно, а между тем эти двойные заседания должны были составлять секрет для их участников. Конечно, сохранить секрет оказывалось невозможным, и Витте прекрасно знал, какая ведется интрига за его спиной, так же, как это знал, вероятно, и Горемыкин.

Стесняться законами Николай II никогда не считал нужным; его понятие самодержавия («Бог и я») делало это излишним. Конечно, в современном государстве все же существуют известные учреждения, которые играют роль некоторых сдержек, но против одного учреждения всегда можно выдвинуть другое. Министр юстиции докладывает императору по всем делам, «касающимся правосудия, когда же нужно творить уже совершенно явное неправосудие, то нужно обращаться к другому докладчику, главноуправляющему комиссией прошений, или, по просту сказать, главному делопроизводителю одного из отделений его (царя) канцелярии» [2].

Совершенно понятно, что Николай II возбуждал к себе, по признанию Витте, чуть-что не всеобщее «чувство отвращения, злобы, или чувство жалостного равнодушия, если не презрения», и все же сам Витте обещает всю жизнь служить и не изменять ему до гроба, «несмотря на все горькие и стыдные чувства, которые возбуждает в нем этот «царственный глава» [3].

Таков Николай в изображении Витте.

Податливость на чужие, и притом преимущественно низменные, влияния и упрямство,—а вовсе не доброта,—особенно ярко сказались у Николая после Ходынской катастрофы, о которой Витте дает некоторые новые характерные черточки.

---

[1]) Т. II, стр. 32; из собственноручной записи.
[2]) Т. II, стр. 69; из собственноручной записи.
[3]) Т. II, стр. 32, 45 и 63; из собственноручной записи.

В один из коронационных дней, именно, 18 мая 1896 года, на Ходынском поле (под Москвой), где было назначено народное гулянье, и должны были раздаваться народу царские подарки, вследствие непринятия властями предупредительных мер, произошла страшная давка; она вызвала панику, и в результате поле покрылось тысячами трупов, как после сражения.

Под'езжая в этот день к Ходынскому полю, Витте спрашивал себя: «не последует ли приказ Государя, чтобы это веселое торжество, по случаю происшедшего несчастья, обратить в торжество печальное и, вместо слушания песен и концертов, выслушивать на поле торжественное богослужение?

«Когда я приехал на место, то ничего особенного не замечалось, как будто никакой особенной катастрофы не произошло, потому что с утра успели все убрать, а где могли быть какие-нибудь признаки катастрофы,—все это было замаскировано и сглажено.

«Но, конечно, все приезжающие чувствовали, что произошло большое несчастье и находились под этим настроением».

В это время в Москве находился чрезвычайный китайский посланник Ли-Хун-Чан. Он тоже прибыл на Ходынское поле и там спросил Витте:

— «Скажите, пожалуйста, неужели об этом несчастьи все будет подробно доложено государю?».

Получив утвердительный ответ, Ли-Хун-Чан сказал: «Ну, у вас государственные деятели не опытные; вот когда я был генерал-губернатором Печилийской области, то у меня была чума, и поумирали десятки тысяч людей, а я всегда писал богдыхану, что у нас все благополучно, и когда меня спрашивали, нет ли у вас каких-нибудь болезней? я отвечал: никаких болезней нет, что все население находится в самом нормальном порядке».

«Кончив эту фразу, Ли-Хун-Чан как бы поставил точку и затем обратился ко мне с вопросом:

— «Ну, скажите, пожалуйста, для чего я буду огорчать богдыхана сообщением, что у меня умирают люди? Если бы я был сановником вашего государя, я, конечно, все от него скрыл бы. Для чего его, бедного, огорчать»!

«После этого замечания я подумал: ну, все-таки мы ушли далее Китая. Вскоре приехали великие князья и Государь. Император и, к моему удивлению, празднества не были отменены, а продолжались по программе: так, массою музыкантов был исполнен концерт под управлением известного дирижера Сафонова; вообще все имело место, как будто бы никакой катастрофы и не было».

Не был отменен даже бал у французского посла, графа Монтебелло, назначенный на вечер того же дня, хотя многие и, повидимому даже великий князь Сергей Александрович, советовали царю это сделать и во всяком случае на бал не приезжать, но Николай не согласился: «по Его мнению, эта катастрофа есть величайшее несчастье, но несчастье, которое не должно омрачать праздника коронации; ходынскую катастрофу надлежит в этом смысле игнорировать.

«При этих словах мне естественно пришла в голову аналогия между этим рассуждением и разсуждением, которое я слышал утром от великого государственного человека в Китае—Ли-Хун-Чана.

«Через некоторое время приехал Государь и Императрица; открылся бал, причем первый контрданс Государь танцовал с графиней Монтебелло, а Государыня с графом Монтебелло. Впрочем, государь вскоре с этого бала удалился».

Кто был виноват в этой катастрофе? «Если бы московским генерал-губернатором был не вел. кн. Сергей Александрович, а кто-нибудь другой, то, разумеется, первым ответственным лицом за ходынскую катастрофу был бы московский генерал-губернатор, а затем и министр двора Воронцов-Дашков».

Но вел. князь защищал свою полицию, взваливая ответственность на чиновников министерства двора, Воронцов-Дашков на полицию. Было произведено расследование, и даже два расследования:—одно министром юстиции Н. В. Муравьевым, добравшимся до своего поста по протекции вел. князя, другое—бывшим (еще при Александре II) министром юстиции гр. Паленом, во время коронации исполнявшим обязанности обер-церемониймейстера, причем это последнее расследование было назначено под влиянием Марии Федоровны, в противовес муравьевскому. Оба расследования привели к диаметрально противоположным результатам. Пален обвинял во всем московскую полицию, и на его докладе «Его Величество соизволил написать самую лестную резолюцию; но через несколько дней приехал из Москвы вел. князь Сергей Александрович, и дело было совершенно перерешено». В конце концов виновным оказался только один человек, а именно, обер-полицеймейстер Власовский, который и был уволен [1]).

Итак влияние дяди, вел. кн. Сергея, виновного в ката-

---

[1]) Т. I, стр. 59—65; все из стенографических записей, кроме фразы о том, что мы ушли дальше Китая, указания на резолюцию Николая на докладе Палена и перерешение вопроса под влиянием вел. кн. Сергея,—это из собственноручной записи.

строфе, привело к тому, что гибель 2000 человек прошла безнаказанно.

Влияние великих князей, Марии Федоровны и других приближенных обыкновенно определяло назначения на высшие государственные посты. Витте не скупится на эпитеты: «ограниченный человек», человек совершенно не знакомый с тем делом, которое ему было поручено, человек с уровнем знаний—и притом в своей специальной области—гимназиста 2 класса, и т. д. и щедро применяет их к министрам, подробно излагая историю получения ими по протекции своих высоких постов [1]).

Интересна история назначения И. Л. Горемыкина на пост министра внутренних дел.

Ив. Ник. Дурново был уволен в 1895 г. Причины его увольнения Витте «в точности» не знает, но сам Дурново говорил ему, что им была недовольна «августейшая матушка», обвинявшая его в том, «будто им перлюстрируются ее письма» [2]).

Явился вопрос: кого на его место?

Николай советовался с Витте, причем сообщил ему, что ему рекомендовали Плеве и Сипягина. Витте сказал, что Плеве «человек, несомненно, очень умный, очень опытный, хороший юрист, вообще человек очень деловой, в состоянии много работать и очень способный, но насколько на него можно положиться в том смысле—каковы его убеждения, есть ли это в данный момент его убеждения, искренни ли они, глубоки ли, а не просто ли карьерные—об этом всегда судить очень трудно».

При Лорис-Меликове Плеве был решительным либералом, при Игнатьеве проводил игнатьевские убеждения, при Толстом стал консерватором, вообще легко менял свои убеждения, быстро приноравливая их к убеждениям своего начальства,—это Витте сказал императору [3]).

К Сипягину, с которым Витте был в тесной дружбе (даже на «ты»), он относился гораздо сочувственнее, хотя и признавал его не особенно сведущим, не особенно опыт-

---

[1]) Витте не замечает, что иногда его разсказы этого рода рикошетом попадают и в глубоко уважаемого им Александра III, так как, как мы видели в предыдущей главе, карьеры делались людьми бесчестными и при Александре III. Вспомним карьеру А. К. Кривошеина.

[2]) Т. I, стр. 27, из стенографической записи.

[3]) Т. I, стр. 29, из стенографической записи. А в собственноручной к этому прибавлено:

«Я не сказал Государю, что Плеве ренегат из за карьеры, а я думаю, что не может быть честного человека, меняющего свою религию из за житейских выгод. Я не сказал Государю, что Плеве по натуре хам и сделался ярым адвокатом всех дворянских эгоистических тенденций не по убежде-

ным, не особенно талантливым,—но все же, по его мнению, это человек со здравым смыслом, гуманный, твердый, и притом человек твердых убеждений, хотя и очень узких, дворянско-консервативных.

Царь спрашивал и мнения Победоносцева и потом передал Витте его отзывы об этих лицах.

«Константин Петрович сказал, что Плеве подлец, а Сипягин дурак». Как видим, отзыв Витте о первом совпадал с отзывом Победоносцева, да и о втором был не очень далек от него.

«Тогда я (Витте) спросил Государя:

— «Что же, Ваше Величество, он сам кого-нибудь рекомендовал?

«Государь улыбнулся и говорит:

— «Да, он мне рекомендовал... между прочим, он и о вас говорил.

«Очевидно, Государь не хотел передать то, что он сказал обо мне, но я сразу догадался и говорю:

— «Ваше Величество, хотя я не знаю, что говорил Победоносцев, но почти уверен, что могу догадаться...

— «А как вы думаете, что?

— «Да, наверно,—говорю,—он сказал так: есть только один человек, который может быть министром, это вот Витте, да и тот... и тут он сказал какое-нибудь бранное слово, что-нибудь в роде известной фразы Собакевича в «Мертвых душах»: один там только и есть порядочный человек—прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья... Государь рассмеялся».

В конце концов, Победоносцев рекомендовал Горемыкина, Витте тоже заявил, что Горемыкин производит впечатление человека порядочного [1]), но счел нужным на всякий случай заметить, что Константин Петрович (Победоносцев) рекомендует Горемыкина потому, что оба они правоведы, а известно, что правоведы, так же, как и лицеисты, держатся друг за друга, «все равно, как евреи в своем кагале».

Горемыкин и был назначен.

ниям и не по традициям (его отец еще не был дворянином, а чуть ли не органистом у какого-то польского помещика), а потому, что посредством дворянской клики у престола он делал и сделал свою карьеру. Как ренегат и не русский, он, конечно, дабы показать, какой он истинно-русский и православный, готов был на всякие стеснительные меры по отношению ко всем подданным Его Величества не православным. Вот почему Победоносцев его презирал, так как сам Победоносцев это делал по убеждению». «Я имел неосторожность передать мой разговор с Е. Величеством Ивану Ник. Дурново, который конечно его передал Плеве, как я узнал впоследствии».

[1]) Позднее Витте отзывался о Горемыкине, как об «оловянном чиновнике, отличающемся от тысячи себе подобных своими большими баками». Т. I, стр. 317, из собственноручной записи.

А после него пришла очередь «дурака» Сипягина, а за ним и «подлеца» Плеве.

В дополнение к этой превосходной жанровой картинке, остановимся несколько на перлюстрации писем, которая послужила камнем преткновения для И. Н. Дурново (ниже читатель найдет рассказ о том, как интерес к чужим письмам задержал карьеру и другого Дурново, П. Н.)

Об ней Витте рассказывает следующее:

«И. Н. Дурново говорил мне, что он перлюстрацией писем не занимается, хотя утверждение это было неверно, как в отношении его, так и в отношении всех последующих министров внутренних дел. Недавно погибший министр внутренних дел Столыпин точно так же негодовал, возмущался делаемыми предположениями, что в министерстве внутренних дел им перлюстрируются частные письма. Между тем я знаю совершенно достоверно, что письма эти перлюстрировались, и что Столыпин посвящал очень много времени чтению чужих писем. Это приносило вред и мне, ибо, когда я был председателем Совета министров, то и мне одно время давали эти письма, и я знаю по себе, как эти письма влияют на нервы и возбуждают различные чувства» [1].

Витте, зная это, тем не менее не стеснялся в письмах к знакомым давать резкие отзывы о Плеве, тем только подогревая его злобу к себе [2].

Мы сейчас видели, как назначались министры. Что же касается их смещения, то оно нередко приходило внезапно, так что они сами узнавали о нем совершенно неожиданно для себя, только из Правительственного Вестника, как о fait accompli, как иной раз узнавали и о важнейших государственных мероприятиях. Мы уже видели, что Витте, министр финансов, которого вопрос об устройстве порта на Мурмане или в Либаве близко касался, узнал о состоявшемся решении только из Правительственного Вестника; только из него же он узнал об отставке А. К. Кривошеина, как и о многих других отставках.

Случалось, однако, и хуже.

Сам Горемыкин чуть ли не из Правительственного Вестника узнал о своей отставке: ничто определенно ее не предвещало (хотя об ней и ходили слухи), и Горемыкин даже путешествовал заграницей, когда на него совершенно неожиданно свалилась отставка [3].

---

[1]) Т. I, стр. 28, стенографическая запись.

[2]) Т. I, стр. 249, собственноручная запись.

[3]) Т. I, стр. 147—153, стенографическая запись. Возможно, что здесь Витте чего-нибудь не договаривает. Нет сомнения, что сам Витте вел борьбу против Горемыкина и, может быть, был одним из виновников его отставки.

Подобное же приключение испытал и сам Витте, хотя и не в качестве министра.

С 1902 года он состоял председателем Особого Совещания о сельско-хозяйственных нуждах.

Совещание работало несколько лет очень усиленно, и еще 28 марта 1905 года «Государь соизволил утвердить журнал совещания, в котором содержались предположения о будущем. Конечно, о том, что он недоволен работою Совещания, Он мне никогда не говорил ни слова, о закрытии Совещания не предупредил и, затем, вообще, о Совещании не проронил ни слова».

Казалось бесспорным, что совещание может расчитывать еще на долгое существование, пока не окончит возложенной на него задачи.

И вот «30 марта 1905 г. утром, в то время, когда я пил кофе, мне позвонили в телефон. Я подошел к телефону. Оказалось, что в телефон говорит со мною И. П. Шипов», управляющий делами Совещания.

— «Вы, ваше превосходительство, читали Высочайший указ?

— «Какой указ?

— «Указ о закрытии совещания о сельско-хозяйственных нуждах?

«Причем в тоне Шипова слышался как бы упрек, что я никого об этом не предупредил.

«Я на этот упрек ничего не ответил, так как странно было бы мне сказать: да я и сам в первый раз об этом от вас слышу» [1]).

Таких случаев было очень много.

Иногда, давая людям отставку, Николай позволял себе и такие штучки.

Рассердившись на военного министра Куропаткина за то, что тот в последнюю минуту перед войной начал противодействовать воинственной политике, Николай дал ему отставку, но, вместе с тем, по своему обыкновению, спросил у него совета, кого назначить на его место. Куропаткин назвал несколько лиц. На них внимание государя не остановилось, и он его спросил о Сахарове, начальнике главного штаба. «Куропаткин его аттестовал крайне неблагоприятно. Конечно, Сахаров был сейчас же после этого разговора назначен, так как это было предрешено, и разговор с Куропаткиным был только для вежливости».

Через несколько дней Николай, зная, что Куропаткин ведет дневник, попросил его у него, мотивируя свою просьбу

---

[1]) Т. I, стр. 480, стенографическая запись.

тем, что в дневнике Куропаткина должны быть записаны некоторые предложения, сделанные раньше Куропаткиным, которые Николай будто бы желал осуществить. Куропаткин вручил царю две тетради; во второй был записан разговор Куропаткина с Николаем о Сахарове, и записан в такой редакции:

«Я не советую назначить Сахарова: он никогда не занимал серьезного поста в строю, ожирел и страшный лентяй...»

Царь сейчас же послал дневник Сахарову, будто бы для того, чтобы тот осуществил предложения Куропаткина, и, как будто по ошибке, послал как раз вторую тетрадь, с этим отзывом, вместо первой, в которой были практические предложения Куропаткина [1]).

Эта мелкая низость, не имевшая никакой определенной цели, кроме желания сделать другому неприятность, желания поссорить двух людей, была совершена в то время, когда велась война, когда Сахаров был назначен военным министром, а Куропаткин командующим армией, и когда, следовательно, было особенно необходимо возможно полное согласие двух этих людей.

В этой истории есть и еще одна сторона. Царь, как человек мелкий и тщеславный, очень интересовался дневниками и воспоминаниями своих министров. Из предисловия графини Витте к «Воспоминаниям» ее мужа мы уже видели, как царь желал раздобыть эти последние. А из самых «Воспоминаний» мы узнаем, что Сипягин не был так предусмотрителен, как Витте, и что его вдова после его смерти отдала царю, по его просьбе, через дворцового коменданта Гессе две тетради дневника своего мужа, а царь возвратил ей только одну, причем, когда по поручению Сипягиной у него спросили о другой, сказал, что, вероятно, в той говорилось что-нибудь неблагоприятное о Гессе, и Гессе, не желая, чтобы царь прочитал про него, ее уничтожил [2]). Надо думать, что и «Воспоминаниям» Витте грозила бы та же участь, если бы он был менее предусмотрителен.

Ошарашивать Николай любил не только неожиданными отставками, но и другими действиями.

У всех, переживших японскую войну и первую революцию, остался в памяти случай, когда в один день (18 февраля 1905 г.) было издано два правительственных акта диаметрально противоположного направления. Витте об'ясняет, как это произошло.

---

[1]) Т. I, стр. 142, из собственноручной записи.
[2]) Т. I, стр. 183, из собственноручной записи.

Неудачи на войне и начало революционного движения властно толкали правительство навстречу требованиям общества. И наконец сам царь «поручил Булыгину составить проект рескрипта на его имя, в котором давалось бы ему, Булыгину, министру внутренних дел, поручение составить проект привлечения выборных к законодательству»...

«17 февраля все министры и я, как председатель комитета, были приглашены к государю императору в Царское Село для обсуждения мер, которые необходимо принять для успокоения общества.

«Когда мы сели в вагон, то один из министров говорит: «А вы читали манифест, который сегодня появился в Собрании Узаконений, а равно и указ Сенату?» Мы все были удивлены, не имея понятия ни об этом манифесте, ни об указе. В том числе был удивлен и министр внутренних дел Булыгин» [1]).

Манифест состоял в сообщении «нашим подданным», что в России, «на радость ее врагам», «поднялась смута», что «ослепленные гордыней злоумышленные вожди мятежного движения» стремятся разрушить в России самодержавие и учредить управление страной «на началах, обществу нашему не свойственных».

Итак, министры ехали в Царское Село для обсуждения конституционного рескрипта, а по дороге в поезде узнали, что конституция не свойственна нашему отечеству.

Кто написал этот манифест? Министры этого не знали. С ними не было Победоносцева,—он считался больным и на заседания не ездил; слог и мысли манифеста напоминали его, и, вероятно, именно он и был так или иначе к нему прикосновенен. Остальные министры были чужды этому манифесту и даже ничего о нем не знали до его появления в печати.

«Государь явился на заседание как ни в чем не бывало, точно и не было манифеста. В душе, вероятно, Государь благодушно злорадствовал, так как он всегда любил неожиданностями озадачивать своих советчиков» [2]).

«Проделка с манифестом», как ее называет Витте, подействовала на министров; при обсуждении рескрипта Булыгину они были настойчивее и единодушнее, чем обыкновенно, и государь подписал рескрипт в булыгинской редакции, говоря, что он не видит противоречия между манифестом и тою политикой, которая находит выражение в рескрипте.

---

[1]) Т. I, стр. 338—339. Из стенограф. записи. Число 17 февраля поставлено по ошибке: манифест и указ, о которых говорит Витте, были подписаны 18 февраля и в тот же день появились в Собрании Узаконений.

[2]) Т. I, стр. 340, из собственноручной записи.

А между тем, в этом последнем возвещалось намерение императора «с Божией помощью привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в разработке и обсуждении законодательных предположений», т.-е. если не настоящая конституция, то во всяком случае некоторое ее подобие.

«Таким образом,—говорит Витте,—в один и тот же день появилось два совершенно противоположных государственных акта; впрочем, это бывало и ранее и позднее. Ведь еще несколько месяцев тому назад появился манифест 3-го июня 1907 года, подтверждающий манифест 17 октября, а через несколько дней телеграмма Государя проходимцу Дубровину, председателю союза русских людей, в сущности, совершенно отрицающая манифест 17-го октября.

«Само собой разумеется, что при таком ведении дела, несмотря на теперешнее желание России так или иначе покончить с революцией, нельзя добыть и ожидать спокойствия. Россией играют, как игрушкой, может быть, не дурные, но все же дети. Ведь на войну с Японией смотрели, как на войну с оловянными солдатиками. Такая же психика—психика полной безответственности, как здесь, так и на небе...» [1]).

Тут, кроме склонности делать сюрпризы, мы видим недомыслие, соединенное с крайним самомнением и крайней самоуверенностью (ниже мы увидим еще более яркие их образцы). Разумеется, всякий монарх,—а неограниченный тем более,—живет в такой атмосфере поклонения и лести, которая питает эти чувства, но кажется, что у Николая эта атмосфера отличалась совершенно исключительной сгущенностью. Царица, выросшая все же в конституционном государстве, могла бы, казалось, быть сдержаннее в выражении своих автократических чувств, а между тем именно она считала нужным заявлять, что «Государь все может»,—может даже сделать кого-либо святым: такое заявление было сделано ею, например, по поводу провозглашения святым Серафима Саровского. Мысль об этом была внушена Николаю через посредство вел. кн. Петра Николаевича Иоанном Кронштадтским и некоторыми другими лицами, и царь, пригласив к себе на завтрак Победоносцева, потребовал от него в присутствии императрицы, чтобы он представил указ о святости Серафима. Победоносцев, при всей своей услужливости, ответил, что этого нельзя сделать без проверки и предварительных исследований. Именно тогда царица «со-

---

[1]) Т. I, стр. 341, из собственноручной записи.

изволила заметить, что Государь все может» [1]). И Серафим был сделан святым. Впрочем, Николай сделал маленькую уступку: согласился отсрочить его канонизацию на год.

Вообще Александра Федоровна была роковым человеком для Николая и через него для России.

«Странная особа» эта Александра Федоровна, говорит Витте. «Когда подбирали жену Цесаревичу, за несколько лет до смерти Александра Ш, Ее привозили в Петербург на смотрины. Она не понравилась. Прошло два года. Цесаревичу невесты не нашли, да серьезно и не искали, что было большой политической ошибкой. Цесаревич, естественно, сошелся с танцовщицей Кшесинской. Об этом Александр III не знал, но это подняло приближенных, все советовавших скорее женить Наследника.

«Наконец Император заболел. Он и сам решил скорее женить сына. Вспомнили о забракованной Алисе Дармштадтской. Послали туда Наследника делать предложение». Предложение, конечно, было принято,—«еще бы не принять!» замечает Витте.

О ней наш посол в Берлине, гр. Остен-Сакен, спрашивал своего доброго приятеля, обер-гофмаршала дармштадтского двора: что представляет она из себя? Тот «встал, осмотрел все двери» и, убедившись, что их никто не подслушивает, сказал Остен-Сакену:

«Какое для Гессен Дармштадта счастье, что вы от нас ее берете!»

Она не особенно охотно переменила религию, но так как это было необходимо для получения трона, то сделала это и вслед затем предалась православию до ханжества.

«С ее тупым, эгоистическим характером и узким мировоззрением, в чаду всей роскоши русского двора, довольно естественно, что она впала всеми фибрами своего «я» в то, что я (Витте) называю православным язычеством, т.-е. поклонение формам без сознания духа,—проповедь насилием, а не убеждением; или поклоняйся, или ты мой враг и против тебя будет мой самодержавный и неограниченный меч; я так думаю, значит, это так; я так хочу, значит это правда. При такой психологии, окруженной низкопоклонными лакеями и интриганами, легко впасть во всякие заблуждения».

На беду, Николай II был лишен воли; она же имела волю крепкую, и она забрала его в свои руки. Она льстила ему, она проводила своих людей, а он ее слушался, когда же не слушался, то ему жестоко «доставалось». Она его увлекала в мистицизм; разные проходимцы, окружавшие

---

[1]) Т. I, стр. 242, из собственноручной записи.

царя, вроде доктора Филиппа или позднее Распутина, по большей части ее (также и Николая Николаевича) креатуры; она была главной опорой черной сотни, и в значительной степени благодаря именно ей черносотенная печать получала значительные субсидии из средств государственного казначейства [1]).

Не меньше царицы льстили Николаю и великие князья. Так, однажды вел. кн. Николай Николаевич спросил Витте:

«— Скажите мне откровенно, Сергей Юльевич, как вы считаете Государя, человеком или нет?

«Я ответил:

«Государь есть мой Государь, и я Его верный на всю жизнь слуга, но хотя Он Самодержавный Государь, Богом или природой нам данный, Он все-таки человек со всеми людям свойственными особенностями.

«На это великий князь мне ответил:

— Видите ли, а я не считаю Государя человеком, Он не человек и не Бог, а нечто среднее...» [2]).

На несчастье Николая, всю свою самостоятельную жизнь он был окружен людьми, которые не могли на него влиять сколько-нибудь благотворно. Сейчас мы видели, как грубо потакали самым низменным его инстинктам императрица и Николай Николаевич. Николай Николаевич—человек «самоуверенный и неуравновешенный, с весьма малым запасом логики», мистически тронутый. Благодаря верчению столов и вызову духов, он сошелся с купчихой Бурениной, с которой долго жил maritalement, а Буренина на этом, кажется, совсем помешалась. С тех пор он постоянно занимался «шарлатанами мистицизма», как, напр., некиим доктором Филиппом, и проводил их к царю. «По слабости, присущей всем великим князьям», Николай Николаевич тащил «на высшие места лиц, которые были близки или к нему лично, или к его отцу, или же к даме, близкой к сердцу его отца—танцовщице Числовой, или к даме, близкой к сердцу самого великого князя Николая Николаевича—г-же Бурениной, и, наконец лиц, заслуживших благоволение его супруги Анастасии, княжны Черногорской» [3]).

В том же роде было и влияние других великих князей, а «всяких великих князей,—говорит Витте,—у нас расплодилось целое стадо».

Печальную роль играл Александр Михайлович, «большой интриган и нехороший человек», «большой мастер на

---

[1]) Том II, стр. 249—251, 31, 5; из собственноручной записи.
[2]) Т. I, стр. 248, из собственноручной записи.
[3]) Т. I, стр. 343, собственноручная запись.

интриги», в интригах превзошедший даже свою мать, Ольгу Федоровну, баденскую принцессу, которая славилась своим прескверным характером и частой сменой фаворитов. Александр Михайлович весь «пошел в мать. Красивый по наружности, не глупый, полуобразованный», во многих случаях просто невежественный, «дилетант во всех областях знания, ни о чем толковой записки составить» не способный, «скрытный и страстный, в отношениях довольно симпатичный». Посредством закулисной интриги Александр Михайлович добился основания совершенно ненужного главного управления торгового мореплавания, начальником которого (на правах министра) и был назначен. В этом звании он развел всевозможные злоупотребления [1]). Тут и другой интриган, Алексей Александрович, в звании генерал-адмирала так сильно навредивший русскому флоту, и многие другие. Александр III их держал в узде, а Николай, хотя и обещал пообрезать им крылья, но поддавался их влиянию.

Быть может, хуже всех из этого «стада»—две великих княгини, которых Витте называет «черногорка № 1 и черногорка № 2», одна—жена вел. кн. Петра Николаевича, другая—жена сперва принца Лейхтенбергского, потом вел. кн. Николая Николаевича.

«Ох, уж эти черногорки, натворили они бед России,—говорит Витте.—Не добром помянут русские люди их память».

Это две дочери князя Николая Черногорского. Они воспитывались в Смольном институте в Петербурге и пользовались вниманием Александра III. «Этого было достаточно, чтобы явились женихи из царской семьи. Слабогрудый Петр Николаевич женился на черногорке № 1, а принц Юрий Лейхтенбергский, третий сын великой княгини Марии Николаевны, женился на черногорке № 2. Но последний, женившись на черногорке № 2 (вторым браком), продолжал свою связь с куртизанкою за границей, где большей частью и проживал. Такое его поведение, конечно, не могло нравиться такому в высшей степени нравственному человеку, как Александр III».

После вступления на престол Николая II черногорки услужничеством сумели втереться в милость к новой императрице, и их влияние усилилось.

«Конечно, прежде всего явилось у них желание раздобыть побольше денег. Вот на этой почве мне пришлось сталкиваться с черногорками. Как-то раз черногорка Лейхтенбергская заявила мне, что им трудно жить, и что она

[1]) Т. I, стр. 196, 204, 208, 211 и 237; из собственноручных записей.

просила помощи у Государя через Императрицу и просила и моего содействия к устройству этого дела. Вопрос сводился к тому, чтобы казна выдавала Лейхтенбергскому ежегодно 150.000 рублей. Конечно, я признал это невозможным, и дело устроилось так, что бюджет министерства двора был увеличен на 150.000 рублей, а сие министерство уплачивает Лейхтенбергскому равную сумму.

«Как это устроится теперь, когда черногорка № 2 покинула своего мужа Лейхтенбергского и вышла замуж за великого князя Николая Николаевича,—не знаю».

«Нужно отдать справедливость черногоркам, они были преданные дочери и постоянно хлопотали о всяких денежных субсидиях своему княжескому родителю. Вся игра велась на том, что в интересах России, в случае столкновения ее с Германией, поставить Черногорию в такое положение, чтобы она могла оказать России содействие. Черногорцы молодцы; нужно только сформировать постоянные части, а для этого нужны деньги. Вот по особым Высочайшим повелениям и начали отпускать черногорскому князю на содержание сказанных частей войск особые суммы, и теперь в смете военного министерства таких расходов значится около миллиона рублей, если не больше, но как именно расходуются эти деньги, никому в России не известно. Князь Николай по этому предмету писал Государю самые убедительные письма, уверяя, что война с Германией неизбежна, и весьма нелестно отзывался о Вильгельме. У меня в архиве одно такое интересное письмо сохранилось. Но— l'appetit vient en mangeant. В 1901 или 1902 году вдруг появился Николай Черногорский в Петербурге. Затем, я вижусь с черногоркой № 2, которая мне говорит, что ее отец просил Государя о помощи, что Государь на это согласился, и, вероятно, я на днях получу повеление. Я пожелал узнать, о какой помощи идет речь. Черногорка мне ответила, что ее отец просит Государя, чтобы ему была уступлена контрибуция, которую платит Турция России—около 3.000.000 руб. в год,—и что Государь на это согласился, а потому князь Николай благодарил уже Государя и уехал к себе обратно в Черногорию. Я сказал черногорке, что это, по моему мнению, невозможно.

«На ближайшем всеподданнейшем докладе Государь мне сказал, что князь черногорский просил, чтобы Россия ему оказывала денежную помощь, что он сказал князю, что не считает возможным из денег, платимых русским народом, оказывать денежную помощь иностранным, хотя бы более нежели дружественным народам. Тогда князь Николай ему ответил, что и он не счел бы возможным просить о такой

помощи, а потому он просит, чтобы ему давали не русские деньги, а турецкие, т.-е. чтобы Турция следуемую с нее ежегодную контрибуцию до 3.000.000 рублей в год передавала не России, а Черногории. Я доложил Его Величеству, что турецкая контрибуция, согласно закону, ежегодно вносится в государственную роспись и затем в отчет государственного контроля, и что об исчезновении этой статьи дохода сделается сейчас же всем известным. Я добавил, что это такие же русские деньги, как и все другие, входящие в роспись, что Турция нам платит контрибуцию в возмещение лишь части расходов, произведенных русским народом в последнюю восточную войну, и что исчезновение из доходов этой суммы русскому народу, в той или другой форме, придется восполнить, и, наконец, что такая новая подачка Черногории по своим размерам переходит всякие пределы. В ответ на это Государь мне говорит:

«Что же делать—я уже обещал».

«Его Величество меня часто обезоруживал этим доводом, но в данном случае я доложил Государю, что если Он обещал, то потому, что князь Николай, вольно или невольно, ввел Его в заблуждение, указав, что он сам не считает возможным брать русские деньги и потому просит турецкие, а так как оказывается, что это деньги русские, то, следовательно весь Его разговор с князем падает. Государь склонился к моим убеждениям, и я с министром иностранных дел дело это уладил, но все-таки пришлось по бюджету военного министерства увеличить субсидию на несколько сот тысяч рублей. После этого черногорка № 2 мне с яростью сказала:

«Ну, я вам это не забуду,—будете помнить...»

«Я воображаю, сколько эти сестры потом на меня клеветали Императрице. Вообще, эти особы крепко присосались к русским деньгам» [1]).

В таком роде было вообще влияние великих князей и княжен. Нужно, однако, отдать справедливость Николаю Николаевичу, что два раза он сыграл и положительную роль. Один раз это было в начале октября 1905 года; он повлиял на царя, чтобы тот отказался от заключенного им в Биорке крайне вредного договора с Германией,—об этом будет сказано ниже. В другой раз, совсем накануне 17 октября 1905 г., когда император Николай колебался между диктатурой и уступкой требованиям общества, Николай Николаевич, почти всю свою жизнь бывший сторонником реакции, напуганный революцией, стал решительно на сто-

---

[1]) Т. I, стр. 237—240, из собственноручной записи.

рону уступок, несмотря на то, что именно он был тем лицом, которое прочили в диктаторы. 16 октября он пошел к императору Николаю и, показывая ему револьвер, грозил застрелиться, если Николай не подпишет манифеста 17 октября. И Николай подписал. Так, по крайней мере, барон Фредерикс рассказывал эту историю графу Витте. Но уже через несколько дней после этого Николай Николаевич находился в самых интимных отношениях с Дубровиным и черносотенцами и скоро «стал почти явно во главе этих революционеров правой».

Витте недоумевает, что двигало Николаем Николаевичем в октябрьские дни, но во всяком случае, говорит он, «не логика и не разум, ибо он уже давно впал в спиритизм и, так сказать, свихнулся, а по нутру своему представляет собою типичного носителя неограниченного самодержавия или, вернее говоря, самоволия, т.-е.: хочу—и баста». В октябре Николай Николаевич, вообще человек слабодушный и неуравновешенный, перепугался и растерялся и взять диктатуру в свои руки не решился. Но как только революционное движение ослабело, он воспрянул духом и показал себя тем, чем по своим основным наклонностям должен был быть, т.-е. крайним реакционером.

Долго спустя, П. Н. Дурново об'яснил графу Витте поведение Николая Николаевича в октябрьские дни влиянием на него Ушакова, вождя немногочисленной группы монархически настроенных рабочих, и сам Ушаков, с которым Витте видался, подтвердил это. К Николаю Николаевичу ввел Ушакова некий Нарышкин [1]).

Окруженный такого рода семьею и находящийся под такими влияниями, Николай совершенно не умел разбираться в людях; поэтому всякие проходимцы легко умели льстить его слабостям. Витте мало говорит о Распутине, потому что возвышение Распутина относится к последующей эпохе, не захваченной мемуарами Витте. Но Григорий Распутин был не первый фаворит Николая того же типа. Во время японской войны таким фаворитом был шарлатан доктор Филипп, француз по происхождению. Не будучи врачом, он еще во Франции начал лечить разными чудодейственными способами, достиг некоторого успеха и приобрел поклонников, преимущественно в рядах французских националистов. К их числу принадлежал наш военный агент в Париже, граф Муравьев-Амурский (младший брат министра юстиции Н. В. Муравьева).

---

[1]) Т. II, стр. 35—37, из собственноручной записи.

«Этот граф был человек положительно ненормальный», он и другие поклонники Филиппа провозгласили его святым, во всяком случае они уверяли, что он не родился, а с небес сошел на землю и так же уйдет обратно.

«С этим Филиппом познакомилась за границей жена Великого Князя Петра Николаевича, черногорка № 1, или жена принца Лейхтенбергского, черногорка № 2.

«Через черногорок Филипп влез к Великим Князьям Николаевичам и затем и к Их Величествам. Таким образом, Филипп несколько раз проживал секретно по месяцам в Петербурге, и преимущественно в летних резиденциях, он постоянно занимался беседами и мистическими сеансами с Их Величествами, Николаевичами и черногорками. На даче Великого Князя Петра Николаевича около Петергофа с Филиппом виделся и Иоанн Кронштадтский. Повидимому, там и родилась мысль о провозглашении старца Серафима Саровского святым.

«Так как Филиппу не удалось получить диплома во Франции, то, вопреки всем законам, при военном министре Куропаткине ему дали доктора медицины от петербургской военной медицинской академии и чин действительного статского советника.

«Императрицу Марию Федоровну не мало смущали ночные сеансы с Филиппом, хотя они держались в секрете. Великий Князь Николай Николаевич и принц Лейхтенбергский, второй и первый супруги черногорки № 2, на вопросы их друзей о Филиппе категорически отвечали, что, во всяком случае, это святой человек. Понемногу около Филиппа образовалась немногочисленная секта своего рода иллюминатов.

«Филипп через несколько лет, еще до окончания войны, умер, но, по уверению его поклонников, поднялся живым на небо, окончив на нашей планете свою миссию. Кажется, в особенности увлекался Филиппом Великий Князь Николай Николаевич, который вообще мистически тронут» [1]).

Вместе с Николаем Николаевичем увлекались Филиппом императрица и сам царь. Увлечение было настолько сильно, вера в Филиппа настолько глубока, что ему однажды удалось внушить истеричной Александре Федоровне, будто она беременна.

«Она начала носить платья, которые носила ранее во время последних месяцев беременности, перестала носить корсет. Все заметили, что Императрица сильно потолстела; все были уверены, что Императрица беременна. Государь ра-

---

[1]) Т. I, 237, 242, 246, 247. Собственноручная запись.

довался, об ее беременности России сделалось оффициозно известно. Прекратились выходы с Императрицей.

«Прошло девять месяцев. Все в Петербурге ежечасно ожидали пальбу орудий с Петропавловской крепости, оповещающую жителей, по числу выстрелов, о рождении сына или дочери. Императрица перестала ходить, все время лежала. Лейб-акушер Отт со своими ассистентами переселился в Петергоф, ожидая с часу на час это событие. Между тем, роды не наступали. Тогда профессор Отт начал уговаривать Императрицу и Государя, чтобы ему позволили исследовать Императрицу. Императрица, по понятным причинам, вообще не давала себя исследовать до родов. Наконец, она согласилась. Отт исследовал и заявил, что Императрица не беременна и не была беременна, что затем в соответствующей форме было оповещено России.

«Если какой-нибудь шарлатан может внушить женщине, что она забеременела, и женщина под этим внушением находится впродолжение девяти месяцев, то что может внушить любой проходимец такой особе? А раз что-либо ей внушено, то сие внушение передается ее безвольному, но прекрасному мужу, а этот муж неограниченно распоряжается судьбой величайшей Империи и благосостоянием и даже жизнью 140.000.000 человеческих душ, т.-е. божественными искорками Всевышнего...» [1]).

Князь Мещерский происходил из хорошей семьи; по матери он внук историка Карамзина. Уже в детстве он был вхож во дворец, где в качестве сверстника цесаревича Николая Александровича (сына Александра II, старшего брата Александра III) был выбран в товарищи его игр и занятий. После ранней смерти Николая Александровича, цесаревич Александр Александрович (впоследствии имп. Александр III), сильно любивший своего брата, в первое время относился с симпатией к Мещерскому. Но очень скоро Мещерский приобрел репутацию человека грязного, и от него стали сторониться, в особенности женщины; цесаревна Мария Федоровна открыто называла его негодяем и не желала, чтобы он переступал порога ее дворца. Цесаревич Александр все-таки принимал его, но принимал, «так сказать, с заднего крыльца». Так дело обстояло почти везде, где принимали Мещерского: женская половина не желала иметь с ним дела, но мужчины иногда поддерживали с ним отношения, зная, что Мещерский—человек сильный и мсти-

---

[1]) I, 424—425, из собственноручной записи. Опять-таки здесь мы встречаем в собственноручной записи квалификацию Николая, как «прекрасного»; вряд ли ее можно принять за иронию,—ирония вообще чужда Витте.

тельный. Не все, конечно; Победоносцев, знавший Мещерского с детства этого последнего, говорил графу Витте о нем, как о человеке грязном и низком и знаться с ним не советовал. Витте, однако, как он признает, бывал у Мещерского, не раз у него обедал и принимал к себе на обеды.

В конце восьмидесятых годов с Мещерским произошел громкий скандал, широко распространившийся в обществе; это «так называемая история с трубачем».

«В лейб-стрелковом батальоне находился один трубач, молодой парень, который очень понравился Мещерскому» и часто бывал у него. Граф Келлер, командир батальона, «узнав об этом, наказал трубача» и запретил ему ходить к Мещерскому. «Тогда кн. Мещерский начал, по своему обыкновению, доносить на Келлера, писать грязные статьи» в издаваемом им ультра-консервативном «Гражданине», и добился того, что Келлер был отрешен от командования батальоном. «Но затем расследование этого дела установило правоту Келлера и удивительно грязную роль Мещерского». Келлер был реабилитирован; позднее он был губернатором в Екатеринославе, а еще позднее был убит во время японской войны.

Эта грязная история разнеслась по Петербургу, и многих, в том числе императрицу Марию Федоровну, еще более вооружила против Мещерского [1]).

Потом у Мещерского были и другие любимцы, и Мещерский всегда протежировал им и выдвигал на разные посты. Так, некто «Бурдуков, будучи простым армейским офицером, не имея ни таланта, ни образования, будучи человеком вполне ничтожным», в качестве любимца Мещерского сделал при Плеве, находившемся под сильным влиянием Мещерского, блестящую карьеру: «в настоящее время (т.-е. около 1910) уже камергер, член тарифного комитета министерства финансов от министерства внутренних дел и чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел. Кроме того, он имел некоторые средства, потому что благодаря Мещерскому ему постоянно давали какие-то поручения, связанные с денежными подачками.... Даже как-то раз насколько мне известно, он получил командировочные деньги (в Туркестан), совсем не ездивши».

Уже из этого видно, что дурная репутация не помешала Мещерскому оставаться сильным и влиятельным человеком

---

[1]) Эта история дала повод Владимиру Соловьеву написать стихотворение, в свое время ходившее по рукам, начинающееся словами: «Содома князь и «Гражданин» Гоморры идет на Русь с газетою большой».

и не помешала ему получать хорошие деньги от казны. Его газета «Гражданин» успеха не имела и не окупалась, но сам Витте в качестве министра финансов лично выдавал на нее князю Мещерскому по 80.000 р. в год, и это делалось по прямому приказанию еще императора Александра III. Витте как будто совсем не замечает, что весь его рассказ о Мещерском очень больно задевает и память Александра III, которому прославленная строгая нравственность не помешала смотреть на старого развратника и на низкого человека Мещерского, как на выразителя и защитника его политики. Витте строго осуждает Александру Федоровну за то, что благодаря ей выдавались черносотенной печати казенные деньги, т.-е., как в этом случае считает нужным подчеркнуть, деньги, собираемые с неимущего населения России, и не считает нужным отметить того же самого относительно Александра III, тратившего такие же казенные, следовательно, такие же народные, деньги на газету «Гражданин», которая ничуть не лучше газет Дубровина и Пуришкевича.

Николай II унаследовал от Александра III личное презрение к князю Мещерскому и сначала действовал даже в более соответствовавшем этому презрению направлении: повелев перед 1895 г. выдать Мещерскому 80.000 р., он велел предупредить его, что деньги выдаются ему в последний раз.

Субсидия, таким образом, была отнята.

Но когда министром вн. д. сделался Сипягин, родственник и приятель Мещерского, то субсидия по его ходатайству была восстановлена, и даже больше того: Николай разрешил Мещерскому писать ему лично политические письма. Письма эти, видимо, нравились; Николай отвечал на них и скоро даже начал обращаться к Мещерскому на «ты», хотя вообще всем, кроме родственников, говорил и писал «вы»; таким образом, это было признаком совершенно исключительной интимности и близости. И звезда Мещерского воссияла новым, гораздо более ярким, чем прежде, блеском: с ним советовались даже при назначении министров. А Мещерский при этом обделывал свои личные делишки, мстя за обиды, платя за услуги. Плеве был назначен министром по рекомендации Мещерского. Сам Витте прислушивался к этим рекомендациям и при составлении своего кабинета предложил министру просвещения Ив. Ив. Толстому в товарищи Герасимова, имея о нем только рекомендацию князя Мещерского [1]); и Герасимов был назначен.

Из высокопоставленных лиц очень немногие не заиски-

---

[1]) Т. II, стр. 101, из собственноручной записи.

вали перед Мещерским, а Святополк-Мирский сделал даже больше. Когда однажды Николай II заговорил с ним о Мещерском, то Мирский «сказал государю, что считает Мещерского таким человеком, которого государь не только не должен знать, но даже произнесение имени князя Мещерского устами государя императора, по его мнению, оскверняет царственные уста». Для такого заявления, без всякого сомнения, нужна была исключительная смелость, и Мещерский мстил за нее Мирскому, писал Николаю всевозможные на него клеветы [1]).

Тем же неумением разбираться в людях, конечно, об'ясняется и симпатия Николая к черносотенцам. Любопытен отзыв о них Витте:

«Партия эта сыграет еще громадную роль в дальнейшем развитии анархии в России, так как в душе она пользуется полной симпатией Государя, а в особенности несчастной для России Императрицы, и имеет свои положительные и симпатичные стороны. Эта партия в основе своей патриотична, а потому при нашем космополитизме симпатична. Но она патриотична стихийно, она зиждется не на разуме и благородстве, а на страстях. Большинство ее вожаков—политические проходимцы, люди грязные по мыслям и чувствам, не имеют ни одной жизнеспособной и честной политической идеи и все свои усилия направляют на разжигание самых низких страстей дикой, темной толпы. Партия эта, находясь под крылами двуглавого орла, может произвести ужасные погромы и опустошения, но ничего, кроме отрицательного, создать не может. Она представляет собою дикий нигилистический патриотизм, питаемый ложью, клеветой и обманом, и есть партия дикого и трусливого отчаяния, но не содержит в себе мужественного и прозорливого созидания. Она состоит из темной, дикой массы, вожаков—политических негодяев, тайных соучастников из придворных и различных, преимущественно титулованных, дворян, все благополучие которых связано с бесправием, и лозунг которых «не мы для народа, а народ для нашего чрева». К чести дворян, эти тайные черносотенники составляют меньшинство благородного русского дворянства. Это—дегенераты дворянства, взлелеянные подачками (хотя и миллионными) от царских столов. И бедный Государь мечтает, опираясь на эту партию, восстановить величие России.

---

[1]) Князю Мещерскому в Воспоминанаях Витте посвящена специальная глава в 18 страниц, находящаяся в стенографических диктовках и помещенная в Приложении к II тому. стр. 509—526. Кроме того, о нем многократно упоминается на протяжении обоих томов.

Бедный Государь... И это главным образом влияние Императрицы.

«Пишу эти строки, предвидя все последствия безобразнейшей телеграммы Императора проходимцу Дубровину, председателю союза русского народа (3 июня 1907 года). Телеграмма, эта в связи с манифестом о роспуске Второй Думы, показывает все убожество политической мысли и болезненность души Самодержавного Императора...» [1]).

При таком неумении разбираться в людях, при такой податливости на самые низкие влияния, совершенно естественно, что Николай вручал бразды правления по преимуществу неподходящим людям.

Мы уже видели, как был назначен Горемыкин, и знаем что потом его место занял «дурак» Сипягин (к которому, впрочем, Витте относится снисходительно и даже сочувственно, не приводя, однако, достаточных данных для оправдания своего сочувствия) и затем «подлец» Плеве.

Роль Плеве в качестве директора департамента полиции и министра внутренних дел достаточно известна, и новых фактов относительно нее Витте не дает. Здесь интересны только психологические замечания Витте. Напр., всем известно, и Витте это подтверждает, что еврейские погромы как в начале 80-х годов, когда Плеве был директором департамента полиции (при министре вн. д. Игнатьеве), так и в 1902—04, когда Плеве был министром, были для Плеве способом борьбы с революцией, и Плеве даже говорил некоторым еврейским раввинам: «заставьте ваших прекратить революцию, а я прекращу погромы», а вместе с тем. как утверждает Витте на основании разговоров с Плеве, Плеве не был врагом евреев и понимал ошибочность своей политики,—но она нравилась его начальству, нравилась в. кн. Сергею Александровичу, нравилась царю, и этого для Плеве было достаточно, чтобы ее проводить. Плеве—поляк по происхождению, но еще в молодости ради карьеры переменил религию и фамилию, и, хотя он не верил ни в бога, ни в чорта, но в угоду Сергею Александровичу и Победоносцеву прикидывался очень набожным, ходил на поклонение в Троице-Сергиевскую Лавру, и т. д. [2]).

Совершенной бездарностью был ген. Куропаткин, военный министр перед японской войной, командующий армией и главнокомандующий во время войны. Относительно него, правда, ошибался не один Николай; этот человек сумел

---

[1]) I, 245, собственноручная запись.

[2]) Т. I, стр. 192—194, частью из стенографич, частью из собственноручной записи.

ввести в обман общественное мнение, и главнокомандующим он был назначен тогда, когда Николай совершенно охладел к нему, по требованию общественного мнения, главным образом, «Нового Времени» (Витте склонен в Новом Времени видет авторитетного выразителя общественного мнения, между тем, это, без сомнения, совершенно не верно). Лично Куропаткин был храбр и получил Георгия тогда, когда Георгий даром не давался, но сам он раздачей Георгия направо и налево, без всяких оснований, по протекции, не малосодействовал падению этого ордена. Лично храбрый и бойкий на язык, ген. Куропаткин, по выражению А. А. Абазы (бывшего министра финансов), обладал душою штабного писаря делал он карьеру самой грубой, бесшабашной лестью и прислужничеством, любил становиться в позу и тоном «актера балаганных трупп» говорить о своей любви к государю. Значения Японии и японской войны он совершенно не понимал и накликал ее с совершенным легкомыслием [1]).

Еще хуже был адмирал Алексеев. О начале его карьеры, еще в конце царствования Александра II, Витте рассказывает следующее. Во время кругосветного плавания молодой великий князь Алексей Александрович в Марселе «с компанией товарищей-моряков отправился ночью в веселое заведение с дамами. В этом заведении великий князь совершил различные буйства и поэтому был привлечен к ответственности. Но вместо него явился молодой офицер Алексеев, который уверил, что это он совершил буйства, и что буйства эти только по ошибке приписали великому князю, потому что фамилия его Алексеев, а французские власти не разобрали и вообразили, что буйства эти учинил великий князь Алексей» [2]).

Алексеев понес наказание в виде денежного штрафа, но, само собой разумеется, снискал дружбу великого князя. Последний при Александре III сделался генерал-адмиралом, и карьера Алексеева была обеспечена. Он кончил наместником на Дальнем Востоке, и в этой должности вместе со своими протеже — Безобразовым и Абазой — был одним из главных виновников японской войны, а после ее начала одновременно и главнокомандующим, хотя он даже верхом не мог ездить и боялся лошадей [3]); за войну, которую он проиграл, он получил Георгия, хотя не слышал ни одного

---

[1]) Т. I, стр. 136—142, 164 и 175; частью из стенографич., частью из собственноручной записи.

[2]) Т. I, стр. 263, из стенографич. записи.

[3]) Т. I, стр. 262, из стенографической записи.

выстрела; но в плюс ему следует поставить, что он носит большую бороду, так что Георгия не видно. Не один Алексеев виновен в войне: к ней систематически вела вся политика Николая, и все или почти все ее хотели. Плеве прямо говорил: «чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война» [1]).

Витте рассказывает довольно подробно, хотя несколько бессвязно, историю японской войны. Многое из того, что он рассказывает, было известно и раньше. Было известно, что сам Витте был противником всей политики, которая привела к ней; в своих «Воспоминаниях» он подчеркивает это многократно, с особой, вполне понятной гордостью. И, однако, тут же он сообщает один,—как кажется, неизвестный до сих пор,—факт, как лично он участвовал в захвате Квантунского полуострова.

Авантюристская политика на Дальнем Востоке была вызвана потребностью в открытом море. Таковое можно было найти сравнительно недалеко: Екатерининская бухта на Мурманском берегу никогда не замерзает; но царь под разными, частью своекорыстными, частью просто неразумными, влияниями отказался от устройства там порта,—и этим толкнул нас в поисках за открытым морем на Дальний Восток.

Витте в 1896 г. добился от Ли-Хунг-Чана согласия на проведение по китайским владениям железной дороги к Владивостоку, но Япония угрозы себе в этом не видела, и, следовательно, здесь не было ей вызова. С Китаем у нас был по этому случаю заключен договор, по которому мы обязались охранять неприкосновенность Китая, но «мы сами, не то коварно, не то легкомысленно, нарушили этот договор», и это коварство или легкомыслие было причиной нашего несчастия.

Вызов явился позднее. Сделанный Николаем, по чувству гостеприимного хозяина, подарок Вильгельму II не принадлежащего ему порта Киао-Чао был началом расхищения Китая, в котором и мы приняли деятельное участие.

Так как у нас «в высших сферах существует страсть к захватам того, что плохо лежит», то министр иностранных дел граф Муравьев задумал захват Порт-Артура и Квантунского полуострова. На совещании под председательством царя, на котором обсуждался этот проект, принесший столь неисчислимый вред России, Витте, как он рассказывает, очень решительно возражал. Но с ним не согласились. И сам Витте, видя, что его величество не усту-

---

[1]) Т. I, стр. 262, из собственноручной записи.

пит, и опасаясь кровавого столкновения, с своей стороны вмешался в переговоры с Китаем, предложив Ли-Хунг-Чану через посредство агента министерства финансов в Пекине 500.000 рублей, а другому китайскому сановнику — 250.000. Взятки были приняты, и дело сделано. «Это был единственный раз, когда в моих переговорах с китайцами я прибег к взятке», говорит Витте.

Дело было сделано, и последствия были весьма печальные. Противником этой политики был министр иностранных дел Ламсдорф, предвидевший ее результаты; но, мягкий и уклончивый по натуре, он, хотя и возражал против нее, но не был достаточно настойчив и оффициально скреплял ее, так что в глазах Японии и Европы нес за нее ответственность. Когда Витте высказывал ему свои мнения о желательности тех или иных шагов, то бедный Ламсдорф беспомощно отвечал:

«Я ничего не могу сделать, так как переговоры ведутся не мной»,—и спокойно оставался на своем месте. Именно он и был принесен в жертву общественному мнению, требовавшему удовлетворения, когда война была проиграна [1]).

Я не стану передавать рассказа Витте о перипетиях японской драмы,—в них по существу мало нового. Не нов и его позорный рассказ о разграблении Пекина и, в частности, дворца богдыхана русскими войсками. Не ново, по существу, конечно, и сообщение Витте об изумительном ослеплении русских государственных деятелей, которые все были уверены, что с японцами можно делать, что угодно, что они войны начать не посмеют. Ванновский и Куропаткин, два воен. министра, согласно поддерживали «кровавую», как ее называет Витте, политику на Дальнем Востоке (Куропаткин, впрочем, в последние месяцы перед войной изменил свою позицию), а когда война началась, то они же спорили только о том, достаточно ли для победы одного русского солдата на двух японских, или нужно иметь одного против полутора [2]).

Плеве говорил о том, что нам необходима «маленькая победоносная война» (чтобы предупредить революцию). Но всех изумительнее был сам царь, который уверенно говорил: «Я войны ни за что не начну, а они не посмеют; значит, войны не будет. Войны не будет, так как Я ее не хочу». Впрочем, по мнению Витте, царь в глубине души войны

---

[1]) Стр. 252, 254, 261, из собственноручной записи. Эта роль Ламсдорфа выяснилась уже из конфиденциальной записки, которая была напечатана в Вестнике Европы, 1906, № 4.

[2]) Т. I, стр. 161, 267, из стенографической записи.

желал, и желал отчасти «по родившемуся в нем дурному чувству к японцам после покушения на Его жизнь в Японии (хотя Он об этом никогда не говорил)», а отчасти в погоне за славой [1]). Но говорил он иное.

Японцы, однако, посмели.

Война была настолько непопулярна даже в высшем обществе (несмотря на то, что большинство министров и правительственных деятелей толкали Россию на нее), что в самом Зимнем дворце после богослужения по поводу начала войны «ура» в честь царя, провозглашенное генералом Богдановичем, было поддержано лишь немногими голосами [2]). Нечего говорить, что уличные манифестации, устраивавшиеся полицией, не находили отклика: народ явственно не сочувствовал войне [3]).

Но у царя в ближайшие дни «выражение и осанка были весьма победоносные». Японцы были в его глазах макаками, которых разбить ничего не стоит, что же касается ген. Куропаткина, то он уезжал на войну с помпой, с речами, провожаемый, как победитель [4]), хотя перед самым началом войны он начал понимать, что война будет не такой шуточной, как ему казалось раньше.

Главнокомандующим сначала был назначен совершенно невежественный в сухопутном военном деле адмирал Алексеев, а командующим армией—ген. Куропаткин, последний против воли царя, под давлением общественного мнения, почему-то верившего в таланты Куропаткина и единодушно требовавшего этого назначения [5]). Таким образом, вопреки элементарному требованию военного искусства, было создано двоевластие, причем были назначены два лица, державшиеся как раз противоположных мнений по важнейшим вопросам тактики: Алексеев был сторонником решительной и наступательной тактики, в частности, наступления для выручки Порт-Артура, когда тот был осажден японцами, тогда как Куропаткин, все-таки лучше понимавший действительное соотношение сил, стоял за отступление до Харбина и оборону. Притом эти два лица друг друга ненавидели. «Ничего, кроме сумбура, произойти не могло»,—и не произошло.

Куропаткин перед от'ездом был у Витте и обратился к нему за советом, что делать. «Я бы мог вам дать хороший совет,—ответил Витте,—только вы его не послушаетесь».

---

[1]) Т. I, стр. 250—252, из собственноручной записи.

[2]) Т. I, стр. 261, из стенографической записи.

[3]) Т. I, стр. 262, из собственноручной записи.

[4]) Т. I, стр. 262 и 264, частью из стенографич., частью из собственноручной записи.

[5]) Т. I, стр. 264, из стенографической записи.

Заинтересованный Куропаткин, конечно, настойчиво просил совета, и Витте дал его: по приезде в Мукден немедленно арестовать Алексеева.

«В виду того престижа,—раз'яснял Витте,—который вы имеете в войсках, на такой ваш поступок не будут реагировать. Затем я бы посадил Алексеева в тот поезд, в котором вы приехали, и отправил бы его под арестом в Петербург и одновременно бы телеграфировал Государю Императору следующее: Ваше Величество, для успешного исполнения того громадного дела, которое Вы на меня возложили, я счел необходимым, приехавши в действующую армию, прежде всего арестовать главнокомандующего и отправить его в Петербург, так как без этого условия успешное ведение войны немыслимо; прошу Ваше Величество за мой такой дерзкий поступок приказать меня расстрелять или же, в видах пользы родины, меня простить».

«Куропаткин засмеялся, начал махать руками и сказал мне: «вот, Сергей Юльевич, вы всегда шутите»; на что я ему ответил: «Я, Алексей Николаевич, не шучу, ибо я убежден, что в том двоевластии, которое обнаружится со дня вашего приезда, заключается залог всех наших военных неуспехов». Куропаткин, уходя, заметил: «А вы правы» [1]).

По приезде в Мукден Куропаткин, конечно, не только не последовал совету Витте, но не выполнил своего собственного плана и начал проводить «двойственный план: смесь своего с планом или, вернее, мыслями Алексеева, ибо у последнего никакого плана не могло быть, да и мыслей своих не было, а было то, что казалось ему, что будет приятно Государю, а ведь тогда еще сохранились все остатки сумасбродных мыслей Безобразова и К°, и Государь не мог отойти от того, что Ему сими дельцами было внушено».

Куропаткин телеграфировал в Петербург одно, Алексеев—другое, но Куропаткин все-таки не хотел открытого разрыва с Алексеевым и потому шел на полумеры, а Алексеев прикрывался высочайшими повелениями, им самим внушенными.

«Мне Куропаткин после войны говорил, что у него есть телеграммы из Петербурга, которые могли бы представить в истинном свете неудачи первой части кампании. Вероятно, когда-нибудь они появятся на свет.

«Государь также желал в душе наступления, но, по обыкновению, двоился: сегодня—направо, завтра—налево, а главное, желал, как всегда, обоих провести. Проводил же Он всегда больше всего Самого Себя. Я не знаю подробностей первой части кампании, покуда Алексеев не был вызван в Петер-

---

[1]) Т. I, стр. 265, из стенографической записи.

бург, и Куропаткин не был назначен главнокомандующим, но могу безошибочно утверждать, что первая часть кампании разыгралась бы совершенно иначе, если бы не было этой двойственности; она была бы более для нас благоприятной. А неудача вначале, несомненно, имела влияние на вторую часть действий.

«Затем Куропаткин мне говорил, также в оправдание свое, что ему назначили бездарных генералов помимо его воли и вмешивались все время из Петербурга. На эти сетования я ему ответил, что во всем он сам виноват, так как не исполнил моего совета, данного ему, когда он уезжал в армию. Если бы он сумел себя сразу поставить так, чтобы никто не вмешивался, и его слушались, то ему не пришлось бы ссылаться на других. Если же это ему было невозможно, что я совершенно понимаю, зная характер Государя, то ему следовало уйти» [1].

Совершенно понятно, что преступно и легкомысленно начатая, легкомысленно веденная война не могла кончиться иначе, чем позором для России.

Обратимся теперь к одному событию, конечно, не только гораздо менее важному, чем японская война, но вообще имеющему значение не более чем скоропреходящего эпизода, окончившегося для нас сравнительно благополучно; но его интерес для нас состоит в том, что оно чрезвычайно характерно для способа ведения при Николае иностранной политики и лично для императора Николая II. Это событие — Биоркский договор.

10—11 июля (по ст. ст.) 1905 года, т.-е. как раз перед самым началом мирных переговоров между Россией и Японией (первая встреча уполномоченных произошла 25 июля н. ст.), произошла встреча императоров Николая II и Вильгельма II в шхерах Финляндского залива, около Биорке. Оффициально о свидании не сообщалось ничего, оффициозно дело представлялось таким образом, что встреча произошла почти случайно, так как Вильгельм, прогуливаясь на яхте ради летнего отдыха, не удержался от соблазна заехать в русские воды, чтобы повидаться с своим старым другом, императором Николаем, и свидание было исключительно личным и дружественным. Это подтверждалось тем, что ни при Вильгельме, ни при Николае не было ответственных руководителей их иностранной политики, а при Николае был морской министр Бирилев, т.-е. человек, по своей профессии далекий от иностранной политики. Тем не менее пресса, особенно французская, не вполне доверяла этому об'яснению

[1]) Т. I, стр. 266, из собственноручной записи.

и искала его скрытый политический смысл, но все ее предположения были далеки от истины. Позднее сделалось коечто известным, но только теперь Витте раскрывает тайну биоркского свидания во всей ее ужасающей полноте.

В Биорке был заключен очень важный политический договор, и вот как это случилось или, лучше сказать, как об этом узнал Витте.

Находясь в Америке, где он вел переговоры с японцами, он не знал о свидании в Биорке ничего, кроме того, что читал в газетах. Не больше узнал он и на возвратном пути домой, пока не представился императору Вильгельму. Вильгельм сообщил ему о заключении договора, но также его не показал, а сообщил о нем только в самых общих и притом неверных чертах, — будто речь шла о договоре, долженствовавшем быть первым шагом на пути к русско-франко-германскому союзу, идее которого Витте сочувствовал. По приезде в Петербург 16 сентября (по ст. ст.) он был у Ламсдорфа, и оказалось, что министр иностранных дел тоже ничего основательно о договоре не знает. Потом Витте был у царя, вел с ним беседу между прочим о том же договоре; беседа эта была построена на недоразумении, и царь не только не рассеял его, но укрепил Витте в его неверном представлении о договоре.

Через несколько времени Витте еще раз виделся с Ламсдорфом. Ламсдорф спросил его:

— «Да читали ли вы соглашение в Биорках?

— «Нет, не читал.

— «Вильгельм и Государь не давали вам его прочесть?

— «Нет, не давали, да и вы, когда я приехал в Петербург и был у вас ранее, чем явиться к Государю, также мне не дали его прочесть.

«На это граф ответил следующее:

— «Я не дал, потому что не знал о его существовании; о нем в эти три месяца мне никто не сказал ни одного слова, и только теперь Государь мне его передал. Прочтите, что за прелесть!—

«Граф Ламсдорф был весьма взволнован. Я взял и прочел это соглашение. Вот в чем оно заключалось.

«Германия и Россия обязуются защищать друг друга в случае войны с какой-либо европейской державой (значит, и с Францией). Россия обязуется принять все от нее зависящие меры, чтобы к этому союзу с Германией привлечь и Францию (но покуда это не совершится, или если это достигнуто не будет, все-таки союз России с Германией имеет полную силу). Договор вступает в силу со времени заключения мира с Японией, т.-е. со времени ратификации Порт-

смутского договора (значит, если война с Японией будет продолжаться—отлично, а если прекратится, Россия втягивается в этот договор). Договор подписан императорами Николаем и Вильгельмом и контрассигнован германским сановником, бывшим с Вильгельмом в Биорках (не разобрал фамилию), а с нашей стороны морским министром Бирилевым».

«Прочитавши этот договор, я сказал графу Ламсдорфу:

— «Да это—прямой подвох, не говоря о неэквивалентности договора. Ведь такой договор бесчестен по отношению к Франции, ведь по одному этому он невозможен. Неужели все это сотворено без вас, и до последних дней вы не знали об этом? Разве государю неизвестен наш договор с Францией?

— «Как неизвестен! Отлично известен. Государь, может быть, его забыл, а, вероятнее всего, не сообразил сути дела в тумане, напущенном Вильгельмом. Я же об договоре ничего не знал и совершенно добросовестно телеграфировал вам в Париж, когда вы ехали в Америку, что свидание в Биорках не имеет никакого политического значения.

— «Необходимо,—ответил я графу Ламсдорфу,—во что бы то ни стало уничтожить этот договор, хотя бы пришлось замедлить ратификацией Портсмутского договора—это ваш долг.

«На это граф мне ответил:

— «Если государь на это согласится, то, конечно, это сделать необходимо».

В конце концов договор удалось уничтожить, причем этому сильно содействовал вел. кн. Николай Николаевич.

И затем эпилог:

«Затем я видел Бирилева и спросил его:

— «Вы знаете, что́ вы подписали в Биорках?

— «Нет, не знаю. Я не отрицаю, что подписал какую-то бумагу, весьма важную, но что в ней заключается, не знаю. Вот как было дело: призывает меня Государь в свою каюту-кабинет и говорит: вы мне верите, Алексей Алексеевич?—После моего ответа он прибавил: — Ну, в таком случае подпишите эту бумагу. Вы видите, она подписана Мной и Германским Императором и скреплена от Германии лицом, на сие имеющим право. Германский Император желает, чтобы она была скреплена одним из моих министров.— Тогда я взял и подписал» [1]).

Итак, беда пронеслась мимо, и все несчастие ограничилось дипломатическими затруднениями и несколькими дру-

[1]) Т. I, стр. 426, из собственноручной записи.

гими, второстепенными по значению, неприятностями. Немало других событий, оказавшихся для России гораздо более гибельными, рассказывает Витте в своих «Воспоминаниях»,—хотя бы событий, подготовивших и сделавших неизбежной японскую войну. Но по яркости того света, который бросает оно на весь государственный строй России, по своей обнаженности, история Биоркского договора едва ли не превосходит все остальное.

В самом деле, правитель громадного государства едет на свидание с правителем другого государства, отношения с которым весьма сложные и, во всяком случае, не безусловно дружественные. Едет на свидание, сам, повидимому, считая его просто дружеской встречей; таковою, во всяком случае, считают его собственные министры, и министр иностранных дел в том числе. Там, среди дружеских разговоров, этот второй правитель подсовывает первому бумагу неизмеримого государственного значения, могущую впутать его страну в ужаснейшую войну, бумагу, которою он совершал низкую измену своему союзнику, — и этот подписывает ее, не вчитавшись в нее, ни с кем не посоветовавшись, не отдавая себе отчета в ее значении, даже, повидимому, искренно ошибаясь в этом значении. А между тем бумага написана совершенно ясно, и вовсе нет надобности в какой-нибудь исключительной силе ума, чтобы ее понять. К этому еще один добавочный штрих: министр, т.-е. лицо, которому вверено управление целою важной отраслью государственного хозяйства, из угодничества своему властелину скрепляет своею подписью документ, не прочитав его.

А властелин, повидимому, все-таки чувствуя, что дело неладно, как напроказивший ребенок, скрывает этот документ от своего министра иностранных дел, т.-е. от лица, которому первому надлежало бы о нем иметь самые точные, самые определенные сведения,—лица, на котором, во всяком случае, лежит за него перед современниками и перед историей ответственность. И это лицо даже не проявляет особой настойчивости, чтобы ознакомиться с ним, и добросовестно телеграфирует о нем ложные сведения.

Да, Россией управляли или дети, облеченные неизмеримой властью, или люди, которые, по своекорыстным соображениям, потакали всем слабостям этих детей, разыгрывая на них желательные им мелодии.

Мы видим монарха, неспособного, неумного, необразованного, слабого и податливого на все дурные влияния, тщеславного, мелочного, упрямого, мстительного, не прощающего не только обид, но не прощающего другим своих

собственных слабостей и ошибок. Мы видели окружающую его среду,—его родных и фаворитов. Мы видели, как и кто делает при нем карьеру, как и кто получает в свои руки власть. Мы видели, какие нравы царят наверху. Мы видели, как легкомысленно и преступно затеваются авантюры, приводящие к войне; как заключаются преступные международные договоры и соглашения, как безнаказанно сходят с рук преступления вроде тех, которые привели к Ходынской катастрофе, как расхищаются государственные деньги, и т. д., и т. д.

Конечно, я не исчерпал и небольшой доли богатейшего содержания книги Витте,—это невозможно в тесных пределах небольшой брошюры,—но и то, что я взял из нее, в достаточной мере показывает, как гнил был российский государственный строй, уже обреченный историей на слом.

ГЛАВА III.

Витте, как председатель первого русского кабинета.

История премьерства Витте—один из важнейших и интереснейших моментов в его государственной деятельности, и потому посвященная ему глава мемуаров представляет особенную ценность как для личной биографии их автора, так и для общей истории России. Между прочим, Витте дает в ней об'яснение своему политическому союзу с таким крайним реакционером, как П. Н. Дурново,—союзу, оказавшемуся роковым и лично для Витте, и для новорожденного русского конституционализма. Но об'яснение это, как мы сейчас увидим, едва ли может быть признано достаточным.

Поручая Витте после 17 октября 1905 г. составление первого конституционного кабинета, император Николай II уверял его в своем полном к нему доверии. «Я, однако, говорит Витте, не делал себе иллюзий относительно характера моего монарха, я знал, что, лишенный силы воли и не преследующий истинных государственных целей, он является игрушкой всяких дурных влияний, и что поэтому его личные особенности могут только затруднять и без того трудное положение. Я ясно видел, что будущее готовит мне немало горьких испытаний, и что в конце концов мне придется расстаться с Его Величеством, не исполнив, возложенной на меня задачи. История моего краткого премьерства (20 октября 1905—20 апреля 1906) вполне оправдала мои предчувствия».

«Я был у руля вопреки моему собственному желанию. Его Величество был принужден обратиться ко мне по той простой причине, что его фавориты, как Горемыкин, граф Игнатьев и генерал Трепов, были напуганы террористами и запутались в хаосе различных друг друга исключающих мероприятий, за которые они целиком ответственны».

Первою задачею Витте было, конечно, подобрать состав людей для первого кабинета. Кто из министров того времени мог войти в него? Само собою разумеется нельзя было оставить на его посту Победоносцева,—«он слишком ярко воплощал в себе прошлое и был несовместим с духом времени».

«На его место я рекомендовал А. Д. Оболенского, и Е. В. согласился». Не могли остаться и генерал Глазов, «который занимал свой пост (министра нар. просв.) просто по самодержавному недоразумению, и мин. вн. дел Булыгин» [1]).

«Портфель просвещения я предложил проф. Таганцеву, хорошо известному в ученом мире криминалисту, члену Гос. Совета, человеку умеренно-либеральных взглядов. Профессор об'явил мне, что он чувствует себя недостаточно здоровым, и потребовал дня на размышление. В эти дни многие чувствовали себя нездоровыми... На следующий день Таганцев пришел ко мне вместе с Посниковым, которому я предлагал пост тов. министра нар. просвещения. Профессор был, видимо, очень возбужден и заявил мне, что он не может принять моего предложения, а когда я попробовал убедить его, он схватился руками за голову и выбежал из моего кабинета, с криком: не могу, не могу! Я последовал за ним, но он схватил пальто и шляпу и убежал. В эти бурные дни страх получить пулю или бомбу многих удерживал от принятия министерского портфеля» [2]).

Тогда Витте обратился к вице-президенту Академии Художеств, гр. Ив. Ив. Толстому, и Толстой, хотя и неохотно,

---

[1]) Я уже сказал выше, что моя книжка написана до получения в Петербурге 2 тома русского издания Воспоминаний Витте, и недостававшее я брал из английского их перевода. В двух предыдущих главах я в корректуре исправил по русскому изданию 2 тома в с е цитаты, первоначально переведенные мною с английского, (конечно, кроме, тех случаев, когда это оказалось невозможным вследствие отсутствия в нем соответственных мест). Что же касается этой 3-й главы, то число таких цитат в ней особенно значительно, так как она была составлена почти исключительно по английскому изданию и исправить их в с е было бы очень затруднительно: дело в том, что при нынешних условиях типографского дела правка корректуры обходится очень дорого, и исправление всех цитат значительно удорожило бы издание, а следовательно и книгу.

Поэтому здесь я исправил только те цитаты, которые в моем обратном переводе с английского оказались слишком далекими от подлинника по содержанию или по форме; те же, которые можно было сохранить, не искажая смысла «Воспоминаний» или не изменяя слишком сильно их колорита, я оставлял без изменения. Однако все ссылки на страницы я сделал по русскому изданию, и притом везде отметил, восстановлена ли она по русскому подлиннику («русск.») или же оставлена в первоначальном обратном переводе («англ.»). Приведенные места в русск. изд. находятся во II т., стр. 49—50, из собственнор. записи (англ.).

[2]) Т. II, стр. 58—59 (англ.).

но принял предложенный ему пост, считая непатриотичным в такие минуты отказываться от ответственной работы.

«Вслед затем я должен был выбрать министра внутренних дел.

«Перед октябрьской революцией Петр Николаевич Дурново, тогда тов. министра вн. дел, не раз намекал мне по разным поводам, что он один из высших должностных лиц подходит для поста министра. Его опытность в самом деле была значительна». Морской офицер в молодости, он побывал тов. прокурора и директором департамента полиции. «Я мало знаком с его деятельностью в этой последней должности, но причина его отставки, конечно, не осталась мне неизвестной», говорит Витте, и затем рассказывает громкую историю, о которой в свое время широко ходили различные слухи. Вот она в изложении Витте.

Дурново, склонный к романическим похождениям, широко пользовался своею властью директора департамента полиции для своих личных целей. Подозревая в неверности одну даму, с которой он был в связи, он при помощи своих агентов выкрал из стола испанского посла письма этой дамы, которые она ему писала. Затем последовала бурная сцена ревности между Дурново и дамой, а за нею примирение. Для дамы дело этим и кончилось, но для Дурново оно обошлось дороже. Испанский посол, конечно, пожаловался императору Александру III. Александр III, человек очень строгих нравов, пришел в негодование и написал резолюцию, обозвавши Дурново соответствующим эпитетом», на который Витте стыдливо набрасывает покров, не сообщая его читателям [1]), после чего Дурново должен был уйти (1893). Ив. Ник. Дурново (не родственник Петра Ник. Дурново), тогда министр внутрен. дел., еле-еле убедил императора назначить П. Н. Дурново сенатором.

Однажды Дурново в бытность свою сенатором проигрался на бирже. Он явился к Витте (тогда—министру финансов), который до тех пор лично его не знал, и прямо обратился к нему с просьбой покрыть его проигрыш—60.000 р.—из казенных сумм. Витте отказал.

На следующий день после этого разговора, Сипягин, незадолго перед тем назначенный министром внут. д., сообщил

---

[1]) По ходившим тогда слухам, Александр III написал на докладе о Дурново: «убрать эту свинью в 24 часа». Версия Витте отличается от ходившей тогда по Петербургу только тем, что по этой последней лицом, замешанным в историю, был бразильский посланник, а Витте делает им испанского посла. В печати эта история была (не полно) изложена в некрологе Дурново в «Русском Слове» 12 сентября 1915 г. Там было названо и имя дамы (балерина Евреинова).

Витте, что он хочет сделать Дурново своим товарищем, и просил Витте высказать о нем свое мнение. Витте отозвался о Дурново, как о человеке, хорошо знакомом с делами министерства внутр. д. и вообще как о подходящем для поста товарища министра, только ему не следует поручать полицию и «вообще такие дела, в которых есть вещи неконтролируемые, делаемые не на белом свете.—Это я знаю», ответил Сипягин. О проигрыше не было речи, но позднее Сипягин рассказал Витте, что он покрыл его из сумм министерства. П. Н. Дурново были поручены почта и телеграф, и он, оставаясь товарищем при четырех сменявшихся министрах (Сипягине, Плеве, Святополк-Мирском и Булыгине) ведал только их, причем широко перлюстрировал корреспонденцию, почему «знал многое, чего другие не знали» [1]).

Что же побудило Витте обратить на него свое внимание? А вот что:

В качестве сенатора Дурново высказывал разумно либеральные идеи... Его деятельность в качестве тов. министра была удовлетворительна, взгляды, выражавшиеся им, были здравы и либеральны. Об либерализме Дурново Витте еще решительнее говорит и в другом месте своих «Воспоминаний», именно там, где он описывает «канун 17-го октября». В начале октября Дурново говорил графу Витте, что главная причина происходящего развала заключается в Трепове, и что если Трепов не уйдет, то мы доживем до величайших ужасов; что единственный выход из создавшегося положения вещей заключается в широких либеральных преобразованиях и в уничтожении исключительных положений.

Таким образом, общее политическое направление Дурново не являлось препятствием к занятию им поста в министерстве Витте. Между тем манифест 17 октября не успокоил Россию; «смута» продолжалась, революционные партии продолжали свою деятельность. Такое положение вещей требовало со стороны министра внутр. д. большой опытности в делах полиции,—а ее-то и не было у других кандидатов на пост министра. Сам Витте некоторое время колебался в выборе между Урусовым и Дурново, но, убедившись, что первый не удовлетворяет этому условию, решительно отверг его. Государь «к назначению Дурново отнесся довольно отрицательно», Трепов тоже «недоброжелательно».

В тот же вечер на совещании с общественными деятелями Д. Шиповым, Гучковым и кн. Е. Трубецким Витте услыхал от них, что ни один из них ни в каком случае не войдет в кабинет, в котором будет Дурново.

---

[1]) Т. II, стр. 64—66 и 37, из собственноручной записи (русск.).

Очевидно, общественные деятели, возражая против Дурново, исходили из совершенно других соображений, чем царь и Трепов: в последних возбуждало сомнение сенатское либеральничане Дурново, тогда как Трубецкой, Шипов и Гучков помнили Дурново, как директора департамента полиции, не верили в его либерализм и считали его слишком ярким реакционером (каким он и оказался в действительности). Но возражения общественных деятелей не поколебали Витте,—напротив, антипатия Трепова к Дурново решила выбор Витте в пользу последнего. Но надо было сломить сопротивление императора. Это удалось, но не вполне: Дурново сперва был назначен только «управляющим министерством» и членом Государственного Совета; последнее по рекомендации Витте [1]).

Назначение Дурново было одною из величайших ошибок, которые я совершил,—сознается Витте. Лишь только Дурново осмотрелся и ознакомился с положением вещей и узнал, что император смотрит на меня, как на неизбежное зло, и был бы рад отделаться от меня, как он решил, что лучше быть «persona gratissima» в Царском Селе, чем у меня. А чтобы понравиться царю, надо было понравиться Трепову и вел. кн. Николаю Николаевичу. Дурново этого легко добился, после чего имел частые и весьма продолжительные аудиенции у императора, о которых он не считал нужным ничего сообщать Витте. В январе 1906 года Дурново был назначен уже министром. Позднее, когда он принужден был выйти в отставку вместе со всем кабинетом, император пожаловал ему 200.000 р., «конечно—из сумм государственного казначейства», ехидно замечает Витте [2]).

Портфель торговли Витте вручил Тимирязеву, хотя был невысокого о нем мнения. Это оказался не очень счастливый выбор. Его пришлось уволить вследствие скандальной истории, в которой был замешан священник Гапон и некто Матюшенский, которые получили от Тимирязева 30.000 руб. на восстановление гапоновских организаций и затем растратили эти деньги. «Когда он оставил кабинет, то я узнал, что он чуть ли не ежедневно принимал сотрудников радикальных газет, говорил с ними о деятельности правительства и прикидывался ультралибералом. Дальнейшая его карьера показала, что его либерализм был ничто иное, как маска» [3]).

Прежде, чем приступить к составлению кабинета, «я,—говорит Витте,—решил пригласить на совещание некоторых

---

[1]) Т. I, стр. 499; т. II, стр. 92—96, из собственноруч. зап. (русск.).
[2]) Т. II, стр. 66 и 96—97 из собственноруч. зап. (англ.).
[3]) Т. II, стр. 104—106, 165—170, из собственноручн. зап. (англ.).

общественных деятелей», а именно Д. Н. Шипова, А. И. Гучкова, М. А. Стаховича, кн. С. Д. Урусова, кн. Е. Трубецкого», причем Витте предварительно получил полномочие (очевидно, от императора) предложить им несколько портфелей, если найдет, что их престиж может помочь справиться со смутой. Но когда перед Витте стала дилемма: или эти общественные деятели, или Дурново,—то Витте бесповоротно решил в пользу последнего. Только один Урусов согласился взять пост товарища Дурново.

«Таким образом,—резюмирует гр. Витте свой рассказ об образовании кабинета,—в течение нескольких недель я оказался не в состоянии сформировать кабинет, который был бы согласован с принципами конституционного манифеста».

Через две недели после назначения Витте, Д. Ф. Трепов, тогда занимавший сразу три важных должности (петербургского генерал-губернатора, командующего петербургским гарнизоном и товарища министра вн. дел), фактически бывший диктатором Петербурга, а пожалуй и всей России, подал ему прошение об отставке. Витте с радостью принял ее и по телефону поспешил его уведомить об этом. На следующий же день Витте узнал, что Трепов назначен дворцовым комендантом.

Политическое значение Трепова от этого перемещения на совершенно не политический пост не только не уменьшилось, но едва ли не увеличилось, и радость Витте оказалась преждевременной: именно Трепов сильно затруднял для него исполнение его обязанностей и в конце концов свалил его.

В должности коменданта Трепов был одновременно и «безответственным диктатором, и азиатским евнухом, денно и нощно состоящим при особе своего властелина. Человек решительного и военного характера, он оказывал подавляющее влияние на слабовольного императора. В руках Трепова была личная безопасность Е. В., так как от него зависела и открытая, и тайная охрана его особы. Во всякое время он мог давать советы Е. В., и он являлся посредником между царем и авторами различных конфиденциальных записок и секретных докладов, адресовавшихся императору. От него зависело—скрыть такой документ или обратить на него особое внимание царя. Совершенно естественно, что люди, старающиеся сделать карьеру не посредством своих заслуг, а в гостинных и будуарах, искали опоры в Трепове, и совершенно естественно придворная клика выбрала Трепова орудием реакции. Влияние Трепова было гораздо сильнее моего. В самом деле, тогда власть правительства была сильно ослаблена, причем, однако, именно я

должен был нести всю ответственность, а он управлять при помощи Дурново. Это и было причиной того, что я оставил свой пост за несколько дней до открытия Думы» [1]).

Далее Витте рассказывает несколько эпизодов из времени его министерства, ярко характеризующих закулисную роль Трепова.

В начале 1906 г. Лопухин, бывший при Плеве директором департамента полиции, сообщил Витте, что в этом департаменте имеется особое отделение с капитаном Комиссаровым во главе, которое печатает и массами распространяет погромные прокламации, что за деятельностью этой организации наблюдает Рачковский, а основана она при участии Трепова. Лопухин представил Витте и самые прокламации. Комиссаров, которого Витте вызвал к себе, сознался, но выгораживал Трепова и Рачковского, беря все на свою личную ответственность. Витте взял с него слово, что он уничтожит все уже напечатанные прокламации и откажется от дальнейшего их печатания.

Когда Витте докладывал эту историю царю, то царь упорно молчал, хотя, повидимому, был знаком с делом во всех его подробностях. В заключение Витте просил царя не наказывать за это Комиссарова, на что царь ответил, что он и не собирался делать этого, в виду особых заслуг капитана по добыванию секретных военных документов во время японской войны [2]).

Другой эпизод не менее характерен, хотя и в другом отношении. В конце 1905 года Трепов сказал Витте, что было бы желательно устроить в государственном банке заем одному офицеру, Скалону, зятю Хомякова (председателя третьей Думы), а между тем государственный банк отказывает в этом на том основании, что подобный заем противоречит его уставу. В ответ на это Витте об'яснил Трепову, что прежде заем можно было бы устроить по личному повелению государя императора, но теперь это не соответствует духу манифеста 17 октября. Через несколько дней Николай II приказал И. П. Шипову, министру финансов в кабинете Витте, выдать Скалону 2 миллиона рублей, причем запретил говорить об этом Витте; Шипов, однако, не исполнил этого последнего приказания, а Витте обещал Шипову не выдавать его. Шипов написал императору, что устав банка не дает оснований для подобных займов. Император вернул ему его доклад с надписью: «исполните мое повеление». Шипов исполнил, но все-таки дорого заплатил

---

[1]) Т. II, стр. 70—77, из собственноручн. зап. (англ.).
[2]) Т. II, 73—75, из собственнор. зап.

за свои колебания: при отставке он не получил никакого назначения. Что касается займа, то, прибавляет Витте, он не погашен до сих пор [1].

Когда Витте вступил в управление, то в придворных кругах господствовал страх перед революцией.

Сам Трепов был запуган и через несколько дней после своего знаменитого приказа «патронов не жалеть» настаивал на самой широкой амнистии и на радикальной земельной реформе, не останавливаясь перед принудительным отчуждением значительной части помещичьих земель. «Я сам, говорил он,—землевладелец, и я охотно отдам половину своей земли, чтобы спокойно владеть другою». Под влиянием страха Трепов доставил царю проект аграрной реформы, составленный проф. Мигулиным, по словам Витте, весьма радикальный и весьма легкомысленный, и царь желал осуществления этого проекта; совет министров, однако, его забраковал, как неудовлетворительный. Через несколько недель волна народного возбуждения начала спадать, революция пошла на убыль, и когда Н. Н. Кутлер (главноуправляющий землеустройством в кабинете Витте) разработал другой проект земельной реформы, тоже построенный на принудительном отчуждении земель, и внес его на рассмотрение совета министров, то тому же Трепову и, под его влиянием, царю это показалось настолько революционным, что Кутлер был немедленно уволен в отставку без назначения в Государственный Совет или даже сенат [2].

На место Кутлера царь желал назначить Кривошеина, так же, как на место ушедшего Тимирязева—Рухлова, но Витте в письме к царю, которое он приводит целиком, решительно воспротивился обоим кандидатурам, говоря, что «сотрудничество с этими лицами» для него невозможно, что их назначение затруднит деятельность совета министров и увеличит трудность его положения, и просил сохранить единство кабинета. Царь на этот раз уступил.

Одною из первых законодательных задач, возложенных на министерство Витте самым манифестом 17 октября, была выработка нового избирательного закона в Государственную Думу, долженствовавшего заменить булыгинский закон 6 августа того же 1905 г., сметенный революцией. О выработке этого, так же, как и других важнейших законопроектов, Витте рассказывает следующее (передаю его рассказ с сохранением всех его неточностей и неверностей, на которые укажу дальше).

---

[1]) Т. II, 98—99, из собственнор. зап.
[2]) Т. II, 172—177, из собственнор. зап. (англ.).

На рассмотрении совета министров были два проекта избирательного закона: один, выработанный в Москве группой общественных деятелей—Д. Н. Шиповым, А. И. Гучковым, Е. Н. Трубецким и другими, и другой, выработанный, под непосредственным руководством и по указаниям самого графа Витте, чиновником министерства вн. дел С. Е. Крыжановским, вырабатывавшим также проект Булыгинской Думы. Первый проект был построен на всеобщности, «этом идеале кадетов», как его называет Витте, и двухстепенности, второй—на тех же принципах, что и Булыгинский проект 6 авг., (т.-е. на принципах курий и ценза), только несколько расширенных. Совет министров, на заседание которого были приглашены и авторы первого проекта, значительным большинством голосов высказался за второй проект, только частично видоизменив его. Затем он был передан императору, который некоторое время колебался, не будучи в состоянии сделать решительный выбор между всеобщими выборами и выборами куриальными.

В Царском Селе было созвано особое совещание, на которое кроме министров были приглашены и многие другие лица, в том числе Гучков и Шипов, и на нем (на трех заседаниях, 5, 7, 9 декабря 1906 г.) под председательством самого императора оба проекта были подвергнуты новому обсуждению. После первого заседания император еще колебался; в промежутке между первым и вторым Витте имел случай говорить с императрицей и сказал ей, «что государь сделает ошибку, согласившись на крайний проект». Это был единственный случай, когда я по делу, касающемуся государства, прибег к влиянию Ее Величества», говорит Витте [1]). На следующем заседании государь высказался уже за проект Витте, который, хотя и с поправками, был принят, 11 декабря утвержден государем и стал законом, на основе которого были выбраны Первая и Вторая Думы [2]).

Что касается основных законов, то, по словам Витте, весьма радикальный проект таковых был выработан особой комиссией знаменитого с'езда земских и городских деятелей. Он был построен на «четыреххвостке и с приведением власти Государя к власти главы Швейцарской (даже не Французской) республики» [3]).

---

[1]) Если не через императрицу Александру, то через вдовствующую императрицу Марию Феодоровну, Витте пытался действовать еще один раз, именно, он через нее старался удержать ее сына от вызывающей политики по отношению к Японии,—но неудачно. Т. I, стр. 258.

[2]) Т. II, 111—113, из собственнор. зап. (русск.).

[3]) Т. II, стр. 257, из собственнор. зап. (русск.).

Но этот проект на обсуждении правительственных учреждений не был, и Витте упоминает о нем только мимоходом. В первые месяцы своего управления ни Витте, ни совет министров не думали о пересмотре основных законов. Инициатива этого дела принадлежала императору или, скорее, Трепову. По приказу императора, проект таковых был выработан, независимо от совета министров и даже без его ведома, государственным секретарем Икскулем и его товарищем Харитоновым, а затем на графа Сольского было возложено рассмотрение этого проекта в особой комиссии. Сольский приглашал в нее и Витте, но он категорически отказался, так как «его участие в комиссии, по его словам, даст основание потомству возложить на него ответственность за недостатки проекта, неизбежные при таком способе его выработки»; гораздо правильнее было бы возложить ее на совет министров. Тем не менее Сольский составил, как говорит Витте, аристократически-бюрократическую комиссию и в ней подверг пересмотру винегрет конституционных законов, состряпанный Икскулем. Только тогда перешел этот проект в совет министров, и ему во второй раз пришлось заняться проектом, «который делал власть императора не только гораздо слабее, чем власть микадо, но слабее, чем власть президента Французской республики, а в некоторых отношениях даже чем власть президента Швейцарской республики. Связанная подобными законами империя и ее правительство были бы отданы на милость оголтелых людей, которые в таком большом числе вошли в Первую Думу. Кого иного, в конце-концов, осуждали бы за подобный результат, как не Витте?»

Витте, который в начале своего премьерства вовсе не думал об издании основных законов, теперь возмущался не тем, что предполагается выработать таковые до Думы, а только самым содержанием имевшегося налицо проекта, да еще способом его первоначальной выработки за спиной совета министров. Что же касается самого факта издания основных законов без Думы, хотя манифестом было возвещено участие народного представительства в законодательной деятельности, то «для меня, говорит Витте, было ясно, что если основные законы не будут опубликованы до созыва Думы, то ими займется Дума, которая таким образом обратится в Учредительное Собрание; этим она вызовет необходимость применения против себя военной силы и гибель нового режима. Будет ли это к лучшему? Да, если явится новый Петр Великий. Не веря в такое чудо, я считал необходимым выработку и опубликование основных законов до открытия Думы. Члены совета министров соглашались со

мною, кроме А. Д. Оболенского, который в это время, как сумасшедший, метался между крайним либерализмом и крайним консерватизмом. Теперь он настаивал на том, что основные законы должна выработать Государственная Дума, но я, равно, как и другие члены совета министров, не принимали его всерьез».

В совете министров проект подвергся очень значительному изменению в смысле сокращения прав народного представительства и расширения прерогатив монарха, причем инициатива этих изменений принадлежала самому Витте. Он с самого начала обратился к министру иностран. дел Ламсдорфу, военному и морскому министрам Редигеру и Бирилеву с вопросом, не имеют ли они возражений против тех статей проекта, которые специально касаются их министерств, и очень удивился, когда от всех трех услышал отрицательный ответ. Между тем, проект предоставлял Думе право контроля над ведением иностранной политики, над управлением армией и флотом. Только когда граф Витте обратил их внимание на эту сторону дела, они также заговорили о необходимости включить в основные законы постановления о том, что государь император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского государства, что он есть единственный державный вождь армии и флота, и сохранить за Думой право касаться этих сторон правительственной деятельности только с финансовой точки зрения, т.-е. в связи с бюджетом, ибо предоставление Думе таких прав в этих областях привело бы к тому, что Россия потеряла бы свое место в ряду великих держав. Необходимо также выделить из области ведения Думы мероприятия и постановления, принимаемые в порядке верховного управления.

Были включены еще некоторые постановления того же рода, и пересмотренный и измененный таким образом проект основных законов 20 марта 1906 г. был передан государю императору.

Опять было созвано в Царском Селе особое совещание под председательством самого царя, которое и рассмотрело проект совета министров. На этом совещании не раз возникали очень горячие прения, так, напр., когда вел. князь Николай Николаевич потребовал, чтобы Думе было запрещено обсуждать ежегодный контингент рекрутов. Ему очень решительно возражал вел. кн. Владимир Александрович, который говорил, что военный набор так сильно затраги-

---

[1]) Точнее говоря, стало ясно только в начале 1906 года, так как в конце 1905 г. Витте об издании основных законов не думал.

вает интересы населения, что в этой области нельзя пренебрегать желанием его представителей; если мы не верим в лойяльность русского народа, то незачем созывать Думу, а если мы в нее верим, то не можем лишать ее естественного права. Под влиянием этой речи Владимира Александровича его величество не поддержал Николая Николаевича.

Острое разногласие мнений произошло также на совещании, как раньше в совете министров, по вопросу о несменяемости судей. Министр юстиции Акимов [1]) и Витте защищали сменяемость судей, гр. Пален, «очевидно, забыв, как он в бытность свою министром (при Александре II) обходил закон о несменяемости судей, заменяя вакансии исправляющими должность», и Горемыкин «горячо защищали несменяемость». Его величество согласился с их мнением, хотя за него высказалось лишь меньшинство членов совещания. А что теперь, в эпоху Столыпина и Щегловитова, осталось от этой несменяемости?—спрашивает Витте.

Еще одно важное столкновение мнений отмечает Витте, а именно, по вопросу о неприкосновенности собственности. Здесь партии спорящих были несколько иные: Витте отстаивал необходимость принудительного отчуждения помещичьих земель (конечно, за выкуп) в пользу крестьян, тогда как Горемыкин требовал включения в основные законы статьи о неприкосновенности частной собственности и о допустимости ее отчуждения только для нужд государства. На этот раз государь согласился с мнением Витте, и статья осталась в основных законах в редакции совета министров.

14 апреля Витте подал прошение об отставке, но, оставаясь еще более недели во главе правительства, употреблял все усилия, чтобы побудить царя подписать и распубликовать основные законы; однако, это не было сделано вплоть до 27 апреля, дня открытия Думы. Это странное промедление об'яснилось для самого Витте только через несколько лет, когда Витте узнал от Влад. Ив. Ковалевского (бывшего товарища Витте, когда тот был министром финансов) следующее: «Как только совет министров представил проект основных законов его величеству, он, конечно, сделался известным ген. Трепову, который и познакомил с ним В. И. Ковалевского, прося Ковалевского, обсудить этот проект и представить свои соображения; Ковалевский пригласил к обсуждению Муромцева (кадет, Председатель

[1]) Акимов занял место Манухина 16 декабря 1905 г. и усилил собою реакционный фланг совета министров.

Первой Думы), Милюкова и И. В. Гессена (оба кадеты) и М. М. Ковалевского (культурный, образованный, либеральный ученый и теперешний член Госуд. Совета). Они составили записку, которая В. И. Ковалевским была передана ген. Трепову 18 апреля, значит, тогда же была представлена его величеству.

«Записка начинается так: «Выработанный советом министров проект основных законов производит самое грустное впечатление. Под видом сохранения прерогатив Верховной власти, составители проекта стремились сохранить существенную безответственность и произвол министров»—и т. д. в этом роде.

«Затем в записке говорится: «Во избежание коренной переработки проекта, он принят в основание и затем в него введены частью более или менее существенные, частью редакционные изменения».

«Далее следуют все предлагаемые изменения, сводящие власть государя к власти господина Фальера и вводящие парламентаризм, не говоря о крайне либеральном и легковесном решении целого ряда капитальнейших вопросов русской исторической жизни. Эта записка, повидимому, поколебала Его Величество, и Он не утверждал основных законов».

27 апреля, в самый день открытия Думы, государь утвердил законы, но все-таки введя в них некоторые изменения в желательном для авторов записки духе [1]).

Сравнительно мало говорит Витте о выработке других важных законоположений, как учреждение Государственного Совета, учреждение Государственной Думы и бюджетные правила 8 марта. В изложении истории первого он делает странную, совершенно непонятную ошибку, говоря о том, что первоначально предполагалось ввести общий 9-летний срок для всех выборных членов Совета, но потом для членов по выборам от земств (и только для них одних) срок был понижен до 3 лет. Сделано это было по предложению обер-прокурора Св. Синода А. Д. Оболенского, который настаивал на том, что нынешнее земство по положению 1890 года не пользуется сочувствием населения: поэтому временно, впредь до предстоящего пересмотра земского положения в духе возврата к началам времени Александра II, нельзя избирать членов от нынешних земств более, чем на

---

[1]) Т. II, стр. 257—268, из собственнор. зап. Это место я сохраняю в том виде, как оно было написано мною первоначально по английскому переводу, потому что в нем имеются кое-какие интересные частности, которых нет в русском издании. Повидимому, английский перевод в этом месте сделан со стенографической диктовки.

3 года. «С тех пор, говорит Витте, прошло 6 лет, и об изменении земского положения и слуха нет, если же оно и будет сделано, то не в смысле возвращения к началам прежнего земства, а прямо в противоположном смысле» [1]).

По поводу бюджетных правил 8 марта, выделивших из бюджета некоторые особенные кредиты и признавших их забронированными от критики Госуд. Думы, Витте делает очень важное признание, что «все главнейшие основания (этих правил) были указаны» им, Витте.

Витте рассказывает также историю неосуществившегося законопроекта о военных судах. В силу этого законопроекта, должны были обязательно предаваться военному суду лица, обвиняемые в преступлениях «анархического характера», и военный суд должен был в случае признания их виновными приговаривать их к смертной казни, переходя к каторжным работам только при наличности смягчающих вину обстоятельств. Проект должен был заменить соответственные постановления Положения об усиленной и чрезвычайной охране, в силу которых генерал-губернаторам и министру внутр. дел давалось право передавать на рассмотрение военного суда преступления, когда они сочтут это необходимым «в видах ограждения общественнаго порядка и спокойствия». Таким образом, по толкованию Витте, законопроект имел своею задачею на место усмотрения поставить твердый закон, и с этой точки зрения он его отстаивал.

Но более либеральные члены его кабинета (Тимирязев и Оболенский), так же, как более либеральные члены (Таганцев) старого Государственнаго Совета, в котором рассматривался этот законопроект, не могли согласиться с точкой зрения Витте и высказались против него, усматривая в нем не сужение сферы усмотрения и произвола, а расширение применения смертной казни. Они остались в меньшинстве, и законопроект был принят в обоих учреждениях, но царь на этот раз согласился с либеральным меньшинством и санкции на него не дал. Отсутствие этого закона, как прибавляет Витте, не помешало впоследствии Столыпину значительно участить смертные казни [2]).

Витте с гордостью говорит, что при нем в Петербурге не было произведено ни одной смертной казни. Одно из главных обвинений, пред'являемых Витте, состоит в том, что он «мало расстреливал и другим мешал этим заниматься». Однако он сам признает, что карательные экспедиции были произведены по его инициативе, что генералы Ренненкампф

[1]) Т. II, 254—255, из собственноручных записей (русск.).
[2]) Т. II, 269—282, из собственноручных записей (русск.).

и Меллер-Закомельский, прославившиеся жестокостью своих усмирений, были назначены с его полного согласия, а адм. Дубасов, не ладивший с Треповым, назначен московским генерал-губернатором даже по его настоянию, причем по мнению Витте произведенное им перед тем усмирение крестьянских волнений в Курской и Черниговской губерниях «не вызвало нареканий ни с чьей стороны».

Меллеру-Закомельскому и Ренненкампфу Витте дал краткую, но ясную инструкцию «во что бы то ни стало открыть движение по железной дороге» и восстановить спокойствие, и дело было сделано. «Оба генерала с десяток лиц расстреляли, некоторых арестовали, а ген. Меллер-Закомельский нескольких телеграфистов за ослушание выдрал». «Дранье Меллера-Закомельскаго, вероятно, наверху очень понравилось» (царь, как указывает Витте, на докладах о бессудных расстрелах и других подобных действиях любил писать резолюции в таком роде: «ай да молодец!»), но, судя по тону рассказа о дранье, и сам Витте не особенно против него [1]); он «одобряет» действия ген. Мина, одного из самых свирепых усмирителей того времени [2]); генерала Скалона, при нем бывшего варшавским генерал-губернатором, Витте особенно хвалит, как человека «твердого, верного слугу Государя, человека воспитанного и весьма корректных правил» [3]).

А между тем этот Скалон прославился тем, что он расстрелял без суда несколько лиц, причем в своих об'яснениях по этому поводу прямо заявил, что предать их суду было не возможно, так как за отсутствием улик суд их оправдал бы.

14 апр. 1906 г., как было уже сказано, Витте подал прошение об отставке. В этом прошении, которое Витте дает целиком, он привел следующие мотивы своего решения (передаю с некоторыми сокращениями).

1) Нездоровье и переутомление.

2) Решительное несогласие с образом действий министра внутренних дел, которое раздражило большинство населения и привело к неблагоприятному исходу выборов в Думу, явившихся протестом против правительственной политики.

3) Неудобство появления в Думе вместе с Дурново, при котором как Витте, так и Дурново были бы поставлены в

---

[1]) Т. II, стр. 237, 127—137, из собственноручных записей (русск.).
[2]) Т. II, 155, из собственноручных записей (русск.).
[3]) Т. II, стр. 140, из собственноручных записей (русск.).

невозможность отвечать на запросы относительно правительственной политики.

4) «По отношению к целому ряду весьма важных вопросов, как, напр., религиозный, еврейский, аграрный, в совете министров нет единства. Я не в состоянии защищать идеи, с которыми я не согласен, а вместе с тем не могу разделять тех крайних консервативных идей, которые в последнее время сделались символом веры министра вн. дел».

5) «Если признаются верными идеи, высказывавшиеся как по аграрному вопросу, так и о будущей правительственной политике гр. Паленом и Горемыкиным, на которого многие смотрят, как на специалиста по аграрному вопросу, то необходимо этим государственным деятелям предоставить возможность осуществить их идеи на практике».

6) «В течение 6 месяцев я был мишенью всех нападений на меня со стороны людей крайних, имеющих доступ к Его Величеству. Революционеры проклинают меня за решительные меры против них, либералы за то, что, исполняя свою присягу и согласно с велениями моей совести, я отстаивал прерогативы Монарха, как я это буду делать до гробовой доски, наконец, консерваторы ошибочно ставят мне на счет те перемены в государственном строе, которые имели место со времени назначения Святополк-Мирского [1]). Все время, что я нахожусь у власти, я являюсь мишенью ожесточенных нападок со всех сторон», и в частности со стороны людей, имеющих доступ к Его Величеству.

7) «Со времени открытия Думы правительство либо должно действовать в согласии с нею, либо быть готовым принять самые крайние меры. В первом случае перемена в составе кабинета облегчит задачу правительства, так как сделает невозможными нападки на его главу и на отдельных членов, против которых в последние месяцы накопилось не мало ненависти. При такой перемене легче будет добиться соглашения с Думой. Напротив, если будет решено остановиться на политике репрессий, то я могу служить только препятствием».

В виду всех этих соображений, Витте, как он говорит в заключение своего прошения, считал желательным получить отставку до открытия Думы. Он подал бы прошение и раньше, но не считал себя в праве сделать это, пока Рос-

---

[1]) «Я приветствовал это назначение и всегда чувствовал дружбу и уважение к кн. Мирскому, но назначен он был помимо меня, потому что в то время я был в опале». Прим. Витте.

сия переживала тяжелый финансовый кризис, но теперь, когда заем заключен вполне успешно, когда Его Величеству нет больше оснований опасаться особенных затруднений при ликвидации финансовых последствий войны, и Его Величество может обратить все свое внимание на задачу внутреннего переустройства государства, теперь Витте признает за собою моральное право сделать это.

В тот же день, 14 апреля, вечером Витте созвал совет министров и сообщил на нем о сделанном им шаге. Министры, не исключая и Дурново, были недовольны, только один И. И. Толстой признал вполне правильным поступок Витте. Через два дня Витте получил собственноручное письмо от государя, в котором тот выражал согласие на отставку Витте и благодарил Витте за его службу, а 22 апреля был опубликован рескрипт, в котором оффициально оповещалась его отставка и сообщалось о пожаловании ему ордена Александра Невского с бриллиантами [1]).

В другом месте своих «Воспоминаний» Витте так резюмирует историю своей отставки и следующих за ней месяцев:

«Когда я не счел возможным играть роль соломенного чучела на огороде и ушел, то не без его (Трепова) совета был составлен новый кабинет оловянного чиновника, отличающегося от тысячи подобных своими большими баками,— Горемыкина. Но уже через неделю Горемыкин начал жаловаться на то, что Трепов ему все портит. Также не без влияния Трепова Горемыкин был уволен. Вместо него был назначен Столыпин, который ясно сознавал, что с Треповым управлять нельзя. Столыпину повезло, Трепова lune de miel начала проходить, а тут Трепов, по обыкновению, от пароля: «хорошенько их» кинулся в другую сторону; ему пришло на мысль применить теорию зубатовщины к кадетам, и так, как он в Москве вздумал привлечь на свою сторону рабочих, влезши в их среду, так же он задумал сделать и с кадетами. Он дал в этом смысле неосторожное интервью иностранному корреспонденту, неосторожное уже в том смысле, что из него было ясно, кто, в сущности, управляет Россией, затем представил список кадетского министерства Государю. Если бы кадеты вели себя сколько бы то ни было благоразумно, начиная хотя бы со времени Первой Думы, то дело бы их выгорело, они вступили бы во власть; но они наделали столько глупостей, что Столыпину было нетрудно свалить их план и вместе с тем и Трепова.

---

[1]) Т. II, стр. 294—296, из собств. зап. (англ.).

«Государь решил отделаться от Трепова и, по обыкновению, прибег к хитросплетениям. В этих хитросплетениях запутался сам Государь, как иногда бывает с пауком, вяжущим паутину для мухи. Муха—Трепов все равно был бы уничтожен, но Государю повезло. Трепов в это время умер естественною смертью. Он был политический и общественный невежда, но несомненно, что все, что он делал, было им сделано de bonne foi, и он был верноподданнейший и преданнейший слуга не только императора Николая II, но и Николая Александровича. Наверно кто-нибудь из семейства Трепова оставит подробное описание, в каком трагическом положении находился этот честный и преданный Николаю Александровичу человек в последние недели до своей смерти»[1]).

Так излагает историю своего премьерства Витте.

Мы уже знаем из собственного заявления Витте, что он писал свои воспоминания по памяти, мало справляясь с документами, и что он сам отвечает только за «суть дела», а не за подробности, поэтому и здесь мы не должны ожидать особенной точности в этих последних, хотя здесь нам было бы особенно важно иметь точные факты.

Более того. Мы уже видели, что как раз здесь Витте сделал очень не маловажную фактическую ошибку: совещания В. И. Ковалевского с Муромцевым, Милюковым, Гессеном и др. кадетами, о котором сообщает Витте, вовсе не было, вовсе не было и будто бы поданной императору через Трепова записки о недостатках основных законов, а был только ряд статей в «Речи». А между тем, как раз в этом пункте Витте ссылается на какие-то имеющиеся у него документы. Это далеко не единственный пример более или менее крупной фактической ошибки.

Грубой и совершенно непостижимой ошибкой является также весь рассказ Витте о включении в Учреждение Госуд. Совета постановления о том, что члены Совета от земств избираются на трехлетний срок. При обсуждении этого учреждения в Царском Селе под председательством Николая II никем не было сделано ни малейшего намека на желательность сокращения девятилетнего срока для членов от земств (хотя Оболенский в этом совещании участвовал), и в самом Учреждении, утвержденном 20 февр. 1906 г., был сохранен один общий для всех выборных членов девятилетний срок.

Витте ошибается и тогда, когда говорит, будто основные законы были опубликованы только 27 апр. 1906 г., т.-е. в

---

[1]) Т. I, стр. 37—38, из собственнор. зап. (русск.).

день открытия Думы: они были утверждены 23 апр. и распубликованы в Собр. Узаконений и газетах 24 апреля. Ошибка эта важнее, чем может показаться с первого взгляда: она представляет растерянность правительства еще сильнее, чем она была в действительности.

Но еще гораздо важнее то, что в «Воспоминаниях» Витте неверно изложена или, по крайней мере, неверно освещена история назначения Дурново, которое сам Витте признает своей ошибкой.

Было широко распространено мнение, что, принимая в свой кабинет Дурново, Витте делал тяжелую для него уступку давлению, и именно это мнение давало до некоторой степени удовлетворительное об'яснение факту, который иначе казался необ'яснимым.

Такое об'яснение не раз давалось и в печати, и нередко очень решительным тоном, не как предположение, а как факт, установленный документально. Так, Г. Е. Афанасьев, когда-то популярный профессор в Одессе, потом в течение многих лет управляющий киевским отделением государственного банка, лично и хорошо знакомый с Витте и по Одессе, и по Киеву, в своих воспоминаниях о Витте, напечатанных после смерти этого последнего, рассказывает, что в 1910 году он резко поставил Витте вопрос о его сотрудничестве с Дурново [1]). С. Ю. Витте показал ему документы, из которых Афанасьеву стало ясно:

1. Что Дурново, как министр вн. д., не был таковым по воле и с согласия Витте.

2. Что Витте еще в декабре 1905 г. лишен был права вмешиваться в дела отдельных министров, и

3. Что перед созывом Первой Государственной Думы Витте составил определенную программу всего кабинета министров, дабы по ней начать действовать во время Думы, и решительно выступил против пребывания в кабинете военного министра Редигера и министра вн. д. Дурново. Убедившись в неосуществимости своей программы, а также в невозможности солидарного кабинета, Витте удалился совсем в отставку и некоторое время до его назначения в Государственный Совет не был ни на какой должности и даже не был на службе.

Все утверждения Афанасьева оказываются ошибочными [2]), а самое главное—неверно в них то, что Дурново назначен

---

[1]) Напечатаны в Киевской Мысли, цитирую по Речи, 9 марта 1915 года, № 66.

[2]) Ошибочно даже и последнее утверждение о времени назначения Витте в Гос. Совет: Витте был его членом с 1903 года.

вопреки желанию Витте. В этом «Воспоминания» Витте не оставляют ни малейшего сомнения, как не оставляют они сомнений и в том, что Витте знал, что это назначение будет встречено во всех прогрессивных кругах очень отрицательно.

Почему же он его назначил? для чего он преодолевал сопротивление Трепова и царя? Почему он так дорожил союзом с Дурново, что ради него пожертвовал поддержкой общественных деятелей?

На этот вопрос Витте отвечает:

Дурново мне был нужен, как единственный (из числа возможных кандидатов на министерский пост) знаток полицейского дела, в частности, тайной полиции. Что-же касается его общей реакционности, то она обнаружилась только позднее, а тогда, при его назначении, я имел все основания считать его человеком здравых и либеральных идей, враждебность же к нему Трепова только усиливала мою уверенность в этом. Что же касается отрицательного к нему отношения общественных деятелей, то ему я не придавал значения.

Этому отношению Витте не только не придавал значения, но, если безусловно верить его «Воспоминаниям», то совсем не понимал его; по крайней мере, когда Дурново спросил его, чтó общественные деятели имеют против него, то Витте ответил: «вероятно, его женские истории» [1]).

А между тем, кроме женских историй, сам Витте рассказывает другую грязную историю—историю проигрыша на бирже и покрытия его из казенных сумм. К ней можно прибавить историю, обнаружившуюся, правда, позднее, о которой при назначении Дурново Витте не мог знать.

6 декабря 1905 года, т.-е. через полтора месяца после сформирования кабинета Витте, когда политика Дурново вполне определилась, в газете Молва (заменившей запрещенную перед тем Русь) появилось «Открытое письмо управляющему министерством вн. д. П. Н. Дурново» за подписью Ал. Стаховича (впоследствии члена 2 Гос. Думы). В этом письме Стахович, с документами в руках, рассказывал, как во время войны П. Н. Дурново вымогал у военного ведомства 1.500 рублей в вознаграждение за убытки, будто бы понесенные им при доставке проданных им 15 т. пуд. овса, тогда как никаких убытков в действительности он не понес. Эта история, которую Стахович в том же письме квалифицировал, как «грязную», не вызвала ни процесса против Стаховича по обвинению в клевете, ни даже опровержения, и произвела сильнейшее впечатление на общество.

---

[1]) Т. II, стр. 94, из собств. зап. (русск.).

Она могла бы дать Витте в высшей степени удобный повод отделаться от Дурново, своим молчанием признавшего справедливость обвинения,—и однако он этим случаем не воспользовался. Почему? На этот вопрос Воспоминания Витте прямого ответа не дают (более того: о знаменитой в свое время истории с овсом они хранят глубокое молчание).

О переговорах Витте с общественными деятелями, предшествовавших сформированию его кабинета, мы имеем кроме свидетельства самого Витте еще очень ценное свидетельство другого участника этих переговоров, именно, Д. Н. Шипова. Вот что рассказывает о них Шипов [1]).

Во время этих совещаний Витте, по словам Шипова, заявил, что министром внутр. дел, при настоящем положении дел, может быть только человек, хорошо ознакомленный с организацией полиции, который мог бы нести ответственность за безопасность царствующего дома; такими лицами, по мнению Витте, могут считаться Д. Ф. Трепов и П. Н. Дурново.

«Все участвующие в этом совещании общественные деятели, рассказывает далее Шипов, горячо возражали против этих кандидатур и отмечали, что назначение этих лиц, пользующихся резко отрицательным к ним отношением широких кругов общества и тесно связанных со старым режимом, исключит возможность создания необходимого правительству доверия населения. Сознавая безусловную необходимость обеспечить безопасность царствующего дома и возложить эту ответственную задачу на лицо, вполне компетентное и пользующееся доверием государя, все члены совещания выражали желание видеть Д. Ф. Трепова на посту дворцового коменданта. Что касается замещения поста министра внутренних дел, то общественные деятели полагали, что, при всей важности полицейских задач, им не могут быть принесены в жертву задачи внутренней политики, которые должны составлять главное содержание деятельности министерства. Существенные возражения против кандидатуры П. Н. Дурново относились не только к его политической физиономии, но и к облику его моральной личности. Гучков и я заявили решительно, что о вступлении нашем в состав кабинета не может быть и речи, если П. Н. Дурново будет предложен пост министра внутренних дел».

Таким образом, соглашение не состоялось, и 24 октября Шипов и Гучков уехали в Москву. Не успели они туда вернуться, как получили телеграмму от Витте с просьбой

---

[1]) Д. Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. М. Изд. Сабашниковых. 1918 г. стр. 334.

приехать вновь в Петербург. В тот же день они последовали этому приглашению, и 26 состоялось новое совещание, на котором Витте заявил им, что Урусов согласен быть товарищем министра при министре Дурново. Это заявление возмутило Шипова: зачем они, едва вернувшись в Москву, вновь должны были мчаться в Петербург, когда графу Витте было известно их бесповоротное решение: или они без Дурново, или Дурново без них, и, несмотря на все убеждения со стороны как Витте, так и ставшего на его сторону Урусова, Шипов, так же, как и Гучков, категорически отказались от делаемых им предложений. (Е. Трубецкой сделал это еще раньше). «Кроме обнаружившегося во время совещания отсутствия искренности и прямоты со стороны графа Витте, а также очевидной его неспособности освободиться от усвоенных им привычек и приемов бюрократического строя, мы имели в виду следующие соображения. Наше вступление в кабинет могло бы иметь значение в том случае, если бы одновременно с нами вошли представители большинства с'ездов земских и городских деятелей, об'единившихся в партии народной свободы, и если бы общественным представителям было предоставлено в кабинете достаточное число мест, обеспечивающее их влияние на государственное управление. Вступление же нас двоих в кабинет, состоящий из представителей бюрократии, чуждых пониманию справедливых общественных вопросов, не могло обеспечить правительству общественного доверия и принести пользу положению дела. В то же время манифест 17 октября, призывающий общество к новой политической жизни, вызвал необходимость политической группировки общественных элементов, и мы считали своею обязанностью содействовать об'единению лиц, принадлежащих к меньшинству земских с'ездов, в политическую партию. Эти мотивы нашего отрицательного ответа на сделанное нам предложение мы условились предложить графу Витте и с этим решением вечером вновь его посетили».

Из свидетельства Шипова ясно видно, что не только женские истории, но и общий облик моральной личности Дурново, а также его политическая физиономия отталкивали от него Шипова и его друзей, и Витте был об этом прекрасно осведомлен. Сенатский либерализм Дурново никого не обманывал,—и не обманывал, конечно, и Витте. Из самых «Воспоминаний» Витте видно, что, не будучи реакционером в о о б щ е, в ту минуту он вовсе не особенно далеко отходил от политики Дурново. Вместе с ним он стоял за самые суровые репрессии и карательные экспедиции, и кровавое подавление восстания в Москве Дубасовым, и за-

конопроект о смертной казни, будто бы выработанный для введения смертной казни в законное русло, но в действительности только облегчавший возможность расширить ее применение, и деятельность Скалона в Варшаве, и бесчисленные аресты, и закрытие газет в Петербурге, и т. д., и т. д.— все это в полной мере лежит на ответственности Витте. Он не шел в этом направлении так далеко, как царь и Трепов, он был решительно враждебен еврейским погромам (но враждебен им был и Дурново), он желал бы обуздания произвола и введения даже и репрессий и смертных казней в законные рамки, он не сочувствовал расшвыриванию казенных денег,—все это так, и это полагало пропасть между ним и Царским Селом, и привело к его опале, но такая же или еще более глубокая пропасть была, с другой стороны, и между его политическими стремлениями и тогдашними политическими стремлениями Шипова, Трубецкого, Стаховича, Гучкова, и раз нужно было выбирать между ними и Дурново, то Витте неизбежно, по самому складу своих тогдашних убеждений, должен был предпочесть этого последнего [1]).

К этому можно прибавить следующее.

Витте депутации от журналистов обещал следующее: хотя он не может тотчас же отменить цензуру, но «ручаюсь, твердо сказал он, что цензура будет держать себя в смысле оповещенной манифестом 17 октября свободы слова. Это я и исполнил» [2]), прибавляет он. Он только запретил в декабре 1905 г. те петербургские газеты, которые напечатали прямо революционный манифест Совета Рабочих Депутатов.

Так говорит Витте.

Но это совершенно не верно.

Во 2 № журнала «Былое» за 1906 г. зарегистрировано в одном январе 1906 г. 128 мер против печати; значительная часть их сводится, правда, к преданию редакторов или авторов суду, т.-е. к действиям против печати на основании закона (хотя и расширительно толкуемого), но больше половины их—к запрещению газет и журналов административной властью без суда, к конфискации отдельных №№, к появлению полиции в типографиях и рассыпанию шрифта, к совершенно произвольному запрещению продажи определенных газет в определенных местностях, и т. д.; в след. №

---

[1]) К этому можно прибавить, что отношения между Витте и Дурново после падения их кабинета, как кажется, вовсе не были особенно дурными. По крайней мере, в апреле 1912 г., когда Дурново праздновал 50-летний юбилей своей государственной деятельности, Витте был в числе лиц, принесших ему поздравления. См. «Речь», 4 апреля 1912 г.

[2]) II, 56, из собствен. зап. (русск.).

того же «Былого» зарегистрировано 114 таких же мер за февраль 1906 г., потом 138 за март [1]).

При таких условиях говорить об исполнении обещания, данного 17 окт., очевидно не приходится, а своим противоположным утверждением Витте, очевидно, берет на свою ответственность всю деятельность Дурново по отношению к печати.

Следовательно, нужно признать, что если назначение Дурново было ошибкой Витте, то смысл этой ошибки совершенно иной, чем тот, который старается ей придать Витте: это не недоразумение, сводившееся к неверному представлению Витте о личности Дурново, а роковая ошибка в выборе политических путей и средств; не ignorantia facti, которая, по выражению римских юристов, юридически и морально non nocet, a ignorantia juris, которая semper nocet.

Кое-что для подтверждения того же вывода мы найдем и в истории назначения и смещения Тимирязева, в изложении которой «Воспоминания» Витте также не отличаются ни желательной точностью, ни желательной полнотой.

Витте признает, что выбор Тимирязева на пост министра торговли был не из удачных, и что его пришлось уволить вследствие выдачи им 30.000 руб. Гапону через одного журналиста (Матюшенского), которые их растратили.

Для освещения этой истории также имеется кое-какой материал. Прежде всего, записки П. Рутенберга о совершенном убийстве Гапона [2]), затем, статья Тимирязева [3]), ответ на нее Витте [4]), интервью Витте [5]) и некоторые другие. Витте утверждает, что он ни разу не виделся с Гапоном и отказался принять его, когда его об этом просили [6]), что он не имел никакого отношения к Гапону, что он не вел с ним никаких переговоров и только раз приказал передать ему, чтобы он немедленно убирался за границу, грозя в противном случае арестовать его, что выдача для него 30.000 р. лежит на ответственности Тимирязева.

Между тем, Рутенберг со слов Гапона утверждает как раз противное: по словам Гапона Рутенбергу, не кто иной, как Витте в бытность свою премьером, после переговоров, ведшихся через Манасевича-Мануйлова, согласился допустить открытие гапоновских рабочих организаций и выдать

---

[1]) «Былое», 1906, № 2, 3, 4, отдел «Современная Летопись».

[2]) Заграничное (парижское) «Былое» 1909 г. № 11—12 стр. 50 и сл.

[3]) «Новое Время», 1911, 3 ноября.

[4]) «Речь», 1911 г., 11 ноября.

[5]) «Русское Слово», 1911, 28 октября.

[6]) II, 165—169, из собств. зап.

на них 30.000 р., которые и были выданы Тимирязевым Матюшенскому.

Рассказ этот идет от Гапона, человека весьма мало достоверного, а посредником в его переговорах с Витте был Манасевич - Мануйлов, совершенный проходимец, позднее (1916) судившийся и осужденный за длинный ряд мошенничеств, следовательно, этот рассказ не может возбуждать доверия к себе, хотя Мануйлов действительно служил при Витте, по рекомендации князя Мещерского, и Витте несколько раз упоминает его фамилию [1]).

Рассказ Гапона, однако, подтверждается Тимирязевым, который настаивает на том, что к нему явился Матюшенский с письмом от Витте, в котором Витте одобрял план возобновления гапоновских рабочих отделов с выдачей им казенной субсидии, хотя и под условием от'езда самого Гапона за границу; основываясь на этом письме, Тимирязев выдал деньги Матюшенскому.

В своем ответе Тимирязеву Витте признал, что Матюшенского к нему направил именно он, Витте, но что «Тимирязев выдал ему 30.000 р. без ведома» Витте и «вопреки моего (Витте) указания, что для поддержания профессиональных союзов рабочих можно выдать не более 6—7 тыс. руб.», и то под условием установления контроля над их расходованием. Между тем, Тимирязев выдал 30.000 р. (из которых Матюшенский украл 23 т. р.) и не принял никаких мер к тому, чтобы предупредить неправильное их расходование.

Таким образом, по существу, Витте подтвердил утверждение Гапона и Тимирязева о том, что он одобрил выдачу денег на полуполитические, полупровокаторские рабочие организации Гапона и скандальность поведения Тимирязева признавал только в чрезмерности суммы и в выдаче ее без всяких гарантий. Рассказ же об этой истории в «Воспоминаниях» Витте должен быть признан по меньшей мере не полным, а то и неточным.

Неточным следует также признать и рассказ Витте о его переговорах с Таганцевым. По этому рассказу, Таганцев отказался от министерского поста в кабинете Витте, ссылаясь на нездоровье, а в действительности, как инсинуирует Витте, просто из страха быть убитым.

Совершенно иначе излагает эту историю Таганцев.

19 окт. 1905 г. Таганцев неожиданно получил пригла-

---

[1]) «Приключения И. Ф. Мануйлова» были изложены по архивным материалам в «Былом», 1917, № 5. Манасевич-Мануйлов действительно состоял при Витте, и Витте пользовался его услугами. В одной своей записке Манасевич-Мануйлов подтверждает рассказ Гапона, что деньги этому последнему были выданы по распоряжению Витте.

шение от гр. Витте и на следующий день поехал к нему. Витте сообщил Таганцеву, что государь возложил на него обязанность составить новый кабинет и предложил Таганцеву принять в нем пост министра народн. просв. Таганцев, всего менее ожидавший подобного предложения, отказался, ссылаясь не на нездоровье, а на практическую неподготовленность, на отсутствие административного опыта, на то, что от вопросов народного просвещения он был довольно далек («я еще, куда ни шло, мог бы пригодиться в министры юстиции» говорит Таганцев). Тогда Витте попрекнул Таганцева, что он не хочет взять на себя действительно тяжелую, ответственную задачу — «помочь тушить горящее здание». На Таганцева это подействовало, и он уже готов был согласиться, но все-таки окончательный ответ он общал дать, только переговорив с Посниковым, которого он в таком случае приглашал к себе в товарищи.

На следующий день Таганцев виделся с Посниковым, который тоже отнесся очень скептически к предложению Витте, тем более, «что сам Витте являлся для нас персоною совершенно неопределенного цвета и направления, в особенности при его заявлении об отсутствии у него какой-либо программы по народному просвещению. В результате, мы пришли к категорическому решению» отказаться от предложения, что Таганцев и сделал, явившись на следующий день к Витте [1]).

Рассказ совершенно иной, и внутренняя психологическая правдивость рассказа Таганцева, к тому же вообще очень точного в своих воспоминаниях, не оставляет сомнений в том, что истина здесь не на стороне Витте. В самом деле,— как уважающий себя деятель мог взяться за дело, к которому он не чувствовал себя призванным?

Переходим к истории выработки законов: избирательного и основных, как она изложена у Витте.

Основная мысль этого изложения может быть сформулирована следующим образом.

Я, Витте, все время был верен самому себе. Перед 17 октября я говорил царю: есть два пути—диктатура и конституция. Решение принадлежит Вашему Величеству, примите его свободно, сознательно и обдуманно. В случае, если будет избран второй путь,—я готов служить Вашему Величеству. Был избран второй путь. Тогда я явился винов-

---

[1]) Н. С. Таганцев, «Пережитое». Петроград. 1919, стр. 97 и сл. Таганцев сообщает также и то, что его жена действительно высказывала некоторые опасения за жизнь мужа в случае принятия им портфеля в столь тревожное время, но как раз у нее над этим опасением доминировало желание, чтобы ее муж занял столь высокий пост.

ником и создателем великого дня 17 октября, и я остался верен его заветам. Конституция, но не парламентаризм. Конституция, при которой сильная и крепкая монархическая власть будет сохранена. Поэтому моя борьба с революцией и анархией не только не противоречит моему участию в деле 17 октября, но находится с ним в полнейшем согласии. «Воспоминание» о моем участии в создании актов 17 октября «наполняет мою жизнь и составляет мою гордость». Правда, теперь (в 1911 г.) «сохранился лишь труп 17 октября, под флагом конституционного режима в последние годы указывали лишь пределы Царской власти, но свою собственную (министерскую) власть довели до неограниченного абсолютного и небывалого произвола». Правда, нынешний (1911) режим похож на режим 17 октября, как «поддельная Джиаконда, с раскрашенными ланитами и обведенными глазами» на настоящую Джиаконду [1]). Это все правда. Но я за это не ответствен, это вина других людей. И я еще надеюсь, что режим 17 октября привьется, что созданная мною конституция, «конституция консервативная и без парламентаризма» воскреснет [2]).

Правда, я назначил П. Н. Дурново,—это мой тяжкий грех; но я назначил либерала-Дурново, если его мне подменили другим, реакционным Дурново, то в этом виноваты придворные веяния, т.-е. опять-таки царь, Трепов.

Мы уже видели, что по поводу Дурново Витте неправ: он назначал не либерала Дурново, а знатока явной и секретной полиции Дурново, сторонника репрессий и реакции, и он же поддерживал его в декабре 1905 года и еще несколько времени.

Прав ли он в остальном?

Прежде всего наше внимание останавливает многократно повторяемое утверждение, то относительно избирательного закона, то относительно того или другого проекта основных законов, что эти проекты сводили власть русского императора к власти господина Фальера или даже делали ее слабее, чем власть президента Швейцарской республики. Не говоря уже о том, что избирательный закон, каков бы он ни был, не может сводить роль императора к роли господина Фальера уже потому, что избирательные законы вовсе не касаются об'ема власти главы государства, и очень сильная власть монарха вполне совместима со всеобщим голосованием, как об этом свидетельствует пример Германской империи,—не говоря об этом, ни один из тех проектов,

---

[1]) Т. II, 538 (русск.).
[2]) Т. II, 268, из собств. зап. (русск.).

о которых упоминает Витте, не сводит власти императора к власти президента республики; этого не делает даже так называемый освобожденческий проект [1]), тем более проект основных законов, выработанный в бюрократической канцелярии и бывший на обсуждении совета министров; этот последний сохранил очень сильную власть императора и безусловно чужд идее парламентаризма. Он и не мог бы проводить эту идею не только потому, что радикализм вовсе не захватывал тогда таких людей, как Икскуль, Харитонов, Сольский и др., но и потому, что выработка основных законов происходила в марте и апреле 1906, т.-е. тогда, когда законы о Государственной Думе и Государственном Совете были уже не только выработаны, но утверждены императором (20 февр. 1906), распубликованы во всеобщее сведение (21 февр,), обратили на себя широкое общественное внимание и в широких общественных кругах и, правда, вызвали довольно единодушное осуждение, но все-таки всеми, кроме активных революционеров, были признаны за fait accompli. Между тем, эти законы уже очертили пределы компетенции законодательных учреждений очень узким кругом: они были лишены инициативы для пересмотра основных законов (тогда даже еще не выработанных), которая оставлена исключительно за монархом; не только не была установлена ответственность министров перед Думой, но была предопределена их независимость от нее; Государственный Совет, который должен был делить с Думой законодательную власть, наполовину назначался императором. За законами о Думе и Совете последовали бюджетные правила 8 марта, выработанные при ближайшем участии Витте, которыми установлено разделение кредитов, включаемых в росписи государственных доходов и расходов, на 1) кредиты, подлежащие рассмотрению законодательных учреждений, и 2) на кредиты, безусловно или условно забронированные от них.

При наличности этих законов никакой проект основных законов не мог сузить власть монарха до пределов власти

---

[1]) Витте ошибочно считает, что он был выработан комиссией с'езда земских и городских деятелей. В действительности он принадлежал группе членов Союза Освобождения (Н. Анненский, И. Гессен, В. Гессен, В. Водовозов, Петр Долгоруков, Ф. Кокошкин, С. Котляревский, П. Новгородцев, Г. Шрейдер и др.). Напечатан, вместе с об'яснительной к нему запиской, за границей, под загл. «Основной Государственный Закон Российской Империи. Проект русской конституции, выработанный группою членов Союза Освобождения. Издание редакции Освобождения. Париж, 1905 г.», а без об'яснительной записки перепечатан в сборнике «Конституционное государство», изд. ред. «Право», СПБ. 1905 г. История его кратко изложена мною в предисловии к VII тому сочинений Кравчинского, 2 изд. СПБ. 1918 г.

не только господина Фальера, не только английского короля или вообще короля какого бы то ни было парламентарного государства вроде Бельгии или Италии, но даже императора германского или короля прусского, которые не имели в своем распоряжении кредитов, недоступных рассмотрению рейхстага или ландтага. Странно, почти непонятно, как Витте мог это забыть. Но эта забывчивость дала Витте возможность говорить о том, что чуть ли не он один спас русского императора от печальной участи обратиться в господина Фальера или даже президента Швейцарской республики и Россию от участи парламентской республики [1]).

Если в своих рассуждениях о республиканском характере бюрократических проектов того времени Витте не прав, то свою личную роль в переработке этих проектов Витте очертил в общем правильно или даже слишком слабо, если и по «Воспоминаниям» видно, что эта роль была почти безусловно консервативной, то в действительности ее нужно признать прямо реакционной и совершенно не согласной с манифестом 17 октября и всеподданнейшим докладом самого Витте.

---

[1]) Отчасти это может об'ясняться тем, что Витте—математик по образованию—во время своей службы в качестве железнодорожника, потом главы двух ведомств (путей сообщения и финансов), требующих главным образом очень специальных знаний, не имел времени приобрести особенно глубоких познаний в области теоретической юриспруденции вообще, государственного права в частности. Ярким доказательством этого может служить следующий факт, сообщаемый Шиповым. Когда он представил Витте проект избирательного закона, в котором была принята система пропорциональных выборов, то Витте «заявил, что он с этой системой совершенно не знаком, что нас всех присутствующих крайне удивило, и С. Е. Крыжановский тут же (при Шипове и других) ознакомил его с основным положением этой системы». После этого об'яснения Витте делал возражения против начала пропорциональности, но мы, говорит Шипов, «вынесли впечатление, что сомнения и возражения его коренятся в полном незнакомстве с основаниями системы». См. Шипов, «Воспоминания», стр. 357—358.—Без большого труда можно было бы привести целую коллекцию заявлений Витте, свидетельствующих о его весьма недостаточном знакомстве с государственным правом; я приведу еще только одно. На заседании 16 февр. 1906 г. в Царском Селе, когда гр. Пален указал на то, что у нас вводится конституция, т. к. власть монарха ограничивается народным представительством, Витте возражал докторальным тоном: «Ни один факультет университета не определяет конституции, как гр. Пален. Прежде всего, у нас нет присяги на верность устанавливаемому строю. Государь Император вводит этот строй по собственной инициативе. Какая же это конституция? И крайние элементы понимают так же, как я». На это возразил Таганцев: «Граф Витте сослался на факультеты. Я в качестве лица, принадлежащего к профессорской корпорации, могу удостоверить, что никогда конституция не заключалась в присяге». Былое 1917 г. № 5, стр. 308.—Кстати к вопросу о характере образования Витте. Приведя в искаженном виде известную фразу из шиллеровского заговора Фиеско: «мавр, ты сделал свое дело, теперь ты мне больше не нужен, уходи вон», он прибавляет в скобках: «подлинную фразу Шекспира не помню». П. 120.

Для более близкого ознакомления с нею необходимо от собственных Воспоминаний Витте обратиться к оффициальным протоколам совещаний в Царскосельском дворце, на которых 5, 6 и 9 декабря 1905 года обсуждали проект избирательного закона, утвержденного 11 декабря, 14 и 16 февр. 1906 г. проекты законов о Государственной Думе и Государственном Совете, утвержденных 20 февраля, и наконец 7, 9, 11 и 12 апреля 1906 г.—проект основных законов, утвержденных 23 апреля [1]).

На декабрьских совещаниях, когда нужно было выбрать между министерским проектом выборов куриальных и цензовых и проектом Шипова и Гучкова [2]) всеобщего избирательного права, роль Витте была крайне двусмысленной: он сам еще не остановился безусловно на каком-нибудь из них; беспрестанно противореча самому себе, он приводил доводы то за один, то за другой и в конце концов сформулировал свою позицию так:

«Когда я рассуждаю умом, я склоняюсь в пользу второго проекта (Шипова), но когда я действую по чутью, я боюсь этого проекта»,—и эта формулировка вопроса, видимо, произвела впечатление на собрание или, по крайней мере, на царя; он окончательно решил вопрос в пользу первого (министерского) проекта, мотивировав свое решение почти словами Витте—ссылкой на чутье:

«С сегодняшнего утра мне стало ясно, что для России лучше, безопаснее и вернее—проект первый. Проект второй—мне чутье подсказывает, что его нельзя принять. Идти слишком большими шагами нельзя. Сегодня всеобщее голосование, а затем недалеко и до демократической республики. Это было бы бессмысленно и преступно. Первый проект дает более гарантий для осуществления реформ, возвещенных в манифесте 17 октября» [3]).

---

[1]) Протоколы совещаний в Царском Селе напечатаны в журнале «Былое» 1917, № 3, 4 и 5; им предпосланы мои предисловия, из которых одно, а именно, предисловие к декабрьским совещаниям, было составлено на основании хранившегося в архиве дела об этом совещании. В предисловии к совещаниям апрельским было сказано, что большевистский переворот 1917 года сделал работу в архивах невозможной, но была высказана надежда, что откроется возможность уже в одной из ближайших книжек «Былого» осветить по архивным материалам некоторые не вполне ясные стороны совещаний февральских и апрельских. Надежда эта не оправдалась: работа в архиве теперь возможна, но как раз дело об этом совещании оказалось утерянным.

[2]) Проект был выработан не двумя только этими лицами, а целой группой общественных деятелей. Историю его выработки см. в «Воспоминаниях» Шипова, стр. 350 и сл.

[3]) Шипов в своих воспоминаниях тоже говорит о двусмысленном поведении Витте. В первом разговоре с ним, Гучковым и другими лицами, по поводу их проекта, Витте высказал сочувствие его основным принципам, но

Напротив, на февральских и апрельских совещаниях роль Витте была уже определенно и ярко реакционной. Еще так недавно участник не только в составления манифеста 17 октября, но автор всеподданнейшего доклада, в котором делалось признание, что Россия переросла свой политический строй и нуждается в строе правовом, человек, в глазах реакционеров бывший едва ли не крамольником, теперь безусловно отстаивал все прерогативы монарха против стремлений, опиравшихся на манифест 17 октября.

Он страшно боялся демагогии будущей Государственной Думы и того, что она сделает попытку обратиться в Учредительное Собрание, говорил о необходимости заблаговременно принять меры против «необузданности нижней палаты», которая, может быть, будет просто домом сумасшедших; вместе с Дурново считал невозможным допустить публичность заседаний Государственной Думы и невозможным возложить охрану в ней порядка на ее Председателя, как на лицо неизвестное, которое при нашей необузданности, при нашей дикости в первую же неделю допустит основательные скандалы [1]) (даже Акимов допускал публичность, и таким образом, оказался в этом случае либеральнее Витте и Дурново; император согласился с более либеральным мнением). Он считал необходимым на всякий случай поставить против Думы «палку в углу» [2]). Он настаивал на необходимости оставить основные законы в исключительном ведении императора. Ведь Дума, говорил он, будет, может быть, крестьянской, безыдейной, и поведут ее на поводу революционеры и так называемая интеллигенция; она может потребовать, чтобы в армии говорили не по-русски.

Если Думе предоставить вмешиваться в иностранные дела, то она перессорит нас со всеми иностранными государствами; Дума не будет давать средств на тайных агентов и на известное Его Величеству употребление. Вообще она может превратиться в Учредительное Собрание или в дом сумасшедших. Во что бы то ни стало нужно предупредить это: «необходимо отобрать от Думы все, что опасно» в ее руках, все, что может вызвать смуту. С. Ю. Витте отстаивал перелюстрацию писем; протестовал против несме-

---

сейчас же после этого принимавший участие в разговоре С. Е. Крыжановский высказал Шипову сомнение в искренности Витте. И действительно: всего через несколько дней, на заседании совета министров, в котором участвовал также и Шипов, Витте высказался решительно против него, причем Крыжановский неоднократно обращался к Шипову с улыбкой, говорившей об основательности высказанных им сомнений. «Воспоминания» стр. 359 и 369.

[1]) «Былое» 1917, № 5, стр. 303, № 4, стр. 199 и мн. др.

[2]) «Былое», 1917, № 5, стр. 296.

няемости судей, так как существует опасность, что суды будут выносить революционные приговоры, и что Дума будет их поддерживать [1]); Витте боялся коалиции революционного финляндского сейма с революционной Думой. Он же развил теорию государственного права (когда-то выдвинутую покойным проф. Коркуновым), по которой царская Россия, будучи государством с неограниченною властью монарха, подобно восточным деспотиям, отличается от них признанием начала законности, которое обращает ее в государство правовое.

Таким образом, на этих совещаниях Витте являлся истинным вождем реакционной группы. И однако в его очень последовательно проведенной системе имеется один пункт, свидетельствующий о своеобразном характере его тогдашней реакционности, и именно о том, что ее источник лежал, во всяком случае, не в классовом дворянском чувстве, как у других представителей того же течения: он высказывался, хотя и очень осторожно, за отчуждение, в ограниченных пределах, помещичьих земель в пользу крестьян, настаивая на том, что через несколько месяцев все равно придется признать такое отчуждение,—иначе все крестьянство восстанет против верховной власти. Думу, говорил Витте, через два месяца придется разогнать штыками, если ей будет запрещено касаться земельного вопроса, а после этого произойдет революция. Однако, в какой форме и в каких размерах следует, по его мнению, наделить крестьян землею, Витте не выяснял, определенно высказавшись только против кадетского проекта земельной реформы, как слишком радикального.

Решительное расхождение Витте с манифестом 17 окт. было слишком очевидно, и в то время он его даже не скрывал; он даже прямо возражал против таких его обещаний, как обещание не проводить никаких законов помимо Думы; «с своей стороны, говорил он, я нахожу выражение (манифеста 17 окт.): никакой закон не может восприять силу без одобрения Госуд. Думы по крайней мере неосторожным» [2]); вопреки всем своим более ранним (и позднейшим) утверждениям, настаивал на том, что манифест 17 октября не вводил конституции,—ибо какая же это конституция, раз монарх ей не присягает?

---

[1]) И однако он же говорил о том, что несменяемости судей у нас не существует, так как при неограниченности власти монарха статьи судебных уставов могут ограничивать произвол министра юстиции, но не могут ограничить власти императора. Это противоречие в двух заявлениях Витте (на стр. 201 и 221, «Былое», 1917, № 4) чрезвычайно для него характерно.

[2]) «Былое», 1917 г., № 5, стр. 294.

Оправдывал свою новую позицию Витте тем, что «государственные потребности выше логики» (sic), и потому не следует стесняться тем, что желательные мероприятия противоречат «изданным в последнее время актам... Лучше теперь перетерпеть недовольство и оставить все, что нужно (в данном случае, право видоизменять основные законы), всецело за государем, чем рисковать в будущем смутами в государстве» [1]).

По самому основному вопросу—обещал ли манифест 17 октября конституцию или нет—Витте все время противоречит самому себе: в «Воспоминаниях» он признает государственный строй России после 17 октября конституционным и гордится своим содействием осуществлению в России конституции. То же самое, только еще определеннее и резче, он заявил в начале января 1906 года группе общественных деятелей, явившихся к нему:

«Государь разрешил вопрос о форме правления для себя и для народа бесповоротно. Отныне самодержавия в России нет и больше быть не может» [2]).

А через полтора года в своем письме в «Новое Время» Витте говорит: «единственный судья моей государственной деятельности есть русский самодержавный Государь Император, коему я всегда был, есть и до гроба пребуду верноподданным слугою» [3]).

Таким образом, необходимо признать, что если Столыпин в самом деле окончательно обратил манифест 17 октября в труп и подменил настоящую Джиаконду поддельной, с раскрашенными ланитами и обведенными глазами, то никто иной, как Витте, начал поход на манифест 17 октября и занялся размалевыванием Джиаконды, что же касается Столыпина, то он только закончил его дело. И потому назначение Дурново не есть только большая, но случайная ошибка Витте в выборе лица, основанная на ошибочном представлении о его личности, а есть часть системы и, следовательно, может быть признано ошибкой только постольку, поскольку вся вообще деятельность Витте в период после 17 октября, является ошибкой.

---

[1]) «Былое», 1917 г. № 4, стр. 194.

[2]) Точность передачи этих слов не может подлежать сомнению: разговор с Витте был тогда же записан, и тотчас же опубликован в газете «Молва» (заменявшей „Русь“) 7 янв. 1906 года, за подписью пяти лиц: Фальборка, Явейна, Родичева, Плансона и Пантелеева.

[3]) «Новое Время» 1907 г., 29 мая.

ГЛАВА IV.

Личность Витте по его мемуарам.

Что же представляет из себя сам Витте?

«Я верный носитель идей Императора Александра III», говорит о себе Витте [1]).

«Я до сих пор держусь убеждения», говорит он в другом месте, «что наилучшая форма правления, в особенности для России, при инородцах, достигающих 35% всего населения, есть неограниченная монархия, но при одном условии—когда имеется налицо наследственный Самодержец, если не гений, чего, конечно, всегда ожидать невозможно, то лицо с качествами более, нежели обыкновенными. Прежде всего и более всего от Самодержца требуются сильная воля и характер, затем возвышенное благородство чувств и помыслов, далее ум и образование, а также воспитание. Последние два качества в XIX и XX столетиях суть аттрибуты довольно естественные и обыкновенные не только в царской семье, но во всяких аристократических и богатых семьях. Природный ум есть качество весьма полезное, но и с изрядным и даже ограниченным умом можно быть не только хорошим, но даже великим монархом. Сие лучше всего доказывает император Вильгельм I Великий. Я мог бы, конечно, привести массу подобных примеров» [2]).

«Я слуга Государя, а Государь представляет собою Самодержавного Монарха Российской Империи, ответственного за то, что он делает, только перед Богом» [3]).

---

[1]) Т. I, 66, из стенографич. записи.

[2]) Т. I, 274, из собственноручной записи.

[3]) Т. I, 401, из собственноручной записи. Как видим, заявления такого рода так же часто встречаются в собственноручной, т.-е. заграничной, более откровенной записи, как и в стенографической, и, следовательно, их нельзя об'яснять особенными соображениями, которыми Витте мог руководствоваться при составлении записи стенографической.

Это Витте повторяет на каждом шагу на всевозможные лады. Он говорит это не только по отношению к России, но и к другим странам, главным образом, Германии. Между прочим, в Германии, в Эмсе, где Витте однажды провел несколько месяцев еще при жизни Вильгельма I, ему несколько раз случалось видеть, с каким внешним почтением,—мы бы сказали, подобострастием,—относился к престарелому императору молодой его внук, будущий император Вильгельм II; Витте видел, как этот самый принц Вильгельм в России однажды поспешил подать императору Александру III пальто.

«Тогда эти факты меня несколько удивили, ибо такое отношение к Императорам, не только со стороны членов царской фамилии, но и свиты, у нас не практикуется. После же, узнавши ближе характер будущего Императора (Вильгельма II), я вспомнил, что сказанные факты совсем в его натуре, и что такой образ действий не есть внешнее оказательство, но находится в полнейшей гармонии с его убеждениями. Он по натуре правитель народов и считает Императора сверх-человеком. Теперь его брат, принц Генрих, весьма часто, прощаясь с ним, целует ему руку в присутствии всех. Вильгельм этим, и вообще, когда ему в присутствии многих лиц целуют руку, нисколько не стесняется и принимает это, как должное».

И Витте это не только не коробит, но, по его мнению, «было бы не лишним, если бы такие отношения к Государю были введены в нравы и нашего Царского Дома. Было бы меньше распущенности...» [1]).

Это находится в полнейшей гармонии с его убеждениями [2]). И, однако, именно имя Витте тесно связано с манифестом 17 октября, который сам Витте многократно называет в своих «Воспоминаниях» конституционным. Как же об'яснить это противоречие?

---

[1]) Т. I, 106—107, из собственноручной записи.

[2]) Д. Н. Шипов в своих «Воспоминаниях и думах о пережитом», Москва, 1918, стр. 127 и сл., высказывает прямо противоположное мнение, и высказывает его, между прочим, по поводу записки Витте о «Самодержавии и земстве». Хотя Витте говорит в ней, что «конституция—великая ложь нашего времени», но, по словам Шипова, этого мнения он не подтверждает аргументами, а мнение противоположное в записке подробно изложено и аргументировано; так что можно думать, что «Витте, сочувствуя конституционному режиму, дает в своей записке материал для освещения вопроса.... а сам предпочитает остаться в стороне: если конституционные веяния возьмут верх, Витте поспешит к ним присоединиться, если же восторжествует противоположное мнение,... то, вероятно, Витте расчитывает, что такое решение вопроса... приближает время неизбежного взрыва».

Таким образом Витте, оказывается своеобразным конституционалистом-иезуитом, который готов работать и на самодержавие, но в расчете, что са-

Его удовлетворительно об'ясняет сам Витте. Он «в душе поклонник самодержавия неограчниченного, как своего рода влюбленный в фею, изредка лишь появляющуюся», знает, однако, что эта фея чаще появляется под видом «особы с недостатками обыкновенной кокетки, хотя и добродетельной» [1]), а иногда и вовсе не добродетельной. Идеальным самодержцем, с точки зрения Витте, был Александр III, человек со стальной волей и с благородством царственных помыслов; при нем самодержавие было добродетельной феей и вело Россию к преуспеянию.

«Кто создал Российскую Империю так, как она была еще десять лет тому назад?—Конечно, неограниченное самодержавие. Не будь неограниченного самодержавия, не было бы Российской Великой Империи. Я знаю, что найдутся люди, которые скажут: «Может быть, но населению жилось бы лучше». Я на это отвечу: «может быть,—но только может быть». Но несомненно то, что Российская Империя не создалась бы при конституции, данной, например, Петром I или даже Александром I».

Иное дело, когда фея обращается в обыкновенную кокетку, хотя бы и сохраняющую добродетель, и еще хуже, когда она обращается в недобродетельную кокетку. Неограниченные самодержцы, если ими являются люди, «не имею-

---

модержавие, доведенное до абсурда, вызовет революцию, и тогда восторжествует конституционализм.

Это мнение Шипова, при всей его смелой оригинальности, вряд ли защитимо,—ему решительно противоречит вся известная деятельность Витте, а его «Воспоминания» дают не мало материала для заключения, как раз противоположного. Тот же Шипов приводит слова Витте:

«Если бы государь был другого образа мыслей, то я первый стал бы говорить, как Чичерин и Градовский, но я смотрю на себя, как на приказчика своего государя, а его взгляды безусловно самодержавные. Нужно уметь служить своему государю, и много можно сделать полезного» (стр. 130).

Эти слова решительно опровергают представление о Витте Шипова, хотя они не вполне вяжутся и с моими. Я позволяю себе думать, что они не совсем точно переданы. «Приказчиком своего государя» Витте назвать себя мог, он, в сущности, им и был,—но приказчиком, имеющим свои самостоятельные мнения и не считающим нужным менять их в угоду царю. Недаром Витте с особенным сочувствием говорит постоянно о Бисмарке и особенно гордится хорошим о нем отзывом Бисмарка: как в их личном характере, так, тем более, в общих политических задачах, в их стремлении служить монархии, но служить на свой собственный лад; между этими государственными деятелями есть некоторое сходство.

Конечно, наличность своих собственных убеждений, не меняемых по ветру, нисколько не мешала Витте в отдельных случаях гнуться и применяться к обстоятельствам, заключать сомнительные союзы с людьми, итти на компромиссы, и т. д.

[1]) Т. I, 276, из собственноручной записи.

щие крепкой воли и не обладающие царским благородством чувств и помыслов», приносят родине неисчислимые несчастия; «неограниченный Самодержец в самое короткое время может разрушить все сделанное Его предшественниками, истинными (по модному выражению, пущенному Императором Николаем II) неограниченными правителями-предками, ибо разрушение есть легчайшая стихия; четырехлетний младенец может уничтожить в самое короткое время такое творение ума, таланта и труда, над которым люди работают десятки и сотни лет.

«К чему мог бы привести Россию, например, Павел Петрович, если бы он процарствовал десятки или более лет!» Николай II,—мы видели этому уже достаточно яркие свидетельства,—конечно, не стоит на желательной высоте; вместо стальной воли, он отличается податливостью чужим, особенно дурным влияниям и мелким упрямством, вместо царственного благородства помыслов—мелкою мстительностью, злобностью, склонностью к интригам и т. под. чертами. Его безумная политика привела к японской войне и Цусиме, и японцы разбили не Россию, не нашу армию, а его мальчишеское управление 140-миллионным народом [1]). Он разорил Россию. Его управление представляет из себя «сплетение трусости, слепоты, коварства и глупости»; как помазанник божий—он ответствен только перед Богом, но и как обыкновенный человек он не мог бы отвечать перед уголовным законом, так как он невменяем [2]).

«Зная Государя с юношеских лет, я Его люблю, как человека, самым горячим и искренним образом, и если у меня накопляется иногда чувство злобы против Него, то чувство это подсказывается досадой на то, что Царь губит себя, Свой дом и наносит раны России, тогда как все это могло бы быть устранено, все это могло бы не быть... Таким образом, как по моим семейным традициям, так и по складу моей души и сердца, конечно, мне любо неограниченное самодержавие, но ум мой после всего пережитого, после всего того, что я видел и вижу наверху, меня привел к заключению, что другого выхода, как разумного ограничения, как устройства около широкой дороги стен, ограничивающих движение самодержавия, нет. Это, повидимому, неизбежный исторический закон» [3]).

Ограничение самодержавия стало, таким образом, необходимым для блага России и исторически неизбежным. Но

[1]) Т. I, 370, из собственноручной записи.
[2]) Т. II, 46, 34, 39, из собств. зап. (русск).
[3]) Т. I, 296, 274—275, из собственноручной записи.

не дай Бог, чтобы ограничение зашло слишком далеко, чтобы мы перешли к парламентаризму. Даже и при Николае, столь далеком от идеала монарха, благополучие России все-таки связано с его личностью.

«Никто лучше меня не знает Его пороки и слабости, но тем не менее я по убеждению, как перед Богом, говорю, что не дай Господь, если что-либо с ним случится. Любя Россию, я ежедневно молю Бога о благополучии Императора Николая Александровича, ибо покуда Россия не найдет себе мирную пристань в мировой жизни, покуда все расшатано, она держится только тем, что Николай II есть законный наследственный наш Царь. В этом Его сила, и в этой силе, дай Бог, чтобы Россия скорее нашла свое равновесие» [1]).

Мы уже видели, что идеалом монарха для Витте является Александр III, но скорее по своим душевным свойствам, чем по направлению своей политики: при всем своем преклонении перед ним, Витте все-таки ставит ему в минус то, что он пошел по дороге реакции, и в особенности упрекает его за университетский устав 1884 г. и за введение земских начальников. Не ставя Александра II так же высоко, как личность, Витте выражает большее согласие с его политикой. Весьма высоко ставит Витте и Вильгельма I, которого он называет Великим (чего даже и в Германии не делают, если не считать некоторых речей его внука), и многократно выражает свою солидарность с Бисмарком, в частности, за его меры в пользу рабочих (весьма недостаточные, как известно) [2]).

Но в «Воспоминаниях» Витте имеются и более прямые указания на то, как должен себя, по его мнению, вести монарх. «Мое убеждение, говорит он,—что русский Государь должен опираться на народ, Плеве же считал, что он должен опираться на дворянство». «Государю внушали, что за

---

[1]) Т. I, 497, из собственноручной записи.

[2]) Сделавшись министром финансов, Витте еще при Александре III разработал проект закона об ответственности предпринимателей за увечье рабочих и внес его в государственный совет. Там против законопроекта возражали очень многие, в том числе Победоносцев, и бросили Витте обычный в таких случаях упрек в социализме. Витте ответил, что если он и социалист, то совсем маленький в сравнении с Бисмарком, и предпочитает быть в компании с ним, а не с Победоносцевым; однако, проект взял назад и провел его только через 10 лет, в 1903 г. Т. I, 278, из собственноручных записей. Так рассказывает Витте;—в то время стенографические отчеты прений в государственном совете не опубликовывались, самые заседания были секретны, и в настоящее время вряд ли возможно проверить, действительно ли Витте на заседании госуд. совета сказал так, как он сам рассказывает.

него весь народ, вся неинтеллигенция. В принципе это верно: народ всегда был за царей, которые были за народ, но трудно ожидать, что весь народ за Царя, когда Государь управляет посредством дворцовой дворянской камарильи, которая, в свою очередь, считает, что она есть соль земли русской, что все должно делаться для нее и, во всяком случае, через нее». Но что значит,—быть «за народ?»

Мы видели, что Витте родился и провел детство в среде служилого дворянства, и что его монархизм был, по его собственному признанию, впитан с молоком матери и взлелеян уже в детские годы. Следовательно, отрицать его дворянское происхождение не приходится, но вместе с тем мы уже видели, что на совещании об основных законах в апреле 1906 г. Витте высказался за принудительный выкуп в пользу крестьян части помещичьих земель. Из этого видно, что его монархизм не был окрашен в дворянски-помещичий цвет: мы видим также, что и в «Воспоминаниях» Витте очень резко отзывается если не о всем дворянстве в целом, то о «дегенератах дворянства, взлелеянных подачками (хотя и миллионными) от царских столов», и, следовательно, в социальном отношении в дворянско-помещичий цвет его монархизм окрашен не был.

Может быть, социальное содержание старого дворянского монархизма Витте выбросил за борт тогда, когда в студенческие годы жил на 15-рублевую стипендию и боролся с нуждой; после этого от монархизма осталась только его романтическая оболочка, в которую Витте постарался влить новое содержание.

Окончательно определилось оно, вероятно, тогда, когда Витте состоял на железнодорожной службе. Во всяком случае, уже в первых печатных произведениях Витте, относящихся к началу 80-х годов, мы находим выражение его политического и социального мировоззрения, оставшегося в общем единым и цельным на протяжении более чем 30 лет, притом последовательно проводимого не только в литературной, но и государственной деятельности,—конечно, с колебаниями и частичными переменами в области теории, конечно, с колебаниями и значительными компромиссами (иногда довольно низменного характера) в области жизненной практики.

Центральный пункт миросозерцания Витте состоит в следующем.

Для блага России, отсталой сравнительно с западом, прежде всего необходим под'ем ее производительных сил. Для этого всего больше нужно развитие ее обрабатывающей промышленности и транспорта. Первое немыслимо без силь-

ного покровительства со стороны государственной власти, а такое покровительство скорее всего может быть оказываемо неограниченным самодержавным правительством, разумеется, при условии, что во главе стоит монарх, хотя бы и не гениальный, но достаточно умный, чтобы понять свою задачу, и достаточно твердый, чтобы, вступив на правильный путь, не сворачивать с него под разными посторонними влияниями, монарх с царственными помыслами, с царственным благородством мыслей.

Короче, политическое миросозерцание Витте может быть до известной степени (разумеется, mutatis mutandis) названо миросозерцанием просвещенного абсолютизма, в котором сочетались романтическая форма старого дворянского (пожалуй, отчасти славянофильского) монархизма с содержанием практических стремлений молодой промышленной буржуазии.

Это миросозерцание выработалось у Витте тогда, когда старая дворянская Россия еще далеко не закончила своего превращения в современное буржуазное государство; можно сказать даже: когда она только что приступила к такому превращению, и когда наша только что начавшая развиваться буржуазия не только не увлекалась конституционными идеями, но усердно искала опоры в бюрократии и вне самодержавного строя не видела для себя спасения. Именно этой возникающей буржуазии, глубоко монархической и не менее глубоко националистической по своим политическим идеалам, Витте отдал все свои симпатии, все свои силы и все свое громадное честолюбие.

В своей брошюре «По поводу национализма. Национальная экономия и Фр. Лист», вышедшей в 80-х годах, Витте рекомендовал России вступить на дорогу, указанную для Германии Листом, а вслед за ним Бисмарком.

В книге «Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве» он особенно настаивал на покровительстве обрабатывающей промышленности и на усиленном привлечении в Россию иностранных капиталов; а вместе с тем указывал и на печальную отсталость нашего сельского хозяйства и доказывал, что для его поднятия необходимы не только экономические меры, но меры правового характера, так как отсталость сельского хозяйства в значительной степени об'ясняется бесправным, забитым положением мужика; совершенно необходимы, по его мнению, «поднятие личности крестьянина и дарование ему прав, какими пользуются все подданные Государя Императора» [1]).

---

[1]) Названная книга, 2 изд., Спб. 1912, стр. 112, 133—143. Высказанные

И Витте в предисловии к новому изданию (СПБ. 1912) книги о Листе с полным правом мог сказать: «Думаю, что моя государственная деятельность не противоречила мнениям, которые я высказал, когда стоял совсем вдали от власти».

Две главные идеи проникают весь первый период государственной деятельности Витте, т.-е. период его управления финансами: идея развития в России обрабатывающей промышленности, во-первых, и идея постоянной государственной опеки, вмешательства государства во все области хозяйственной жизни—во-вторых.

Во всеподданнейшем докладе, сопровождавшем роспись 1897 г., он указывал, что выросшая у нас в последнее время горная, заводская и фабричная промышленность заняла уже очень видное место в нашей экономической жизни, далеко перегнав по своей общей производительности промышленность сельско-хозяйственную; из этого он делал вывод, что «переустройство экономического уклада огромного государства вновь по типу сельско-хозяйственной страны было бы равносильно экономической катастрофе», на которую государство не может и не должно соглашаться; напротив, оно должно всячески поддерживать именно эту обрабатывающую промышленность.

Витте пробыл на посту министра финансов 11 лет, с августа 1892 г. по август 1903 г., и вряд ли во всей истории нашей Романовской монархии есть хоть один министр, который вызвал бы к себе такую жестокую ненависть со стороны всего поземельного дворянства, как именно Витте. Недаром идеолог дворянства, покойный С. Ф. Шарапов, в своей «Политической фантазии» «Диктатор» [1]) начинал «очищение России» с предания Витте верховному суду, как государственного изменника, и лишь на худой конец соглашался на пожизненную высылку его за границу; недаром союз русского народа травил его в своих изданиях, как изменника, жидовского прихлебателя и т. д.; недаром тот же союз русского народа, при поддержке агентов охранного отделения, дважды пытался устроить покушение на жизнь Витте. Недаром по временам так яростно травила его «свора

здесь мнения тем интереснее, что эта книга есть конспект лекций, читанных Витте в 1900—02 г.г. великому князю Михаилу Александровичу, тогда считавшемуся наследником престола.

[1]) Выпущена в свет в Москве в 1907 г. под псевдонимом Льва Семенова, стр. 15 и 19. Действительный автор брошюры был назван в некрологах Шарапова.

псов черной масти, спущенная на него при молчаливом соизволении Его Величества» [1]).

И это совершенно естественно: хотя Витте и не был врагом дворянства (как в этом совершенно неправильно упрекал его Шарапов), хотя он, как большой оппортунист, всею душой хотел бы с ним ладить, хорошо понимая, что сила его далеко не изжита, но все-таки он прежде всего был министром не дворянства, а той самой горной, заводской и фабричной промышленности, значение которой он в цитированном сейчас всеподданнейшем докладе, несомненно, сильно преувеличил и на службу которой он старался поставить весь государственный механизм. Две его реформы особенно больно задевали землевладельцев,—это, во-первых, золотая валюта, а во-вторых, винная монополия.

Первая, введенная Витте на смену старой, постоянно падавшей денежной валюты, лишила дворянство дешевых денег, которыми оно привыкло расплачиваться со своими рабочими, получая цену своего хлеба за границей чистым европейским золотом. А водочная монополия, поставившая все производство водки под строжайший контроль правительства, лишила значительное число дворян, обзаведшихся винокуренными заводами, положения хозяев на них.

Первая из них, поставившая денежное хозяйство России на один уровень с хозяйством западноевропейских государств, значительно улучшившая государственное хозяйство вообще и давшая могучий толчок промышленному развитию России, составляет главную и неоспоримую заслугу Витте. Именно по отношению к ней он встретил особенно сильное противодействие со стороны Государственного Совета, в котором дворянские вожделения на этот раз не смягчались соображениями фискального характера, облегчившими прохождение второй реформы, весьма выгодной для фиска, но для народа имевшей скорее отрицательное значение. Витте, однако, как сторонник просвещенного абсолютизма, мало стеснялся теми формами, которые были установлены для прохождения законодательных актов, и денежная реформа проведена им была, главным образом, в административном порядке, а закреплена, помимо Государственного Совета, несколькими испрошенными высочайшими повелениями и указами. Не раз он даже скрывал от Государственного Совета свои истинные намерения. Он мало стеснялся также закон-

---

[1]) Т. I, 252 «Воспоминаний», из собственноручной записи. И еще раз (т. I, 277, тоже из собственноручной записи), Витте говорит, что он находился в положении «травленого зверя, между прочими псами царской псарни».

ными пределами своей власти, нередко прибегая к давлению на других министров в пределах их компетенции. Вообще при проведении этой меры он проявил большую энергию, большую настойчивость и, производя реформу, являвшуюся крупным шагом на пути преобразования России из страны дворянской в страну промышленную, он действовал, главным образом, теми средствами, которые давал ему старый самодержавный строй. Денежная реформа дала России возможность сравнительно благополучно перенести японскую войну; она была отменена в самом начале великой мировой войны, но упроченный ею кредит дал возможность производить во время ее выпуски неразменных бумажных денег в широких размерах, и то, что даже и до сих пор наши бумажные деньги сохраняют хотя и минимальную, но все-таки некоторую ценность, есть отдаленное следствие виттевской реформы.

Что касается винной монополии, то, являясь мерой, больно задевавшею интересы помещиков, она, конечно, не направлялась непосредственно в пользу промышленности или промышленников; она была продиктована исключительно интересами фиска и стремлением к усилению центральной власти. Уже при ее введении Витте выставлял другую цель, а именно, отрезвление народа, уменьшение пьянства. На этом же он настаивает и в своих «Воспоминаниях». В отчетах о деятельности водочной монополии, публиковавшихся в первое время, тоже многократно говорилось о благотворном ее в этом смысле влиянии, и только совсем недавно, незадолго до смерти, Витте сознался в Гос. Совете, что монополия привела только к спаиванию народа, но и тут он взваливал ответственность на Коковцова, будто бы извратившего смысл его реформы [1]).

Неправильность, — я готов сказать, недобросовестность — его аргументации доказывается прежде всего тем порядком, в котором вводилась монополия; сперва в губерниях, дававших наименьшие акцизные сборы, затем в губерниях, отличавшихся большим потреблением водки при старой системе, и, наконец, там, где надобность в увеличении потребления населением водки чувствовалась фиском всего менее. Благодаря водочной монополии, Витте, помимо значительного приращения государственных доходов, получил новую громадную армию чиновников, подчиненных правительству, и таким образом значительно усилил власть центрального правительства. Это и была вторая задача его реформы. Дру-

---

[1]) 19 мая 1912. См. стенограф. отчеты Государственного Совета, сессия VII, 1911—12, стр. 4153.

гим доказательством неверности его аргументации может служить крайняя, совершенно не соответствующая серьезности обвинений слабость аргументации против Коковцова (он уменьшил расходы по попечению о трезвости) и слабость практических предложений Витте в этой области (введение усиленных уголовных кар за пьянство).

Наряду с денежной реформой, железнодорожная политика Витте, продиктованная тою же идеей, давала ему право на признание со стороны прогрессивных слоев общества. Получив в наследство от своих предшественников сеть в 29.157 верст железного пути, принадлежавшего по преимуществу многочисленным частных компаниям, он оставил железнодорожную сеть в 54.217 верст, из которых бо́льшая половина принадлежала казне. Таким образом, за 11 лет его управления железнодорожная сеть выросла почти вдвое. И она выросла не только количественно. В области тарифного дела Витте решился на очень смелую, нигде за границей не испытанную (в таких размерах) меру: на значительное удешевление тарифов, как пассажирских, так и грузовых; первые были понижены в несколько раз и достигли той степени дешевизны, которой не только не достигают, но к которой даже не приближаются тарифы зап. Европы и Америки. В этом случае Витте руководствовался не интересами фиска,—по крайней мере, не непосредственными его интересами. Государство, в начале его управления финансами имевшее убыток от железных дорог в 22 миллиона рублей в год, под конец увеличило этот убыток до 81 миллиона. Но зато железнодорожное хозяйство в приданной ему Витте форме явилось могучим орудием экономического под'ема России. Оно значительно усилило подвижность населения, что, конечно, облегчало обрабатывающей промышленности приобретение дешевых рабочих рук, содействовало росту городов за счет деревни. Ту же цель преследовал Витте, отменяя паспортные сборы, а также защищая свободный выход крестьян из общины (в «Записке по крестьянскому делу», представленной им «Особому Совещанию о нуждах сельско-хозяйственной промышленности»).

Русская промышленность, как всякая возникающая промышленность, нуждалась в государственном покровительстве, и Витте, идя в этом отношении по стопам своих предшественников, Бунге и Вышнеградского, опираясь на идеи своего немецкого руководителя Фр. Листа, несколько раз поднимал таможенный тариф; он заботился о том, чтобы различные ведомства делали казенные заказы не за границей, а именно на русских заводах; во время сильного промышленного кризиса в конце XIX и начале XX в. он при-

шел на помощь различным промышленным предприятиям щедрыми субсидиями из средств государственного банка.

Русская буржуазия (на этот раз в полном единомыслии с русским дворянством) ненавидела прямые налоги, и вся податная политика Витте была направлена к тому, чтобы возможным усилением роли косвенных налогов в государственном бюджете перекладывать налоговое бремя с имущих классов на плечи неимущих.

Непосредственные результаты деятельности Витте, как министра финансов, были чрезвычайно благоприятны для промышленности. Добыча каменного угля возросла при нем более, чем в три раза, выплавка чугуна в два с половиной раза, добыча нефти в два раза. Приблизительно в такой же пропорции развились и другие отрасли промышленности. Сахарная прямо расцвела под действием благоприятной для нее нормировки (созданной до Витте, но им поддерживавшейся), доставляя одновременно и очень крупные дивиденды заводчикам, и очень крупные доходы казне, и это несмотря на то (или, скорее, благодаря тому), что высокие цены на сахар сильно затрудняли его доступ в народные массы, лишая их столь важного продукта питания.

Не менее, если не более, благоприятны они были для русских финансов и для правительства вообще. Хронические раньше дефициты исчезли из росписей, бюджет возрос более чем в два раза (с 965 милл. руб. в 1892 г. до 2071 милл. в 1903 г.), армия чиновников, зависящих от правительства, и именно от министерства финансов, получила значительное подкрепление в лице сидельцев монополек, и вообще внешняя мощь правительственной власти значительно окрепла.

Совершенно иную картину, конечно, представляет положение рабочего касса, для которого при Витте было сделано крайне мало. Витте гордится законом об ответственности предпринимателей за увечья рабочих и отмечает те трудности, которые пришлось ему преодолеть для его проведения через Государственный Совет, в частности, те возражения, которые представил против него Победоносцев (об этом было уже сказано выше). Но тут же он признает, что Александр III был в этом случае на его стороне. Кто же ему мешал прибегнуть к тем приемам, к которым он прибег позднее для проведения денежной реформы? Неужели он этого не сделал только потому, что при проведении этого законопроекта он был еще новичком? А затем в 1903 г. он свой законопроект все-таки провел, но оказалось, что его законопроект есть нечто крайне недостаточное.

Заработная плата, условия труда, в мастерских и на фабриках, при нем не только не прогрессировали, но, скорее, шли назад; в частности, число несчастных случаев на фабриках, в каменноугольных копях, на железных дорогах росло за все время управления Витте в прогрессии, далеко опережавшей рост самой промышленности. Фабричное законодательство, зачатки которого были положены до Витте при Бунге и Вышнеградском, при Витте не прогрессировало.

Что касается сельско-хозяйственной промышленности, то ее упадок делался все более и более заметным; на него жаловался, и не без оснований, даже помещичий класс, тем более от него страдало крестьянство. Если Витте интересовался крестьянством, то главным образом потому, что видел в нем внутренний рынок для произведений промышленности. Только под конец своего управления финансами Витте почувствовал опасность этой политики, и в его всеподданнейших отчетах зазвучала новая нота: «нет на Руси более важного экономического вопроса, писал он, чем вопрос о коренном улучшении хозяйственного быта нашего сельского населения». Но если в своих заботах о развитии производительных сил страны, когда эти заботы обращались на горную или обрабатывающую промышленность, Витте обнаружил большой размах и известное творчество, то здесь он был изумительно бледен. По его почину было в 1902 г. учреждено «Особое Совещание о нуждах сельско-хозяйственной промышленности», с многочисленными местными комитетами из местных людей, конечно, по преимуществу, помещиков. Но вместо того, чтобы предоставить этим комитетам простор в обсуждении различных вопросов, было сделано все возможное, чтобы стеснить и ограничить их компетенцию,—и все это из шаблонного страха, что местные комитеты обратятся в очаги крамолы; а когда Плеве арестовал и выслал членов некоторых из местных комитетов (Н. Ф. Бунакова и Щербину), отрешил от должности князя Долгорукова (председателя уездной земской управы в Курской губ.) и подверг разным другим карам еще нескольких лиц, то Витте и не подумал заступиться за них. В этом сказался, конечно, прежде всего уклончивый и лицемерный характер Витте, не желавшего слишком крупно ссориться с Плеве, но, вероятно, также (в случае с Бунаковым) и полнейшее несочувствие к заявлению Бунакова, в котором прозвучала конституционная нотка, хотя и в очень мягкой и осторожной форме. Вообще, и особое совещание, и местные комитеты были обращены в одно из обычных у нас бюрократических совещаний сведущих людей, вовсе не оставивших никаких практических резуль-

татов от своей деятельности. По поводу своего поведения по отношению к членам совещания, сделавшимся жертвами гонений, Витте делает следующее горькое сознание:

«Граф Лев Толстой (известный писатель), ходатайствуя об одном крестьянине, подвергнувшемся за свои мнения, высказанные в совещании, аресту и ссылке — не без некоторого основания упрекал меня в провокации (письмо его хранится в моем архиве)» [1]).

Что же касается деятельности Витте в качестве министра финансов, вообще, то сам Витте делает здесь другое грустное признание:

«В течение более чем десятилетнего моего управления финансами я их привел в блистательное состояние, но очень мало мог сделать для экономического состояния народа, ибо не только не встречал сочувствия реального (а не на словах) в правящих сферах, а, напротив, встречал противодействие, и во главе оного за кулисами стоял Плеве» [2]).

Признание, с внешней стороны безусловно совершенно верное, но сомнительно, чтобы значительная доля вины не падала и на самого Витте: по крайней мере, даже в его «Воспоминаниях» мы не видим ни одного фактического указания на какую бы то ни было конкретную меру для под'ема экономического состояния народа, которую попы-

---

[1]) Т. I, стр. 477 из собственноручной записи. Это место интересно в нескольких отношениях,—с психологической и фактической стороны. С психологической оно интересно именно, как горькое и добросовестное сознание («не без некоторого основания») своей вины, в которой Витте даже не пытается оправдываться, если за оправдание не считать упрека, посылаемого по адресу Плеве,—но ведь этот упрек нисколько не снимает вины с Витте. А с фактической стороны интересно указание на письмо Льва Толстого. Письмо Толстого хранится в архиве Витте, это, конечно, некоторое утешение,—но почему Витте не передал его редактору полного собрания сочинений и писем Толстого, когда тот собирал все письма великого писателя? Во всяком случае, в этом собрании письма Толстого к Витте нет, а оно было бы очень любопытно. Не может быть, чтобы Витте не читал в газетах обращения с просьбой присылать письма Толстого. Неужели упреки Толстого были настолько тяжелы, что Витте не пожелал предать их гласности?

Любопытно, что в 1896 г. Витте через А. М. Кузминского обращался к Л. Толстому с пожеланием познакомиться с великим писателем и выслушать его мнение о винной монополии. Л. Толстой в письме к Кузминскому просил передать Витте, что отношение его к монополии самое отрицательное, и что «он, Толстой, такой крайний человек, что с ним лучше не видеться». Письмо напечатано в Полном собрании сочинений Л. Толстого, под ред. Бирюкова, изд. Сытина, М. 1913, т. XXII, стр. 174. Витте почему-то здесь скрыт под буквой В.

[2]) Т. I, стр. 185, из собственноручной записи.

тался бы провести Витте и не смог, вследствие противодействия правящих сфер (если не считать закона об ответственности предпринимателей, который он все же провел, и самого учреждения Особого Совещания о нуждах сельской промышленности, которого действительно не смог отстоять Витте, но, очевидно, в значительной мере, вследствие собственной слабости). Кипучая энергия Витте в эту сторону не направлялась.

Сторонник развития производственных сил России, Витте прекрасно понимал отрицательное значение войн. В цвете своих лет он пережил турецкую войну 1877—78 г. В качестве монархиста-романтика с некоторым славянофильским оттенком он увлекался славянским восстанием; вместе со Славянским Обществом, деятельным членом которого он был, он мечтал о водружении православного креста на св. Софии в Константинополе и заодно—о захвате под власть русского царя Босфора и Дарданелл, столь важных для русского хлебного и всякого иного экспорта. Но война быстро отрезвила Витте: он увидел, что она, несмотря на победу, задержала экономическое и финансовое развитие России по крайней мере на 20 лет, и восстановить курс рубля до нормы, на которой он стоял перед турецкой войной, больше уже не удалось, а до несколько более низкой нормы—только в бытность его, Витте, министром финансов.

С тех пор Витте является противником как всякой политики, которая может вовлечь Россию в войну, так и милитаризма вообще. Он больше не увлекается идеей захвата Константинополя, и даже в 1896 г., когда наш константинопольский посол чуть было не впутал нас в войну с Турцией, с целью захвата Босфора и Дарданелл, момент для чего казался ему и многим правительственным лицам очень благоприятным, на заседании, посвященном этому вопросу и состоявшемся под личным председательством царя, один Витте высказался против нее. Первоначально Николай решил вопрос вопреки мнению Витте, но потом, под влиянием вел. кн. Владимира Александровича и Победоносцева, перерешил его. [1]).

С конца девяностых годов началась «кровавая», как ее правильно называет Витте, дальневосточная политика, долженствовшая закончиться японской войной. Витте был бы ее противником даже если бы он не знал опасной силы Японии, просто в силу того, что он слишком дорожил развитием мирных торговых отношений с Китаем и Японией,

---

[1]) Т. I, стр. 88-90, 253; наиболее существенное из стенографической записи, остальное—из собственноручной.

которым он придавал большую цену. Но, кроме того, он хорошо понимал и то, чего решительно не понимали ни царь, ни Алексеев, ни Абаза, ни Безобразов, ни Плеве, а именно, что Япония представляет большую силу, и война с нею—большую опасность. Поэтому вся дальневосточная политика нашла в нем противника. Борьба с нею, хотя и не увенчавшаяся успехом, составляет большую непререкаемую заслугу Витте.

Что касается милитаризма в мирное время, то Витте правильно оценивал его значение. В его «Конспекте лекций о народном хозяйстве», читанных, как мы уже знаем, вел. кн. Михаилу Александровичу, несколько страниц посвящено оценке этого явления с точки зрения интересов народного хозяйства [1]), и в результате Витте приходит к выводу о том, что милитаризм неизбежно уменьшает затраты государства на под'ем культурных и производительных сил народа, что он ложится на него тяжелым гнетом, что он «подобно хронической болезни медленно подтачивает экономическую жизнь современных государственных организмов Европы и не позволяет свободно развиваться их производительным силам. Необычайно быстрое развитие народного богатства в Соединенных Штатах между прочим обусловливается отсутствием здесь постоянной армии».

Конечно, в качестве министра финансов он не проводил этого своего убеждения с сколько-нибудь ощутительной твердостью; напротив, когда ген. Куропаткин в своем отчете о японской войне («Итоги войны», 4 тома) об'яснял наши неудачи, между прочим, тем, что в последние годы перед войной министерство финансов скупо отпускало средства на армию, то Витте счел нужным в особой брошюре опровергнуть это обвинение, и сделал это с полной убедительностью [2]).

Но действовать иначе для царского министра было бы, конечно, совершенно невозможно.

Правильно понимая значение милитаризма, Витте не мог не понимать и того, что его отсутствие в Америке дает ей громадное и очень опасное преимущество перед Европой. Если Европа не освободится от бремени милитаризма, то, по убеждению Витте, не в очень далеком будущем политическая и экономическая гегемония перейдет к Америке, а Европе предстоит печальная роль «почтенной, но дряхлой старушки», и потому задача как-нибудь стряхнуть это бремя

---

[1]) Витте. Конспект и т. д., 2 изд. СПБ. 1912, стр. 81 и сл.

[2]) Гр. Витте. «Вынужденные об'яснения по поводу отчета ген. ад'ютанта Куропаткина о войне с Японией». Москва 1911.

ему казалась очень соблазнительной. Он лелеял мысль о союзе России, Германии и Франции, к которому постепенно пристали бы и другие державы континентальной Европы, и который дал бы возможность остановить рост вооружений. Эту мысль Витте проводил и имп. Вильгельму, и имп. Николаю,—но результаты его внушений совершенно не соответствовали его намерениям: оба монарха как будто сочувственно отнеслись к плану Витте, но сочувственно на разные манеры: Вильгельм воспользовался простотой Николая и предложил ему Биоркский договор [1]).

В конце 90-х годов был возбужден вопрос о введении земства на окраинах. Между отстаивавшим эту меру министерством внутренних дел и противником ее Витте завязалась полемика, в форме, обычной на бюрократических верхах: обе стороны составляли и распространяли, в незначительном количестве экземпляров, среди высокопоставленных особ особые записки, не предназначавшиеся для печати. И Витте составил такую записку против Горемыкина [2]).

В ней он следующим образом высказал свое общее мнение о форме правления в России:

«Можно верить,—и лично я исповедую это убеждение,—что конституция вообще «великая ложь нашего времени», и что в частности в России, при ее разноязычности и разноплеменности, эта форма неприменима без разложения государственного единства». В подстрочном примечании к этому месту Витте подкрепил свою мысль авторитетом Победоносцева, высказавшим ее в еще более резкой и решительной форме. «С этой точки зрения, говорит он дальше, никакого дальнейшего расширения деятельности земству давать нельзя: надо провести для него ясную демаркационную линию, не позволять ни под каким видом переступать эту линию, но вместе с тем надо возможно скорее озаботиться правильной и соответствующей организацией правительственной администрации, твердо памятуя, что «кто хозяин в стране, тот должен быть хозяином и в администрации».

«Никакого среднего между этими двумя путями быть не может. Правительству, говоря словами профессора Градовского, не следует ставить свою ставку одновременно на черный и красный квадрат,—не следует, с одной стороны, говорить о развитии самодеятельности общества и начал само-

---

[1]) Т. I, стр. 110, 116—120, 412, частью из стенографич., частью из собственноручной записи.

[2]) Записка Витте впоследствии была выпущена в свет им самим под заглавием «По поводу непреложности законов государственной жизни» Спб. 1914. Более известна она под именем «Самодержавие и земство», которое было дано ей Петром Б. Струве, издавшим ее нелегально за границей.

управления, а с другой—подавлять всякую самодеятельность, ограничивать самоуправление, ставить его в положение, при котором оно не может быть даже удовлетворительным средством управления. Результаты такой политики всегда будут отрицательны. Ничего не разжигает так революционный дух, как недостаток гармонии в учреждениях и разногласие между законами или теоретическими началами управления и практикою последнего. Эту истину надо всегда помнить; нельзя создавать либеральные формы, не наполняя их соответствующим содержанием».

Мы видели уже, что некоторые (и в их числе Шипов) видели в этой записке выражение своеобразного конституционализма. Действительно, конец приведенной сейчас цитаты как будто дает возможность усомниться в том, восстает ли Витте против либеральных форм или требует заполнения их соответствующим содержанием; выбирает ли он сам черный или красный квадрат. Но категорическое заявление, вслед за Победоносцевым, что конституция есть великая ложь нашего времени, сочувственная цитата из Победоносцева и, главное, время составления этой записки— не оставляют места для подобного сомнения: ведь не для академического же спора с Горемыкиным о «непреложности законов государственной жизни» представил он высокопоставленным особам записку в тот момент, когда на очереди стоял практический вопрос о введении земства в нескольких губерниях. И в основной точке зрения этой записки нельзя не видеть действительного убеждения Витте того периода.

Мы видели, однако, и то, что жизнь сделала из Витте к 1905 году конституционалиста, хотя и весьма умеренного и безусловно враждебного началам парламентаризма.

С точки зрения этих убеждений Витте, нам делаются понятными все те его колебания, которые заставили его некрологистов говорить, что на перевале русской государственности условия бурного момента оказались ему не по плечу.

Если бы Витте был убежденным либералом, то они были бы правы. Но ведь размеры политического таланта политического человека нужно определять по его целям. Витте не был либералом, а был консерватором, в лучшем случае либеральным консерватором, и цель его была вовсе не водворить в России конституционализм, а спасти монархию, и только ради ее спасения он хотел несколько подновить ее. Для этого, прежде всего, нужно было—раз'единить либеральную оппозицию и революцию; это поставил себе своей ближайшей задачей Витте, и эту задачу он 17 октября испол-

нил блестяще, и этого он не скрывает, напротив, гордится этим.

«Со дня моего возвращения из Америки я ясно видел, что смута растет не по дням, а по часам, все усиливаясь.

«В конце сентября и начале октября она вышла наружу и начала бить фонтаном. Не говоря об окраинах, революция вырывалась наружу всюду.

«Все об'единились в ненависти к существующему режиму, и только тогда, когда был не только поставлен, но и фактически проведен вопрос, чем ненавистное будет заменено (17 октября), было разрушено единение ненависти к существующему: явились партии, которые пожелали каждая перекроить управление по-своему, и затем ожесточенная борьба этих партий, происходящая доныне. 17 октября разрушило единение чувства ненависти к существующему, разбило борьбу, направленную лишь на существующий режим, на борьбу и ненавистничество партийное» [1]).

Русское общество или, по крайней мере, та его часть, которая умела среди кипения страстей хладнокровно судить о событиях, оценивала его заслугу иначе, и, я думаю, история не согласится с собственной оценкой Витте, но сам он именно в раз'единении чувства ненависти к режиму, в возбуждении в рядах оппозиции внутренней борьбы полагал свою задачу и свою историческую заслугу видел не в том, что он заставил русского самодержца оффициально признать, что «Россия переросла формы существующего строя» [2]) и этим приоткрыл дверь к преобразованиям, а прежде всего в том, что этими словами он бросил кость борющимся партиям и заставил их грызться между собой.

Из такого отношения к делу вытекало все его поведение в качестве премьера, все его противоречия оказываются с этой точки зрения об'яснимыми и примиренными.

Следовательно, перед нами не великий преобразователь, который ставит государству совершенно новые задачи, а деятель определенного режима, дорожащий прежде всего сохранением этого режима, но понимающий, что его сохранение возможно только при помощи частичных преобразований, некоторых уступок общественному мнению.

И Витте добился своего. Правительство вышло из жесточайшего испытания почти без урона. Старые формы государственного строя восстановлены почти в прежнем виде и только слегка подновлены Государственной Думой, являв-

---

[1]) Т. I, стр. 494—495, из собственноручной записи.

[2]) Слова из всеподданнейшего доклада Витте 17 октября 1905 г., высочайше утвержденного.

шейся (особенно в ее позднейшем, третьеиюньском виде) скорее новым бюрократическим учреждением, своего рода департаментом народного представительства, чем истинным народным представительством. Вместе с ним спасены интересы промышленности и торговли, и развитию производительных сил России,—постоянная мысль Витте,—вновь предоставлен значительный простор. Со времени Японской войны Россия в экономическом отношении быстро шла вперед, и только великая мировая война положила предел этому движению.

В этом историческое значение деятельности Витте, цельной, несмотря на внешние противоречия.

Таким образом, те задачи, которые ставил графу Витте исторический момент, с точки зрения его убеждений,—оказались ему вполне по плечу,—а других он на себя не брал, не потому, что он не был достаточно крупен для этого, а потому, что они совершенно не соответствовали всей его духовной сущности.

Витте был крупный государственный деятель,—в последнее полустолетие самый крупный государственный деятель старого режима,—и остался им и в год первой революции.

Но был ли Витте мелкой душой при крупном уме?

Совершенно несомненно, что моральных дефектов у Витте было очень много.

«Лукавый царедворец», «уклончивый, но смелый и лукавый», он создал себе не особенно лестную репутацию человека, на слово которого нельзя положиться; он всегда заискивал перед людьми самых различных положений и убеждений, стремясь, по возможности, ладить и с правыми, и с левыми. Его «Воспоминания» не опровергают этой репутации, несмотря на то, что в них он старается сделать как раз это. Он не устает повторять, что он человек резкий и прямой, что он не умеет скрывать своих убеждений нигде и не перед кем, неспособен даже смягчать своих выражений; для Александра III такой характер подходил, но Николая II его речи постоянно коробили, и в манере Витте вести себя с царем лежит причина той злобы, которую в конце концов почувствовал к нему Николай. Вот, например, Ламсдорф,—тот тоже говорил царю правду, но он умел говорить ее мягко, не настаивая на ней, не отстаивая ее (и даже, нужно бы к этому прибавить, соглашаясь прикрывать своим именем политику, гибельность которой он прекрасно понимал),—и царь его терпел (однако, вышвырнул его так же, как и Витте, или даже еще хуже, потому что вышвырнул его для удовлетворения общественного мнения за

войну, в которой Ламсдорф не был виноват,—по крайней мере, не был виноват активно).

— А я этого не могу, говорит Витте, и в этом источник моих злоключений.

Такая самооценка Витте совершенно неправильна.

Может быть, Витте и был иногда немного более резок и правдив, чем это принято в тех кругах, в которых он должен был действовать, но действительно резок и действительно правдив он не был,—и это ясно видно даже из его «Воспоминаний».

Он сам указывает, что, хотя он и высказал царю свое мнение о Плеве, но все-таки не договорил его до конца, и даже Победоносцев был резче и прямее, чем Витте.

Витте дал превосходный совет Куропаткину, отправлявшемуся на войну, но ни разу не совершил ни одного действия, которое давало бы право думать, что на месте Куропаткина он сам последовал бы своему собственному совету. Напротив, очень желая оборудования порта на Мурмане, он сам до некоторой степени виновен в провале своего собственного проекта, и виновен потому, что, по сложным и тонким соображениям дворцовой политики, не только не ковал железа, пока оно было горячо, но прямо советовал царю не торопиться с этим делом [1]).

Если бы Витте высказал в лицо князю Мещерскому хотя долю того, что он написал о нем «Воспоминаниях», то никаких отношений между ними не могло бы быть, а между тем они бывали друг у друга, как знакомые, даже на дружеских обедах. И тут сам Витте указывает, что и на верхах встречались изредка люди (Святополк-Мирский), которые могли искреннее и правдивее относиться к пролазам и льстецам вроде князя Мещерского. И этого мало: Витте принимал к себе на службу людей по рекомендации Мещерского, и даже таких явных проходимцев, как Манасевич-Мануйлов, а иногда даже по рекомендации Мещерского назначал товарищей министров (Герасимов) [2]).

Подобных примеров, опровергающих утверждения Витте о его резкости и прямоте, привести можно множество.

Можно привести еще один очень яркий и очень характерный пример искусства, с которым Витте надевал на себя маску; этот пример рассказывает он сам, и даже рассказывает с гордостью.

---

[1]) Т. I, стр. 6, из стенографической записи.

[2]) Т. I, стр. 181, из стенографической записи, а также в специальной главе о кн. Мещерском во II т., из стенограф. записи.

Отправляясь в Америку для ведения мирных переговоров с представителями Японии, Витте очень тщательно обдумал план своих действий. Он решил, что ему надо во что бы то ни стало склонить на свою сторону американское общественное мнение. А для этого он решил разыгрывать демократа в американском вкусе, и он вполне сознательно надел на себя маску и искусно втечение многих недель играл роль, претившую его личным привычкам и характеру,—и добился своей цели. Зато полный успех увенчал его усилия: после неслыханно неудачной войны мы получили мир весьма сносный,—гораздо более сносный, чем этого можно было ожидать.

Витте был человек громадного честолюбия, самолюбия и славолюбия,—и этого он не скрывает. Не только самолюбия, но и славолюбия,—он на редкость дорожит своей загробной славой. Ради нее он пишет свои «Воспоминания», он уверен, что история скажет о нем правдивое слово и рассудит между ним и его врагами.

Он утверждает, что на сплетни он никогда не обращал ни малейшего внимания,—разве, если они затрагивали его жену [1]), а жена в своем предисловии к «Воспоминаниям» очень уверенно прибавляет; «полемизировать с противниками, опровергать клеветы, раз'яснять недоразумения, обращаться к печати мой муж не желал. Он был выше того, чтобы вмешиваться в злободневную суету пересудов... отсюда решение доверить суд над своею деятельностью следующему поколению, отсюда печатаемые ныне мемуары». Это совершенно не верно, и вряд ли в истории России можно найти другого государственного деятеля, который так охотно обращался бы к печати для раз'яснения всяческих недоразумений, для опровержения всяческих клевет, как Витте. Он лично вел в печати полемику с Гучковым, Куропаткиным, Тимирязевым, с ген. Батьяновым, со Стишинским, с каким-то Семеновым (см. «Петербургские Ведомости» 26 апр. 1908 г.). Часто и очень охотно давал полемические интервью и инспирировал целые книги в защиту своей политики (такова, напр., книжка А. Морского «Исход российской революции и правительство Носаря». Москва 1911 г.).

Это ясно свидетельствует о том, что с постоянной мыслью о загробной славе Витте соединял и постоянную заботу о мнении живущего поколения.

Есть два рода честолюбий: одно стремится к тому, чтобы занять видное место на общественной лестнице и, пользуясь

---

[1]) Т. I, стр. 248, из стенографической записи.

даваемой этим местом властью и силой, проводить в жизнь свои убеждения, не уступая никаким посторонним давлениям и влияниям. Другое честолюбие стремится занять видное место на общественной лестнице, чтобы надеть соответствующий этому месту блестящий мундир, хотя бы ради этого внешнего почета приходилось все время изворачиваться, угождая то одному, то другому, переменяя убеждения согласно интересам минуты. Честолюбцем первого вида был Лассаль. Говорят,—и это говорят люди, его знавшие, хотя, может быть, и не вполне достоверные свидетели (Елена Деннигес, Бисмарк), что ему не были чужды даже мечтания о короне Германской империи. Совершенно несомненно, что ни на пути к этой фантастической короне, ни надев ее на голову,—если бы каким-нибудь чудом это оказалось возможным,—Лассаль не поступился бы своими убеждениями ни на одну иоту и положил бы всю свою жизнь на работу для блага рабочего класса Германии.

Примеров другого рода честолюбия можно указать бесчисленное множество, но, чтобы не уходить слишком далеко, остановимся на Щегловитове. Составив себе репутацию, правда, очень умеренного, но все-таки несомненного либерала, он внезапно принял пост сперва товарища министра юстиции при решительном реакционере Акимове в кабинете Витте (1905—06), а затем и министра юстиции в кабинетах Горемыкина, Столыпина, Коковцова и вновь Горемыкина (1906—15), и сразу выбросил за борт весь свой либерализм; вчера еще сторонник судебных уставов 1864 г. с независимостью и несменяемостью судей, с судом присяжных, гласностью судопроизводства, и т. д., он сразу стал противником всех этих институтов. Этого, очевидно, требовал дух времени, это было, вероятно, молчаливо поставленым и само собою разумеющимся условием получения им министерского поста. Министерство, следовательно, было ему нужно не для того, чтобы осуществлять свою программу: он творил исключительно чужую волю, и следовательно в министерстве он дорожил только внешними аксессуарами.

Витте ни по размерам своего таланта, ни по нравственной высоте своей личности далеко не был Лассалем, он не был тем прямым, мужественным, всегда верным себе борцом, каким был Лассаль,—мы видели тому не мало доказательств. Но он не был и Щегловитовым: он хотел власти не ради министерского мундира и жалованья, не ради того, чтобы курьеры стояли перед ним на-вытяжку и говорили ему: Ваше Высокопревосходительство,—или по крайней мере не только ради этого (хотя и эти аксессуары власти льстили его самолюбию и нравились ему)—нет, власть ему была нужна для

осуществления его программы блага России, как он его понимал (хотя понимал он его недостаточно широко), и потому, несмотря на частичные перемены в убеждениях, на многочисленные компромиссы и уклонения от прямой дороги, несмотря на все это, в общем, его деятельность представляет из себя нечто цельное и последовательное.

Однако, его воспоминания говорят об одном коренном психологическом противоречии в ней.

Витте, как мы видели, много говорит о своей преданности не только идее самодержавия, но и лично Николаю II, к которому он питает любовь, которому он желает всяческого благополучия, несмотря на злобу, накипающую в нем по временам при виде того, как царь губит Россию, династию и самого себя. И это, несомненно, искренно. Весьма возможно даже, что именно глубокий и искренний монархизм Витте возбуждал в нем тем бо̀льшую ненависть, тем большее презрение к Николаю: ведь Николай оскорблял не только его лично, как человека, но своим явным несоответствием идеалу монарха оскорблял святая святых графа Витте, его монархические убеждения.

А что же такое представляют «Воспоминания» в целом?

Все эти рассказы о злобности, мстительности, низости Николая, разоблачения о расхищении государственной казны ради субсидий разным фаворитам, о погромных прокламациях, протежируемых Николаем, о порке крестьян, о господствующем беззаконии, рассказы о том, кто и как управляет Россией,—служат они делу самодержавия?

Без всякого сомнения, нет.

Витте не мог знать, когда будут опубликованы его мемуары. Они могли быть опубликованы еще при жизни Николая, и трудно представить себе, какой удар нанесли бы они ему лично и вместе с тем его режиму. И Витте, очевидно, шел на это.

Тут мы видим действительно глубокое противоречие, — но противоречие человеческое, слишком человеческое.

Центральное Кооперативное Издательство „МЫСЛЬ“

Петроград, Ковенский пер., № 11.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ:

	Руб.
Н. Гумилев—Тень от пальмы, расск.	30
Н. Гумилев—Стихотворения, посм. сб.	75
Рабиндр. Тагор—Нов. пьесы, пер. под ред. В. Г. Тана	75
Г. Иванов—Лампада, стих.	30
И. Одоевцева—Двор чудес, сборн. стих	25
В. Ходасевич—Путем зерна, стих.	20
Н. Гумилев—Мик, поэма	20
Н. Гумилев—Фарфоров. павильон, стихи	20
Ю. Верховский—Солнце в заточении, стих.	30
М. Шкепская—Час вечерний, стих.	35
И. Глебов—Чайковский	100
Е. Браудо—Бородин	100
В. Водовозов—Гр. Витте и Николай II	75
В. Водовозов—Версальский мир и Лига Наций	60
Р. М. Кантор—В погоне за Нечаевым	60
Памяти **В. Г. Короленко**—сб. ст. под ред. А. Б. Петрищева	100
Проф. **И. М. Кулишер**—Лекции по истории эконом. быта Западной Европы.	100
Проф. **А. С. Догель**—Старость и смерть	30
Проф. **А. С. Догель**—Различные формы проявления жизни на земле.	10
Проф. **В. Л. Якимов**—Паразиты человека	75
Г. Д. Белоновский—Бактериология	45
Акад. **В. И. Палладин**—Физиология растений	160
Акад. **В. И. Палладин**—Невидимые живые существа	40
Н. А. Крюков—Продукты птицеводства	20
Проф. **Л. М. Лялин**—Плоды и ягоды.	40
Н. А. Крюков Мясо и его продукты	60
Проф. **Л. М. Лялин**—Жиры и масла.	60
Н. И. Полевицкий—Сушка овощей	100
М. Новорусский—Почва	35
Г. Олсуфьев—Собирание насекомых.	10
М. Новорусский—Яйцо	15
Овощи, сборник статей	60
К. Дебу—Бороны	30
К. Дебу—Кормозапарники	20
К. Дебу—Соломорезки и корнерезки	40

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Центральное Кооперативное Издательство „Мысль“.

Петроград, Ковенский, 11.

